

Фр. Энгельсъ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ 6-ГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

Е. Н. Бошнякъ, подъ редакціей Н. Н. Спиридонова

9. 2.

Изданіе Южно-Русскаго книгоиздательства.

Ф. А. Иогансона.

Кіевъ

1899.

Харьковъ.

Дозволено цензурою. Спб. 12 Сентября 1898 г.

Предисловія.

I. Къ первому изданію 1884 г.

Согласно матеріалистическому воззрѣнію самое важное, рѣшающее значеніе имѣетъ въ исторіи производство и воспроизведеніе непосредственной жизни, которое само, однако, бываетъ двоякаго рода: съ одной стороны, оно заключаетъ въ себѣ производство жизненныхъ средствъ, т. е. предметовъ питанія, одежды, жилища и необходимыхъ для всего этого орудій; съ другой стороны, оно представляетъ воспроизведеніе самихъ людей, продолженіе рода. Общественныя учрежденія, существующія у людей каждой данной страны и въ каждую историческую эпоху, обусловливаются обоими этими видами производства: т. е. ступенью развитія труда съ одной стороны, ступенью развитія семьи, съ другой. Чѣмъ менѣе развитъ трудъ, чѣмъ ограниченнѣе количество его продуктовъ, а слѣдовательно, и количество богатства въ обществѣ, тѣмъ болѣе управляютъ общественнымъ строемъ кровныя родовыя узы. Но въ этомъ обществѣ, раздѣленномъ на группы, основанныя на кровной связи, все болѣе развивается производительность труда, а вмѣстѣ съ нею развиваются частная собственность и обмѣнъ, имущественныя различія, примѣненіе чужой рабочей силы, классовыя противоположности, — словомъ всѣ тѣ новые соціальныя элементы, которые въ теченіе многихъ вѣковъ усиливаются примирить прежнюю обществен-

ную организацію съ новымъ положеніемъ людей, пока, накопецъ, несомѣстимость обоихъ не приводитъ къ полному перевороту. Прежнее общество, опиравшееся на родовыя группы, рушится вслѣдствіе столкновенія между вновь возникшими социальными классами, на его мѣсто выступаетъ новое общество, выраженіемъ котораго является государство, и низшія единицы котораго представляютъ уже не родовыя, а территориальныя группы; общество, въ которомъ семейный строй безусловно подчиненъ имущественному, и въ которомъ свободно развивается классовая рознь и борьба, до сихъ поръ составляющая все содержаніе существующей *писанной* исторіи.

Великую заслугу Морганъ составляетъ то, что онъ открылъ и воспроизвелъ въ ея главныхъ чертахъ эту доисторическую основу нашей писанной исторіи, а также то, что онъ нашелъ въ родовыхъ общинахъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ ключъ къ разрѣшенію важнѣйшихъ, оставшихся до сихъ поръ неразрѣшимыми загадокъ древнѣйшей греческой, римской и германской исторіи. Но сочиненіе его создано не въ одинъ день: около сорока лѣтъ возился онъ со своимъ матеріаломъ, пока не овладѣлъ имъ вполне; зато и книга его принадлежитъ къ числу немногихъ въ наше время книгъ, составляющихъ эпоху.

Въ нижеслѣдующемъ изложеніи читатель въ общемъ легко отличить то, что заимствовано у Морганъ, отъ моихъ собственныхъ добавленій. Въ отдѣлахъ, касающихся исторіи Греціи и Рима, я не ограничился свидѣтельствами Морганъ, но присоединилъ къ нимъ и тѣ данныя, которыя находились въ моемъ распоряженіи. Отдѣлы о кельтахъ и германцахъ принадлежатъ, главнымъ образомъ, мнѣ; для обзора этихъ народовъ Морганъ пользовался источниками лишь изъ вторыхъ рукъ, а по вопросу о бытѣ германцевъ — кромѣ Тацита — лишь плохими либеральными поддѣлками г. Фримана. Изложеніе экономическихъ отношеній у Морганъ, вполне достаточное для его цѣлей, для моихъ цѣлей было, однако, крайне скуднымъ, почему оно повсюду вновь переработано мною. И

наконецъ, само собою разумѣется, что за всѣ выводы, въ которыхъ я не ссылаюсь прямо на Моргана, отвѣтствененъ я.

II. Къ четвертому изданію 1891 года.

Прежнія большія изданія этого сочиненія всѣ разошлись уже почти полгода тому назадъ, и издатель давно выражалъ желаніе, чтобы я приступилъ къ новому изданію. До сихъ поръ болѣе неотложныя работы помѣшали мнѣ это сдѣлать. Со времени появленія перваго изданія прошло семь лѣтъ, въ теченіе которыхъ знаніе первобытныхъ формъ семьи сдѣлало значительные успѣхи. Поэтому мнѣ надо было усердно при- няться за исправленіе и дополненіе моей книги, тѣмъ болѣе что предполагающееся стереотипированіе настоящаго текста на нѣкоторое время сдѣластъ невозможными дальнѣйшія по- правки.

И такъ, я подвергъ все сочиненіе тщательному пере- смотру и сдѣлалъ въ немъ рядъ добавленій, въ которыхъ, надѣюсь, оказалъ достаточное вниманіе современному состо- янію науки. Кромѣ того, ниже въ этомъ предисловіи я даю краткій обзоръ развитія исторіографіи семьи отъ Бахсфена до Моргана; дѣлаю я это, главнымъ образомъ, въ виду того, что англійская доисторическая школа, нѣсколько страдающая шовинизмомъ, до сихъ поръ изо всѣхъ силъ старается замал- чивать переворотъ, произведенный открытіями Моргана въ воззрѣніяхъ на первобытную исторію, при чемъ она, однако, вовсе не стѣсняется присваивать себѣ результаты, добытые Морганомъ. Да и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ примѣръ Англійи находитъ себѣ слишкомъ усердныхъ подражателей.

Мой трудъ нѣсколько разъ переводился на иностранныя языки; прежде всего на итальянскій (*L'origine della famiglia, della proprietà privata e dello stato, versione riveduta dall' autore, di Pasquale Martignetti; Benevento 1885*), затѣмъ на румынскій (*Origina familiei proprietatei private si a statului, traducere de*

Joan Nadejde, въ яскомъ журналѣ *Contemporanul*, отъ сентября 1885 г. до мая 1886) и датскій (*Familjens, Privatejendomens og Statens Oprindelse, Dansk af Forfatteren gennemgaaet Udgave, besörget af Gerson Trier, Köbenhavn 1888*). Французскій переводъ, сдѣланный Henri Ravé съ настоящаго нѣмецкаго изданія, находится въ печати.

До начала шестидесятыхъ годовъ не можетъ быть и рѣчи о какой-либо исторіи семьи. Патріархальная форма семьи не только безъ дальнѣйшихъ разсужденій признавалась древнѣйшей, но и отождествлялась—за выключеніемъ изъ нея многоженства—съ современной буржуазной семьей, такъ что выходило, что семья вообще не испытала никакого историческаго развитія; лишь въ крайнемъ случаѣ допускалось, что въ первобытное время существовалъ періодъ безпорядочнаго общенія половъ. Конечно, въ то время было извѣстно, кромѣ единобрачія, и восточное многоженство, и индійско-тибетское многомужество, но это нельзя было привести въ историческую послѣдовательность, и между ними не видѣли никакой связи. Были уже въ то время извѣстны и такіе факты, какъ то, что у нѣкоторыхъ древнихъ народовъ, такъ же, какъ и у нѣкоторыхъ современныхъ дикарей, происхожденіе считается не по отцу, а по матери, и что слѣдовательно у нихъ лишь женская линія признается дѣйствительной; а также что у многихъ современныхъ народовъ бракъ запрещенъ въ предѣлахъ довольно большихъ группъ, тогда еще не изслѣдованныхъ, и что обычаи этотъ встрѣчается во всѣхъ частяхъ свѣта; примѣры подобныхъ фактовъ обнаруживались все въ большемъ количествѣ, но и съ ними не знали, что дѣлать, и даже въ сочиненіи Тэйлора (E. B. Tylor) «*Researches into the Early History of Mankind etc.*». (1865) они приводятся лишь въ качествѣ «странныхъ обычаевъ» наряду съ распространеннымъ у нѣкоторыхъ дикарей запрещеніемъ прикасаться къ горящему дереву желѣзнымъ орудіемъ, и съ другими подобными религіозными фокусами.

Исторія семьи возникла въ 1861 году, когда появилось сочиненіе Бахофена «Mutterrecht» («Материнское право»). Авторъ выставяетъ здѣсь слѣдующія положенія: во-первыхъ, что люди первоначально жили въ неограниченномъ половомъ общеніи, которому онъ даетъ неточное названіе гетеризма; во-вторыхъ, что такое сожителство совершенно исключало достовѣрное знаніе отца, вслѣдствіе чего происхожденіе могло считаться лишь по женской линіи—по материнскому праву—какъ это и было въ ходу первоначально у всѣхъ народовъ древности; въ третьихъ, что поэтому женщинамъ, какъ матерямъ, какъ единственнымъ достовѣрно извѣстнымъ родителямъ младшаго поколѣнія, оказывалась высокая степень уваженія и почета, по представленію Бахофена, доходившая до полнаго господства женщинъ (гинекратіи); въ четвертыхъ, что переходъ къ единобрачію, при которомъ женщина принадлежала исключительно одному мужчине, заключалъ въ себѣ нарушеніе первобытной религіозной заповѣди (т. е. въ дѣйствительности нарушеніе исконнаго права другихъ мужчинъ на ту же женщину), и что нарушеніе это должно было заглаживаться, или искупаться, временнымъ предоставленіемъ женщины другимъ мужчинамъ.

Доказательство вѣрности этихъ положеній Бахофенъ видитъ въ безчисленныхъ мѣстахъ древне-классической литературы, собранныхъ имъ съ величайшимъ прилежаніемъ. Переходъ отъ «гетеризма» къ моногаміи и отъ материнскаго права къ отцовскому совершился, по его мнѣнію, особенно въ Греціи, вслѣдствіе развитія религіозныхъ представленій, именно вслѣдствіе введенія новыхъ божествъ, представителей новыхъ взглядовъ, въ среду древнѣйшей группы боговъ, представителей прежнихъ воззрѣній, при чемъ новые боги все болѣе оттѣсняють старыхъ на задній планъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Бахофена, историческія измѣненія во взаимныхъ соціальныхъ отношеніяхъ мужчины и женщины были вызваны не развитіемъ дѣйствительныхъ условій жизни людей, но религіознымъ отраженіемъ этихъ условій въ умахъ тѣхъ же лю-

дей. Въ силу этого Бахофенъ видитъ въ Орестѣ Эсхила драматическое изображеніе борьбы между погибающимъ материнскимъ правомъ и возникающимъ и одерживающимъ надъ нимъ побѣду въ героическую эпоху отцовскимъ правомъ. Клитемнестра, ради своего возлюбленного Эгисѳа убиваетъ своего мужа Агамемнона, возвратившагося послѣ троянской войны. Но сынъ ея и Агамемнона—Орестъ, отмщаетъ ей за убійство отца, убивая ее. За это его преслѣдуютъ эриннии, адскія защитницы материнскаго права, по которому убійство матери является самымъ тяжкимъ, незагладимымъ преступленіемъ. Но Ореста защищаютъ божества, выступающіе здѣсь какъ представители новаго отцовскаго права: Аполлонъ, который самъ черезъ своего оракула побудилъ Ореста къ убійству матери, и Аѳина, которая призывается судьей въ этомъ дѣлѣ; Аѳина выслушиваетъ доводы обѣихъ сторонъ. Въ преніи, возникающемъ при этомъ между Орестомъ и эринніями, резюмируется весь спорный вопросъ. Орестъ ссылается на то, что Клитемнестра совершила двойное преступленіе, убивъ *своего* мужа, а *его* отца. Почему же преслѣдуютъ эриннии его, а не ее, которая гораздо болѣе виновна? Отвѣтъ поразителенъ: «Она не была *кровной родственницей* челоѳку, котораго убила». Убійство челоѳка, не находящагося съ убійцею въ кровномъ родствѣ, не представляетъ преступленія незаглажимаго, хотя бы убитый былъ даже мужемъ убійцы, такое преступленіе не касается эринній; ихъ дѣло лишь преслѣдовать за убійство кровнаго родственника, а по материнскому праву самымъ тяжкимъ случаемъ его является убійство матери. Аполлонъ выступаетъ въ качествѣ защитника Ореста, а Аѳина подвергаетъ вопросъ голосованію ареопагитовъ—аѳинскихъ судебныхъ засѣдательей. Голоса раздѣляются поровну между оправданіемъ и осужденіемъ; тогда Аѳина, въ качествѣ председательницы, подаетъ свой голосъ за Ореста и оправдываетъ его. Отцовское право одержало верхъ надъ материнскимъ; «боги младшаго поколѣнія», какъ ихъ называютъ сами эриннии, побѣдили эринній, и послѣднія въ концѣ концовъ

соглашаются занять новую должность, поступивъ на службу новому строю.

Это новое и совершенно вѣрное толкованіе Орестіи—одно изъ прекраснѣйшихъ и лучшихъ мѣстъ во всей книгѣ, но оно доказываетъ въ то же время, что Бахофенъ, по крайней мѣрѣ въ такой же степени, вѣритъ въ эриніи, Аполлона и Аѳину, въ какой вѣрилъ въ нихъ въ свое время Эсхилъ; именно онъ вѣритъ, что это они въ греческую героическую эпоху совершили чудо низверженія материнскаго права и замѣны его отцовскимъ. Ясно, что такое воззрѣніе, при которомъ религія признается главнымъ рычагомъ міровой исторіи, въ концѣ концовъ сводится къ чистому мистицизму. Поэтому разобратъ въ толстомъ сочиненіи Бахофена — работа не легкая, и далеко не всегда благодарная. Но все это не умаляетъ его заслуги, какъ піонера, проложившаго новую дорогу. Онъ первый замѣнилъ фразу о неизвѣстномъ первобытномъ состояніи съ безпорядочнымъ общеніемъ половъ доказательствомъ того, что, по свидѣтельству цѣлой массы мѣстъ древнеклассической литературы, у грековъ и азіатовъ прежде индивидуальнаго брака дѣйствительно долженъ былъ существовать порядокъ, при которомъ не только мужчина жилъ со многими женами, но и женщина жила со многими мужьями, нисколько не нарушая этимъ обычая; что слѣды этого обычая сохранились во временной ограниченной проституціи, которою женщины покупали себѣ право на единобрачіе; что поэтому первоначально происхожденіе могло считаться лишь по женской линіи, отъ матери къ матери; что это исключительное господство женской линіи еще долгое время сохранялось и при индивидуальномъ бракѣ, когда происхожденіе отъ отца сдѣлалось достовѣрнымъ или, по крайней мѣрѣ, признавалось таковымъ; и что такой первоначальный взглядъ на матерей, какъ на единственныхъ достовѣрно извѣстныхъ родителей дѣтей, обезпечивалъ имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и женщинамъ вообще, болѣе высокое общественное положеніе, чѣмъ какое онѣ занимали когда-либо впослѣдствіи. Правда, Бахофенъ высказалъ

эти положенія не съ такою ясностью,—этому препятствовало его мистическое міровоззрѣніе; но зато онъ доказалъ ихъ, а это означало въ 1861 году полный переворотъ.

Толстая книга Бахофена была написана на нѣмецкомъ языкѣ, т. е. на языкѣ націи, которая въ то время менѣе всѣхъ интересовалась первобытной исторіей современной семьи; она осталась, поэтому, неизвѣстной. Ближайшій преемникъ Бахофена въ этой области выступилъ въ 1865 году, ничего не слыхавъ о немъ.

Преемникомъ этимъ былъ Макъ-Леннанъ, представляющій прямую противоположность своему предшественнику. Въмѣсто геніальнаго мистика, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ сухимъ юристомъ, вмѣсто роскошной поэтической фантазіи — съ благовидными комбинаціями пледирующаго адвоката. Макъ-Леннанъ находитъ у многихъ дикихъ, варварскихъ и даже цивилизованныхъ народовъ, какъ древняго, такъ и новаго времени, форму брака, при которой женихъ, одинъ или со своими друзьями, будто бы насильно похищаетъ невѣсту у ея родныхъ. Этотъ обычай долженъ представлять собой остатокъ болѣе ранняго обычая, въ силу котораго мужчины дѣйствительно насильно похищали себѣ женъ изъ другихъ племенъ. Какимъ же образомъ возникъ этотъ «хищническій бракъ»? Къ нему не было рѣшительно никакого повода, пока въ собственномъ племени можно было найти достаточное количество женъ. Далѣе, мы столь же часто замѣчаемъ, что у нѣкоторыхъ неразвитыхъ народовъ существуютъ извѣстныя группы (въ 1865 году онѣ еще нерѣдко отождествлялись съ племенами), внутри которыхъ бракъ запрещенъ, такъ что мужчины должны искать себѣ женъ, а женщины мужей, внѣ своей группы; между тѣмъ какъ у другихъ народовъ существуетъ обычай, допускающій браки лишь внутри опредѣленной группы. Макъ-Леннанъ называетъ первыя «племена» экзогамными, а вторыя — эндогамными, и безъ дальнѣйшихъ разсужденій устанавливаетъ между ними рѣзкую противоположность. И хотя его собственное изслѣдованіе экзогаміи прямо наталкиваетъ

его на то, что эта противоположность во многих случаях, если не въ большинствѣ или даже не во всѣхъ, существуетъ лишь въ его воображеніи, онъ тѣмъ не менѣе кладетъ ее въ основу всей своей теоріи. Въ силу этой теоріи экзогамныя племена могутъ получать женъ лишь изъ другихъ племенъ, а въ виду соотвѣтствующихъ дикому состоянію постоянныхъ враждебныхъ отношеній между племенами это могло происходить только путемъ похищенія.

Макъ-Леннанъ спрашиваетъ далѣе: откуда произошелъ обычай экзогаміи? Понятіе о кровномъ родствѣ и о кровосмѣшеніи не могутъ имѣть къ этому никакого отношенія, такъ какъ они развились лишь гораздо позднѣе, но происхожденіе его можно объяснить очень распространеннымъ между дикарями обычаемъ убивать дѣтей женскаго пола немедленно по рожденіи. Это обуславливало въ каждомъ отдѣльномъ племени численный перевѣсъ мужчинъ надъ женщинами, необходимымъ ближайшимъ слѣдствіемъ котораго было то, что нѣсколько мужчинъ сообща владѣли одной женой, т. е. многомужество. Это, въ свою очередь, приводило къ тому, что было извѣстно, кто мать ребенка, но не было извѣстно, кто его отецъ; поэтому родство считалось по женской линіи, а мужская линія была исключена, т. е. господствовало материнское право. Другимъ слѣдствіемъ недостатка женщинъ въ племени — недостатка, который ослаблялся, но не устранялся многомужествомъ, было систематическое насильственное похищеніе женщинъ у чужихъ племенъ. «Такъ какъ экзогамія и многомужество вытекаютъ изъ одной и той же причины — отсутствія равновѣсія между числомъ лицъ обоего пола — то мы должны считать, что *у всѣхъ экзогамныхъ расъ первоначально существовало многомужество...* И поэтому мы должны признать несомнѣннымъ, что первоначальная система родства у экзогамныхъ расъ признавала кровными узами лишь родство по матери». (Mac Lennan, *Studies in Ancient History*. 1886. *Primitive Marriage*, p. 124).

Заслугу Макъ-Леннана составляетъ то, что онъ указалъ

на всеобщее распространение и важное значение обычая, называемаго имъ экзогаміей. Но существование экзогамныхъ группъ вовсе не было *открыто* имъ, а понять—такъ онъ ихъ совершенно не понималъ. Не говоря уже о болѣе раннихъ, единичныхъ упоминаніяхъ многихъ наблюдателей—упоминаніяхъ, послужившихъ матеріаломъ и для Макъ-Леннана—Латтама (Latham, Descriptive Ethnology, 1859) точно и подробно описалъ это учрежденіе у индійскихъ магаровъ и замѣтилъ при этомъ, что оно имѣетъ всеобщее распространение и встрѣчается во всѣхъ частяхъ свѣта—это мѣсто приведено у самого Макъ-Леннана. Также и Морганъ уже въ 1847 году въ своихъ письмахъ объ ирокезахъ и въ 1851 году въ сочиненіи «The League of the Iroquois» указалъ на существованіе этого учрежденія у ирокезовъ и правильно описалъ его, между тѣмъ какъ адвокатскій умъ Макъ-Леннана произвелъ здѣсь гораздо большую путаницу, чѣмъ мистическая фантазія Бахофена въ области материнскаго права. Дальнѣйшую заслугу Макъ-Леннана составляетъ признаніе имъ того, что происхожденіе считалось первоначально по матери, хотя здѣсь, какъ онъ самъ позднѣе признаетъ, его предупредилъ Бахофенъ. Но и здѣсь онъ не дошелъ до яснаго пониманія дѣла; онъ все время говоритъ о «родствѣ исключительно по женской линіи» (kinship through females only) и постоянно примѣняетъ это выраженіе, точное лишь для ранней ступени развитія, и къ позднѣйшимъ ступенямъ, на которыхъ происхожденіе и наследованіе ведется еще, правда, исключительно по женской линіи, но родство признается и формулируется также и по мужской линіи. Здѣсь сказывается ограниченность юриста, который создаетъ себѣ прочное юридическое выраженіе и постоянно примѣняетъ его, не обращая вниманія на то, что условія измѣнились и сдѣлали его непримѣнимымъ.

Но при всей своей стройности теорія Макъ-Леннана, повидимому, самому автору ея казалась неособенно прочно обоснованной. По крайней мѣрѣ, онъ самъ находитъ «замѣчательнымъ, что форма добыванія женъ посредствомъ похищенія

(мнимаго) всего рѣзче и полнѣе выражена какъ разъ у тѣхъ народовъ, у которыхъ признается мужское родство (должно означать: происхожденіе по мужской линіи)» (стр. 140). Онъ также находитъ страннымъ явленіемъ то, что «дѣтубійство, насколько намъ извѣстно, никогда не имѣетъ систематическаго характера тамъ, гдѣ существуютъ рядомъ экзогамія и древнѣйшая форма родства» (стр. 146). Оба эти факта прямо опровергаютъ объясненія Макъ-Леннана, и онъ можетъ противопоставить имъ лишь новыя, еще болѣе запутанныя гипотезы.

Не смотря на это теорія Макъ-Леннана была встрѣчена въ Англіи съ большимъ одобреніемъ и нашла многихъ послѣдователей; Макъ-Леннана стали считать основателемъ исторіи семьи и первымъ авторитетомъ во всемъ, что касается этого вопроса. Его сопоставленіе экзогамныхъ и эндогамныхъ «племень», не смотря на многія констатированныя единичныя исключенія и видоизмѣненія, все-таки оставалось основой господствующихъ воззрѣній и сдѣлалось помѣхой для новаго свободнаго изслѣдованія той же области, а поѣтому и для всякаго значительнаго шага впередъ. Въ виду распространившагося въ Англіи, а по ея примѣру и въ другихъ странахъ слишкомъ высокаго мнѣнія о заслугахъ Макъ-Леннана, я считаю себя обязаннымъ указать на то обстоятельство, что его чисто ошибочное сопоставленіе эндогамныхъ и экзогамныхъ «племень» принесло больше вреда, чѣмъ принесли пользы его изслѣдованія.

Между тѣмъ обнаруживалось все большее и большее количество фактовъ, не входившихъ въ изящныя рамки, поставленныя Макъ-Леннаномъ. Послѣдній знаетъ лишь три формы брака: многоженство, многомужество и единобрачіе. Но разъ ужъ вниманіе было обращено на этотъ предметъ, стали находиться все болѣе многочисленныя доказательства того, что у неразвитыхъ народовъ существовали такія формы брака, при которыхъ цѣлая группа мужчинъ сообща обладала цѣлою группой женщинъ; и Леббокъ, (Lubbock, The Origin

of Civilization, 1870) призналъ этотъ групповой бракъ (communal marriage) историческимъ фактомъ.

Вслѣдъ затѣмъ, въ 1871 году, выступилъ Морганъ со своимъ новымъ матеріаломъ, во многихъ отношеніяхъ имѣющимъ рѣшающее значеніе. Онъ убѣдился въ томъ, что своеобразная система родства, господствующая у ирокезовъ, обща всѣмъ первобытнымъ жителямъ Соединенныхъ Штатовъ, слѣдовательно распространяется на цѣлый материкъ, хотя она и прямо противорѣчитъ тѣмъ степенямъ родства, которыя въ дѣйствительности вытекаютъ изъ господствующей тамъ формы брака. Онъ побудилъ американское союзное правительство собрать при помощи имъ самимъ составленныхъ опросныхъ листовъ и таблицъ свѣдѣнія о системахъ родства, существующихъ у другихъ народовъ, и на основаніи полученныхъ отвѣтовъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) что американско-индѣйская система родства существуетъ у многочисленныхъ племенъ въ Азіи, а въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ также въ Африкѣ и Австраліи, 2) что она вполне объясняется вымирающею въ данное время въ Гавайи и на другихъ австралійскихъ островахъ формой группового брака и 3) что однако наряду съ этой формой брака на тѣхъ же самыхъ островахъ господствуетъ система родства, которую можно объяснить лишь еще болѣе древней, въ настоящее время вымершей уже формой группового брака. Собранныя имъ свѣдѣнія вмѣстѣ съ сдѣланными изъ нихъ выводами Морганъ обнародовалъ въ своемъ сочиненіи «Systems of Consanguinity and Affinity». (Системы родства и свойства), въ 1871 году, чѣмъ перенесъ споръ въ гораздо болѣе широкую область. Возсоздавая на основаніи данныхъ системъ родства соответствующія имъ формы семьи, онъ открылъ новый путь для изслѣдованія и сдѣлалъ доступнымъ ему гораздо болѣе древній періодъ первобытной исторіи человѣчества. Принятіе этого метода должно было совершенно разрушить изыщную конструкцію Макъ-Леннана.

Макъ-Леннанъ защищалъ свою теорію въ новомъ изда-

ни «Primitive Marriage» (Studies in Ancient History, 1875), и между тѣмъ какъ самъ онъ комбинируетъ свою исторію семьи крайне искусственнымъ образомъ изъ чистыхъ гипотезъ, отъ Лэббока и Моргана онъ требуетъ однако не только доказательствъ каждаго изъ ихъ положеній, но и доказательствъ ихъ неоспоримой обязательности, какъ это требуется въ однихъ только шотландскихъ судахъ. И такъ поступаетъ тотъ самый человѣкъ, который изъ тѣсныхъ отношеній между братомъ матери и племянниками у германцевъ (Tacitus Germania, гл. 20), изъ свидѣтельства Цезаря о томъ, что у бриттовъ по 10—12 мужчинъ имѣли общихъ женъ, и изъ всѣхъ другихъ показаній древнихъ писателей объ общности женъ у варваровъ, не колеблясь, вывелъ заключеніе о господствѣ у всѣхъ этихъ народовъ многомужества! Право, можно подумать, что слышишь прокурора, который для подтвержденія обвиненія можетъ позволить себѣ всякую вольность, отъ защитника же требуетъ самыхъ формальныхъ и дѣйствительныхъ съ юридической точки зрѣнія доказательствъ каждаго его слова.

Онъ утверждаетъ, что групповой бракъ чистая фантазія, и въ этомъ отношеніи оказывается далеко отставшимъ даже отъ Бахофена. Указанныя Морганомъ системы родства, по его мнѣнію, представляютъ не что иное, какъ предписанія вѣжливости, въ доказательство чего онъ ссылается на то, что индѣйцы называютъ отцомъ или братомъ даже чужого человѣка, бѣлаго. Это равносильно тому, какъ если бы мы стали утверждать, что наименованія отца, матери, брата и сестры — просто не имѣющія смысла формы обращенія, такъ какъ католическихъ священниковъ и аббатисъ также называютъ отцами и матерями, а монахи, монахини — и даже масоны и члены англійскихъ профессиональных союзовъ въ своихъ торжественныхъ засѣданіяхъ — называютъ другъ друга братьями и сестрами. Словомъ, защита Макъ-Леннана крайне слаба.

Оставался, однако, еще одинъ пунктъ, въ которомъ Макъ-Леннанъ не былъ опровергнутъ. Его дѣленіе «племенъ» на

экзогамныя и эндогамныя, на которомъ основывалась вся его система, не только не было поколеблено, но даже признавалось всѣми краеугольнымъ камнемъ всей исторіи семьи. Допускалось, что попытка Макъ-Леннана объяснить это дѣленіе неудовлетворительна и противорѣчить тѣмъ фактамъ, которые онъ самъ приводитъ. Но самое это дѣленіе, существованіе двухъ взаимно исключających другъ друга видовъ самостоятельныхъ и независимыхъ племенъ, видовъ, изъ которыхъ въ одномъ жены избирались внутри племени, между тѣмъ какъ въ другомъ это было безусловно воспрещено — считалось неоспоримымъ евангеліемъ; сравните, напримѣръ, «*Origines de la famille*» Жиро-Тейлона (1874 г.) или даже *Origin of Civilization*» Леббока (4-ое изд., 1882).

Къ этому пункту примыкаетъ главное сочиненіе Морганъ «*Ancient Society*» (1877), сочиненіе, лежащее въ основѣ настоящаго труда. То, что Морганъ, въ 1871 году лишь смутно подозрѣвалъ, высказано здѣсь уже съ полнымъ сознаніемъ дѣла. Эндогамія и экзогамія не представляютъ явленій противоположныхъ; до сихъ поръ нигдѣ не было доказано существованіе экзогамныхъ «племенъ». Но дѣло въ томъ, что въ эпоху господства групповаго брака — а, по всей вѣроятности, онъ когда-нибудь господствовалъ повсюду — племя дѣлилось на извѣстное число родовъ, т. е. группъ, объединенныхъ кровнымъ родствомъ по матери, внутри которыхъ браки были строго воспрещены, такъ что мужчины, принадлежавшіе къ одному изъ родовъ, могли брать себѣ женъ внутри племени, какъ это обыкновенно и дѣлалось, но должны были выбирать ихъ внѣ своего рода. Такъ что при строгой экзогаміи рода, племя, охватывавшее совокупность родовъ, оставалось столь же строго эндогамнымъ. Это объясненіе окончательно уничтожило послѣдніе остатки затѣйливаго построенія Макъ-Леннана.

Но этимъ Морганъ не ограничился. Родъ американскихъ индѣйцевъ помогъ ему сдѣлать еще важный шагъ впередъ въ изслѣдуемой имъ области. Въ этомъ родѣ, организован-

помъ на основахъ материнскаго права, онъ открылъ перво-бытную форму, изъ которой позднѣе развился основанный на отцовскомъ правѣ родъ, наблюдаемый нами у культурныхъ народовъ древности. Индѣйскій родъ послужилъ объясненіемъ рода греческаго и римскаго, до сихъ поръ являвшихся загадкой для всѣхъ историковъ. и далъ новую основу для всей первобытной исторіи.

Это открытіе первобытнаго матриархальнаго рода, какъ ступени, предшествующей патриархальному роду культурныхъ народовъ, имѣло такое же значеніе для первобытной исторіи, какое имѣла Дарвинова теорія эволюціи для біологін, а теорія прибавочной цѣнности Маркса для политической экономіи. Оно дало возможность Моргану впервые набросать такую исторію семьи, въ которой въ общихъ чертахъ, насколько позволяетъ имѣющійся матеріалъ, установлены, по крайней мѣрѣ, классическія ступени развитія семьи. Всякому ясно, что это должно было положить начало новой эпохѣ въ трактованіи первобытной исторіи. Матриархальный родъ сдѣлался полюсомъ, вокругъ котораго обращается теперь вся эта наука; со времени его открытія стало извѣстно, въ какомъ направленіи надо производить изслѣдованія, чего искать, и какъ группировать найденное, и, сообразно съ этимъ изученіе исторіи семьи идетъ теперь гораздо быстрее впередъ, чѣмъ это было до появленія книги Морганя.

Открытія Морганя всѣми признаны теперь и въ Англіи, или вѣрнѣе ихъ усвоили себѣ тамъ историки первобытной эпохи, и почти ни одинъ изъ нихъ не сознался открыто, что переворотомъ въ воззрѣніяхъ на семью мы обязаны Моргану. Въ Англіи его книга, по возможности, замалчивается, а по отношенію къ нему самому ограничиваются снисходительной похвалой его *прежнихъ* трудовъ; въ подробностяхъ его изложенія усердно копаются, а о его дѣйствительно великихъ открытіяхъ упорно молчатъ. «Ancient Society» распродано въ оригинальномъ изданіи; въ Америкѣ такія вещи не находятъ

большого сбыта; въ Англіи же этой книгѣ систематически не давали ходу, такъ что единственное находящееся здѣсь еще въ продажѣ изданіе этого сочиненія, составляющаго эпоху, — есть его нѣмецкій переводъ.

Чѣмъ объяснить эту сдержанность, въ которой трудно не видѣть предумышленнаго замалчиванія, особенно если принять во вниманіе цитаты, приводимыя только изъ вѣжливости, и другія знаки пріязни, которыми изобилуютъ сочиненія нашихъ признанныхъ историковъ первобытной эпохи? Тѣмъ ли, что Морганъ американецъ, и англійскіе изслѣдователи не могутъ помириться съ мыслью, что, не смотря на все ихъ вполне заслуживающее признанія трудолюбіе въ собираніи матеріаловъ, они въ томъ, что касается основныхъ точекъ зрѣнія, руководящихъ группировкой этихъ матеріаловъ, словомъ въ томъ, что касается идей, не могутъ обойтись безъ помощи двухъ геніальныхъ иностранцевъ: Бахофена и Моргана? Съ нѣмцемъ еще можно бы помириться, но съ американцемъ? Имѣя дѣло съ американцемъ, всякій англичанинъ возгорается патріотизмомъ, чему я видѣлъ забавные примѣры въ Соединенныхъ Штатахъ. Къ этому присоединилось еще и то, что основателемъ и вождемъ англійской до-исторической школы оффициально, такъ сказать, былъ провозглашенъ Макъ-Леннанъ, что «хорошій тонъ» этой школы нѣкоторымъ образомъ требовалъ, чтобы о затѣйливомъ историческомъ построеніи Макъ-Леннана, идущемъ отъ дѣтубійства къ матриархальной семьѣ путемъ многомужества и хищническаго брака, отзывались не иначе, какъ съ глубокимъ почтеніемъ; малѣйшее сомнѣніе въ существованіи абсолютно исключających другъ друга экзогамныхъ и эндогамныхъ «племень» считалось преступной ересью, и слѣдовательно Морганъ, обративъ въ прахъ всѣ эти освященные догматы, въ глазахъ англичанъ совершилъ нѣчто въ родѣ святотатства. Да сверхъ того, онъ доказалъ негодность этихъ догматовъ такимъ образомъ, что все сразу стало яснымъ для всѣхъ, такъ что поклонники Макъ-Леннана, до того времени без-

помощно блуждавшіе между эндогаміей и экзогаміей, почти должны были ударить себя въ лобъ и воскликнуть: какъ могли мы быть такъ глупы, чтобы до сихъ поръ не догадаться самимъ!

И если всѣхъ этихъ преступленій еще недостаточно, чтобы сдѣлать невозможнымъ со стороны официальной школы всякое другое обращеніе, кромѣ холоднаго отстраненія, то Морганъ еще переполнилъ мѣру тѣмъ, что не только сталъ критиковать цивилизацію и товарное производство, служащее основой современному обществу, тономъ, напоминавшимъ Фурье, но и сталъ говорить о будущемъ преобразованіи этого общества въ такихъ словахъ, какія могъ бы сказать Карлъ Марксъ. Такимъ образомъ онъ вполнѣ заслужилъ негодующій упрекъ Макъ-Леннана въ томъ, что онъ пренебрегаетъ историческимъ методомъ, упрекъ, подтвержденный затѣмъ въ 1884 году господиномъ женевскимъ профессоромъ Жиро-Тейлономъ. А между тѣмъ этотъ самый г. Жиро-Тейлонъ еще въ 1874 году не могъ найти выхода изъ лабиринта Макъ-Леннановской экзогаміи, откуда его освободилъ лишь Морганъ!

Мнѣ не зачѣмъ разсматривать здѣсь остальные усилѣи, которыми первобытная исторія обязана Моргану; въ предлагаемомъ трудѣ будетъ сказано объ этомъ, что слѣдуетъ. 14 лѣтъ, протекшія со времени появленія его главнаго произведенія, значительно обогатили насъ матеріаломъ для исторіи первобытныхъ человѣческихъ обществъ; къ профессиональнымъ антропологамъ, путешественникамъ и историкамъ первобытной эпохи присоединились юристы, занимающіеся сравнительнымъ изученіемъ права; они принесли съ собой отчасти новыя данныя, отчасти новыя точки зрѣнія. Нѣкоторыя отдѣльныя гипотезы Моргана были вслѣдствіе этого поколеблены или даже разрушены; но вновь собранный матеріалъ нигдѣ не привелъ къ тому, чтобы его главныя идеи были вытѣснены и замѣнены другими. Порядокъ, внесенный имъ

въ первобытную исторію, въ своихъ главныхъ чертахъ дѣйствителенъ и теперь. Можно даже сказать, что онъ пользуется все болѣе всеобщимъ признаніемъ, въ той же мѣрѣ, въ какой замалчивается имя истиннаго виновника этого великаго шага впередъ *).

Фридрихъ Энгельсъ.

Лондонъ,
16 іюня 1891 г.

*) На обратномъ пути изъ Нью-Йорка въ 1888 году я встрѣтился съ однимъ прежнимъ депутатомъ въ конгрессъ отъ рочестерскаго избирательнаго округа, знавшимъ Льюиса Моргана. Къ сожалѣнію онъ лишь немного могъ мнѣ рассказать о немъ. Морганъ жилъ въ Рочестерѣ какъ частный человѣкъ, занятый только своими научными изслѣдованіями. Его братъ былъ полковникомъ и служилъ въ Вашингтонѣ въ военномъ министерствѣ; черезъ посредство этого брата Моргану удалось возбудить въ правительствѣ интересъ къ своимъ изслѣдованіямъ и побудить его издать многія изъ его сочиненій на общественный счетъ. Рассказчикъ самъ неоднократно ходатайствовалъ объ этомъ въ теченіе своего пребыванія въ конгрессѣ.

І. Доисторическія ступени культуры.

Морганъ былъ первымъ, который съ большимъ знаніемъ дѣла внесъ извѣстный порядокъ въ первобытную исторію человѣчества, и его дѣленіе въ этой исторіи останется вѣроятно въ силѣ до тѣхъ поръ, пока значительное накопленіе матеріала не заставитъ насъ произвести въ немъ измѣненія.

Изъ трехъ главныхъ эпохъ этой исторіи: дикаго состоянія, варварства и цивилизаціи, его занимали, само собою разумѣется, только первыя двѣ и переходъ къ третьей. Каждую изъ разсматриваемыхъ имъ эпохъ онъ подраздѣляетъ на три ступени: низшую, среднюю и высшую, смотря по успѣхамъ въ производствѣ средствъ существованія, «ибо,—говоритъ онъ,—ловкость въ этомъ производствѣ имѣетъ рѣшающее значеніе при опредѣленіи степени превосходства человѣка и его власти надъ природой; изъ всѣхъ живыхъ существъ одинъ только человѣкъ достигъ почти неограниченнаго могущества въ производствѣ средствъ пропитанія. Всѣ великія эпохи прогресса человѣчества болѣе или менѣе непосредственно совпадаютъ съ эпохами расширенія источниковъ пропитанія». Наряду съ этимъ идетъ и развитіе семьи, но оно не представляетъ такихъ рѣшительныхъ признаковъ для раздѣленія періодовъ.

І. Дикое состояніе.

1. *Низшая ступень* или періодъ младенчества человѣческаго рода. Это — эпоха, когда люди, отчасти по крайней мѣрѣ, жили на деревьяхъ, чѣмъ только и объясняется сохраненіе рода человѣческаго, не смотря на окружавшихъ чело-

вѣка большихъ хищныхъ звѣрей. Въ то время люди находились еще въ мѣстахъ своего первоначальнаго пребыванія: въ тропическихъ и подтропическихъ лѣсахъ. Пищей имъ служили плоды, орѣхи, корни. Главнымъ событіемъ этой эпохи является выработка членораздѣльной рѣчи. Изъ всѣхъ народовъ, извѣстныхъ намъ въ предѣлахъ историческаго періода, ни одинъ не принадлежалъ уже къ этому первобытному состоянію; такъ что хотя бы оно продолжалось многія тысячелѣтія, мы не имѣемъ о немъ однако непосредственныхъ свидѣтельствъ.

2. *Средняя ступень.* Она начинается съ употребленіемъ въ пищу рыбъ (а также раковъ, раковинныхъ моллюсковъ и другихъ морскихъ животныхъ) и съ примѣненіемъ огня. Второе неразлучно съ первымъ, такъ какъ лишь посредствомъ огня можно сдѣлать рыбу съѣдобной. Съ открытіемъ этого новаго рода пищи люди перестали зависѣть отъ климата и мѣстности; слѣдуя по теченію рѣкъ, они даже въ дикомъ состояніи могли расселиться на большей части земного шара. Грубо сдѣланныя, необточенные каменные орудія ранняго каменнаго вѣка, или такъ называемыя палеолитическія орудія, изъ которыхъ, если не всѣ, то большая часть, относятся къ этому періоду, и которыя разсыяны по всѣмъ материкамъ, свидѣлствуютъ объ этихъ странствіяхъ людей. Вновь заселенные пояса земли при неустанномъ стремленіи человѣка къ открытіямъ, въ связи съ умѣньшемъ добывать огонь посредствомъ тренія, доставили новыя средства пропитанія, такъ, напримѣръ, крахмалистые корни и клубни, которые пеклись въ горячей золѣ или въ вырытыхъ въ землѣ печахъ; затѣмъ дичь, которая со времени изобрѣтенія перваго оружія, какъ-то: дубины и копья, стала при случаѣ служить прибавкой къ обычной пищѣ. Чисто охотничьихъ племенъ, о которыхъ говорится иногда въ книгахъ, т. е. племенъ, жившихъ исключительно охотой, никогда не существовало, такъ какъ добыча, доставляемая охотой, слишкомъ невѣрна. Повидимому, вслѣдствіе постоянной ненадежности упомянутыхъ источниковъ пропитанія, на этой ступени развивается каннибальство,

которое затѣмъ сохраняется очень долго. Австраліицы и полинезійцы до сихъ поръ стоятъ на этой средней ступени дикаго состоянія.

3. *Высшая ступень.* Она начинается съ изобрѣтеніемъ лука и стрѣлы, благодаря которымъ дичь становится постояннымъ средствомъ пропитанія, а охота одной изъ нормальныхъ отраслей труда. Лукъ, тетива и стрѣлы представляютъ уже довольно сложное орудіе, изобрѣтеніе котораго предполагаетъ наличность накопленнаго въ теченіе долгаго времени опыта, изощренныхъ умственныхъ силъ, а также знакомства со множествомъ другихъ изобрѣтеній. Въ самомъ дѣлѣ, у народовъ, употребляющихъ лукъ и стрѣлы, но не знакомыхъ еще съ гончарнымъ дѣломъ (которое Морганъ считаетъ началомъ перехода къ варварству), мы находимъ уже нѣкоторые начатки разселенія деревнями, извѣстную власть надъ производствомъ средствъ къ существованію, деревянную утварь и орудія, ручное тканье (безъ станка) мочальныхъ волоконъ, корзины, плетенныя изъ лыка или тростника, и обточенныя (неолитическія) каменные орудія. При помощи огня и каменнаго топора во многихъ мѣстахъ уже выдавливаются лодки изъ древесныхъ стволовъ, а иногда приготавливаются и бревна, и доски для построекъ. Всѣ эти искусства мы находимъ, напримѣръ, у сѣверо-западныхъ американскихъ индѣйцевъ, которые уже знакомы съ лукомъ и стрѣлами, но не знаютъ еще гончарнаго дѣла. Лукъ и стрѣлы были для дикаго состоянія тѣмъ же, чѣмъ былъ желѣзный мечъ для эпохи варварства, а огнестрѣльное оружіе для цивилизаціи:—рѣшающимъ оружіемъ.

2. Варварство.

1. *Низшая ступень.* Она начинается со введенія гончарнаго дѣла. Началомъ послѣднему, какъ теперь доказано, послужило во многихъ случаяхъ, да, вѣроятно, и во всѣхъ, покрываніе глиной плетеныхъ или деревянныхъ сосудовъ, практиковавшееся съ цѣлью сдѣлать ихъ огнеупорными; при

этомъ люди скоро убѣдились, что получившая извѣстную форму глина можетъ вполне хорошо служить для употребленія и безъ находящагося внутри ея сосуда.

До сихъ поръ мы могли разсматривать ходъ развитія человѣчества въ общемъ, какъ одинаковый для всѣхъ народовъ въ извѣстномъ періодѣ, независимо отъ мѣстныхъ условій. Съ началомъ же варварства мы достигаемъ ступени, на которой пріобрѣтаетъ большое значеніе характеръ природы обоихъ главныхъ материковъ. Самымъ характеристическимъ моментомъ періода варварства является прирученіе и разведение животныхъ и культура растений. Восточный материкъ или такъ называемый Старый Свѣтъ, обладалъ почти всѣми пригодными для прирученія животными и всѣми доступными культурѣ хлѣбными растеніями, кромѣ одного; западный же материкъ, Америка, изъ всѣхъ пригодныхъ для прирученія млекопитающихъ имѣлъ одну только ламу, а изъ культурныхъ хлѣбныхъ растеній также только одно, хотя и самое лучшее—мансъ. Вслѣдствіе этого различія въ природныхъ условіяхъ населеніе каждаго полушарія съ этого времени шло своимъ особымъ путемъ, и межевые знаки каждой новой ступени развитія въ томъ и другомъ полушаріи были различны.

2. *Средняя ступень* начинается на востокъ съ прирученія домашнихъ животныхъ, а на западѣ съ культуры питательныхъ растеній посредствомъ искусственнаго орошенія и съ употребленія адобовъ (высушенныхъ на солнцѣ кирпичей) и камня для построекъ.

Начнемъ съ запада, такъ какъ здѣсь до самаго завоеванія европейцами населеніе нигдѣ не перешагнуло за эту ступень.

У индѣйцевъ, стоявшихъ на низшей ступени варварства (сюда относились всѣ племена, встрѣченныя къ востоку отъ Миссиссипи) въ то время, когда они были открыты европейцами существовала уже извѣстная огородная культура маиса, а можетъ быть также и тыквы, дыни и другихъ садовыхъ растеній, составлявшихъ очень существенную часть ихъ пищи;

жили они въ деревянныхъ домахъ, въ селеніяхъ, обнесенныхъ заборомъ. Сѣверозападные же племена, особенно жившія въ области рѣки Колумбіи, находились еще только на высшей ступени дикаго состоянія и не знали ни гончарнаго дѣла, ни какой-либо садовой культуры. Индейцы такъ называемаго Пуэбло въ Новой Мексикѣ, мексиканцы, туземцы центральной Америки и перуанцы, напротивъ, ко времени европейскаго завоеванія стояли уже на средней ступени варварства; они жили въ укрѣпленныхъ домахъ, построенныхъ изъ адобовъ или камня, воздѣлывали въ искусственно орошаемыхъ садахъ маніокъ и другія хлѣбныя растенія, разнившіяся смотря по климату и мѣстности и составлявшія ихъ пищу, и даже приручили уже нѣкоторыхъ животныхъ, какъ, напримѣръ, мексиканцы—индейскаго пѣтуха, а перуанцы—ламу. Кромѣ того они были знакомы съ обработкой металловъ, за исключеніемъ однако желѣза, вслѣдствіе чего они все еще не могли обходиться безъ каменныхъ орудій и каменнаго оружія. Испанское завоеваніе сразу положило конецъ всякому самостоятельному развитію этихъ народовъ.

На востокъ средняя ступень варварства началась съ прирученія животныхъ, доставляющихъ молоко и мясо; между тѣмъ какъ культура растеній здѣсь въ этомъ періодѣ, повидимому, еще долго оставалась неизвѣстной. Прирученіе и разведеніе животныхъ и образованіе большихъ стадъ, вѣроятно, послужило поводомъ къ выдѣленію арійцевъ и семитовъ изъ остальной массы варваровъ. Названіе домашнихъ животныхъ еще и теперь сходны у европейскихъ и у азіатскихъ арійцевъ, между тѣмъ какъ сходныхъ названій для культурныхъ растеній у нихъ почти нѣтъ.

Разведеніе большихъ стадъ повело къ возникновенію пастушеской жизни въ удобныхъ для того мѣстахъ: у семитовъ—въ травянистыхъ равнинахъ Тигра и Евфрата, у арійцевъ—въ степяхъ Индіи, Окса, Яксарта. Дона и Днѣпра. На границахъ такихъ пастбищныхъ земель, вѣроятно, впервые стало происходить прирученіе животныхъ. По представленію

позднѣйшихъ поколѣній пастушескіе народы и вышли изъ такихъ мѣстностей, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ эта область не только не была колыбелью человѣческаго рода, но, напротивъ, оказалась бы почти необитаемой для ихъ дикихъ предковъ или даже для людей, стоявшихъ на низшей ступени варварства. Наоборотъ, разъ варвары, достигшіе средней ступени, привыкли къ пастушеской жизни, у нихъ никогда уже не могло явиться желанія добровольно покинуть травянистыя рѣчныя долины и вернуться въ лѣсныя области, гдѣ ихъ предки чувствовали себя такъ привольно. Даже когда позднѣе семитовъ и арійцевъ стали оттѣснять къ сѣверу и западу, они могли переселиться въ западно-азиатскія и европейскія лѣсистыя области не ранѣе того, какъ воздѣлываніе хлѣбныхъ растений дало имъ возможность прокармливать свой скотъ на этой менѣе благоприятной почвѣ и особенно содержать его зимою. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что воздѣлываніе хлѣба было вызвано здѣсь первоначально потребностью въ кормѣ для скота, и что только позднѣе хлѣбъ получилъ важное значеніе, какъ пища людей.

Большее развитіе семитовъ и арійцевъ сравнительно съ другими расами слѣдуетъ, пожалуй, приписать изобилію въ мясной и молочной пищѣ, и особенно благопріятному влиянію ея на развитіе въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ самомъ дѣлѣ, индѣйцы изъ Пуэбло въ Новой Мексикѣ, живущіе почти исключительно растительной пищей, имѣютъ мозгъ меньшаго объема, чѣмъ индѣйцы низшей ступени варварства, употребляющіе больше мяса и рыбы. Какъ бы то ни было, на средней ступени варварства людоедство постепенно исчезаетъ, сохраняясь только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ религіозный актъ или — что почти то-же у этихъ народовъ — какъ волшебное средство.

3. *Высшая ступень.* Она начинантсся съ плавленія желѣзной руды и переходитъ въ цивилизацію съ изобрѣтеніемъ азбучнаго письма и примѣненія его для литературныхъ

цѣлей. Въ теченіе этой эпохи, которая, какъ уже было сказано, самостоятельно была пройдена только въ восточномъ полушаріи, производство больше подвинулось впередъ, чѣмъ въ теченіе всѣхъ предыдущихъ эпохъ, вмѣстѣ взятыхъ. Къ ней принадлежали греки героическаго періода, италійскія племена періода, предшествовавшаго основанію Рима, германцы временъ Тацита и норманы временъ викинговъ.

На этой ступени наше вниманіе прежде всего привлекаетъ желѣзный плугъ, въ который впрягали рабочій скотъ и который дѣлалъ возможнымъ земледѣіе въ широкихъ размѣрахъ, *обработку полей*, а это, въ свою очередь, при тогдашнихъ условіяхъ практически безгранично увеличивало имѣвшіяся на лицо средства продовольствія; тогда же началась расчистка лѣса для превращенія его въ пашню или лугъ, что также въ широкихъ размѣрахъ не было возможно безъ помощи желѣзнаго топора и заступа. Вмѣстѣ съ тѣмъ народонаселеніе стало быстро увеличиваться и сгущаться на небольшомъ пространствѣ.

Наибольшій расцвѣтъ высшей ступени варварства изображенъ въ гомеровскихъ пѣсняхъ, особенно въ Иліадѣ. Усовершенствованныя желѣзные орудія, кузнечный мѣхъ, ручная мельница, гончарный станокъ, изготовленіе масла и винодѣліе, усовершенствованная выдѣлка металловъ, переходящая въ искусство; повозка и боевая колесница, кораблестроеніе при помощи бревенъ и досокъ, начатки архитектуры, какъ искусства, города, обнесенные зубчатыми стѣнами съ башнями, гомеровскій эпосъ и вся міѳологія грековъ, — вотъ главное наслѣдіе, оставленное грекамъ періодомъ варварства и перенесенное ими въ цивилизацію. Если мы сравнимъ съ греками этого періода германцевъ, описанныхъ у Цезаря или даже у Тацита, и находившихся въ началѣ той же ступени культуры, изъ которой гомеровскіе греки уже готовились перейти въ слѣдующую высшую, то мы поймемъ, какое широкое развитіе производства обнимаетъ высшая ступень варварства.

Наброшенная мною здѣсь, на основаніи изслѣдованій Мор-

гана картина развитія, пройденнаго человѣчествомъ во время дикаго состоянія и варварства вплоть до начала цивилизаціи, уже заключаетъ въ себѣ достаточно много неизвѣстныхъ прежде чертъ и что еще важнѣе — чертъ, не подлежащихъ сомнѣнію, такъ какъ онѣ непосредственно заимствованы прямо изъ производства; но все-таки она покажется намъ неясной и неполной въ сравненіи съ той картиной, которая развернется передъ нами, когда мы придемъ къ концу нашего изслѣдованія; только тогда будемъ мы въ состояніи ярко освѣтить переходъ отъ варварства къ цивилизаціи и разительную противоположность между этими двумя состояніями. Покажемъ же мы можемъ слѣдующимъ образомъ кратко выразить дѣленіе Моргана: дикое состояніе — это періодъ преобладающаго присвоенія человѣкомъ готовыхъ естественныхъ продуктовъ; причемъ искусственные продукты человѣка служатъ, главнымъ образомъ, вспомогательными орудіями для этого присвоенія; варварство — періодъ возникновенія скотоводства и земледѣлія, періодъ изученія способовъ усиленнаго производства естественныхъ продуктовъ посредствомъ человѣческой дѣятельности. Цивилизація — время изученія дальнѣйшей переработки естественныхъ продуктовъ, время развитія промышленности, въ собственномъ смыслѣ слова, и искусства.

II. Семья.

Морганъ, который провелъ большую часть своей жизни среди живущихъ оседло въ штатѣ Нью-Йоркъ ирокезовъ и былъ усыновленъ въ одномъ изъ ихъ племенъ (именно, въ племени сенека), нашелъ у нихъ систему родства, противорѣчащую ихъ дѣйствительнымъ семейнымъ отношеніямъ. У нихъ господствуетъ то съ обѣихъ сторонъ легко расторгаемое единобрачіе, которое Морганъ называетъ «парной семьей». Потомство каждой такой пары всѣмъ извѣстно и всѣми признано, поэтому не могло бы быть, кажется, и сомнѣнія относительно того, кому должны даваться названія отца, матери, сына, дочери, брата, сестры; но на дѣлѣ употребленіе этихъ выраженій противорѣчитъ такому мнѣнію. Ирокезъ называетъ своими сыновьями и дочерьми не только своихъ собственныхъ дѣтей, но и дѣтей своихъ братьевъ, а они, въ свою очередь, называютъ его отцомъ. Дѣтей же своихъ сестеръ, напротивъ, онъ называетъ своими племянниками и племянницами, а они его — дядей. Наоборотъ, ирокезка, помимо своихъ собственныхъ дѣтей, называетъ своими сыновьями и дочерьми дѣтей своихъ сестеръ, а они называютъ ее матерью. Дѣтей же своихъ братьевъ, напротивъ, она называетъ своими племянниками и племянницами, а они ее — теткой. Подобно этому, дѣти братьевъ называютъ другъ друга братьями и сестрами, такъ же точно и дѣти сестеръ. Напротивъ, дѣти каждой женщины называютъ дѣтей ея брата двоюродными братьями и сестрами, и обратно. И эти названія не пустые слова; они выражаютъ дѣйствительно существующіе взгляды на близость и отдаленность, равенство и неравенство кров-

наго родства; а эти взгляды служат основаніемъ для вполне выработанной системы родства, способной выражать нѣсколько сотъ различныхъ видовъ родственной связи каждаго лица. Этого мало, такая система не только въ полномъ ходу у всѣхъ американскихъ индѣйцевъ (до сихъ поръ не найдено ни одного исключенія), но она господствуетъ также въ почти неизмѣненномъ видѣ у первобытныхъ туземцевъ Индіи: у дравидійскихъ племенъ Декана и у племенъ гаура въ Индостанѣ. У южно-индійскихъ тамилевъ и у живущихъ въ штатѣ Нью-Йоркѣ ирокезовъ племени сенека существуютъ одинаковыя выраженія для обозначенія болѣе двухсотъ различныхъ видовъ родства. И какъ у всѣхъ американскихъ индѣйцевъ, такъ и вышеупомянутыхъ индійскихъ племенъ, родственныя отношенія, вытекающія изъ существующей формы семьи, находятся въ противорѣчій съ господствующей системой родства.

Чѣмъ же объяснить все это? При той рѣшающей роли, которую играетъ родство въ общественномъ строѣ всѣхъ дикихъ и варварскихъ народовъ, значеніе столь распространенной системы родства не можетъ быть обойдено при помощи общихъ мѣстъ. Система, принятая во всей Америкѣ, существующая кромѣ того въ Азіи у народовъ совершенно другой расы, и во множествѣ болѣе или менѣе видоизмѣненныхъ формъ встрѣчающаяся повсюду въ Африкѣ и Австраліи, требуетъ историческаго объясненія; отъ нея нельзя отдѣлаться фразами, какъ это попытался сдѣлать Макъ-Леннанъ (Mac-Lennan). Названія отца, дитяти, брата, сестры не просто почетныя титулы—они налагаютъ вполне опредѣленные и очень важныя взаимныя обязательства, въ цѣломъ составляющія существенную часть общественнаго строя данныхъ народовъ. И объясненіе нашлось. На Сандвичевыхъ островахъ (Гаваи) еще въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка существовала форма семьи, дававшая какъ разъ такихъ матерей и отцовъ, братьевъ и сестеръ, сыновей и дочерей, тетокъ и дядей, какихъ требуетъ американская и древне-индійская система родства. Но вотъ что удивительно: принятая въ то время въ Гаваи си-

стема родства опять-таки не соответствовала существовавшей тамъ на самомъ дѣлѣ формѣ семьи. Именно, въ силу этой системы дѣти всѣхъ братьевъ и сестеръ безъ исключенія считаются братьями и сестрами, и на нихъ смотрятъ какъ на общихъ дѣтей не только ихъ матери и ея сестеръ, или ихъ отца и его братьевъ, но какъ на общихъ дѣтей всѣхъ безъ различія братьевъ и сестеръ ихъ родителей. Если такимъ образомъ американская система родства предполагаетъ несуществующую уже въ Америкѣ болѣе первобытную форму семьи, которую, мы и находимъ въ Гаванъ, то съ другой стороны гавайская система родства указываетъ на еще болѣе первобытную форму семьи, которую мы въ настоящее время нигдѣ уже правда, не находимъ, но которая должна была существовать, такъ какъ иначе не могла бы возникнуть соответствующая ей система родства. »Семья», говоритъ Морганъ: «представляетъ активный элементъ; она постоянна, но переходитъ отъ низшей формы къ высшей, по мѣрѣ того какъ само общество въ своемъ развитіи восходитъ отъ низшей ступени къ высшей. Системы родства, напротивъ, пассивны: онѣ лишь послѣ долгихъ промежутковъ отмѣчаютъ прогрессъ, сдѣланный въ теченіе извѣстнаго времени семьей, и только тогда подвергаются коренному измѣненію, когда такое измѣненіе произошло уже въ семьѣ». — «Такъ-же обстоитъ дѣло». добавляетъ Марксъ: «и со всѣми вообще политическими, юридическими, религіозными и философскими системами». Пока существуетъ еще данная форма семьи, система родства окостенѣваетъ, и въ то время, какъ послѣдняя сохраняется неизмѣнной, семья перерастаетъ ее. Но съ такой же точностью съ какой Кювье по найденнымъ близъ Парижа костямъ скелета, могъ заключить, что онѣ принадлежали сумчатому животному, и что тамъ нѣкогда водились вымершія теперь животныя этой породы, — съ такой же точностью можемъ и мы, на основаніи сохраненной для насъ исторіей системы родства, заключить, что нѣкогда существовала соответствующая этой системѣ, нынѣ вымершая форма семьи.

Упомянутыя системы родства и формы семьи отличаются отъ господствующихъ въ наше время тѣмъ, что у каждаго ребенка нѣсколько отцовъ и матерей. При американской системѣ родства, которой соответствуетъ гавайская семья, братъ и сестра не могутъ быть отцомъ и матерью одного и того же ребенка; гавайская же система родства предполагаетъ такую форму семьи, въ которой это, напротивъ, было обычнымъ явленіемъ. Намъ представляется здѣсь рядъ формъ семьи, совершенно противоположныхъ тѣмъ, которыя до сихъ поръ однѣ только обыкновенно признавались. Установившееся воззрѣніе знаетъ только единобрачіе и наряду съ нимъ многоженство при одномъ мужѣ, да пожалуй еще многомужество при одной женѣ, но умалчиваетъ при этомъ, какъ и подобаетъ морализирующему филистеру, что практика втихомолку, но безъ стѣсненія, выходитъ изъ этихъ указанныхъ officialнымъ обществомъ рамокъ. Изученіе первобытной исторіи, напротивъ, изображаетъ намъ такое положеніе вещей, при которомъ мужчины жили въ многоженствѣ, а жены ихъ въ то же время во многомужествѣ, и поэтому дѣти тѣхъ и другихъ считались общими дѣтьми всѣхъ ихъ; положеніе вещей, которое, прежде чѣмъ оно въ концѣ концовъ было замѣнено единобрачіемъ, претерпѣло цѣлый рядъ измѣненій. Измѣненія эти были такого рода, что кругъ, охватываемый общимъ бракомъ и первоначально бывший очень широкимъ, все болѣе и болѣе суживался, пока, наконецъ, не осталась единая чета, господствующая въ наше время.

Возсоздавая такимъ образомъ въ обратномъ порядкѣ исторію семьи, Морганъ приходитъ къ единогласію со многими коллегами относительно такого первобытнаго состоянія, при которомъ въ предѣлахъ каждаго племени господствовало неограниченное половое сожителство, такъ что каждая женщина равно принадлежала каждому мужчинѣ, и каждый мужчина—каждой женщинѣ. О такомъ первобытномъ состояніи людей стали говорить еще въ прошломъ столѣтіи, но о немъ упоминали только въ общихъ фразахъ; Бахофенъ первый —

и это одна изъ его великихъ заслугъ — отнесся къ нему серьезно и сталъ искать слѣдовъ такого состоянія въ историческихъ и религіозныхъ переживаніяхъ. Мы знаемъ теперь, что найденные слѣды никомъ образомъ не относятся къ общественной формѣ группового брака. Та же первобытная общественная ступень, если она дѣйствительно существовала, относится къ столь отдаленной эпохѣ, что мы врядъ ли можемъ рассчитывать найти въ социальныхъ окаменѣлостяхъ, у сохранившихся дикарей, *прямыхъ* доказательствъ ея прежняго существованія. Заслуга Бахофена именно въ томъ и заключается, что онъ этотъ вопросъ выдвинулъ на первый планъ *).

Недавно вошло въ моду отрицать эту первоначальную ступень половой жизни людей: человечество хотятъ избавить отъ этого «срама». При этомъ, помимо отсутствія прямыхъ доказательствъ, ссылаются особенно на примѣръ остальнаго міра животныхъ. Но относительно послѣдняго Летурно (Letourneau: *Evolution du mariage et de la famille*, 1888) собраны многочисленные факты, свидѣтельствующіе о томъ, что и здѣсь на низшей ступени развитія существуетъ вполне безпорядочное общеніе половъ. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ я могу, однако, вывести только то заключеніе, что они ровно ничего не доказываютъ для человѣка въ его первобытныхъ жизненныхъ условіяхъ. Спариваніе на продолжительное время у позвоноч-

*) Какъ мало понималъ Бахофенъ то, что онъ открылъ или вѣрнѣе отгадалъ, видно изъ того, что онъ даетъ этому первобытному состоянію названіе *гетеризма*. У грековъ, когда они ввели въ употребленіе это слово, гетеризмъ обозначалъ сношеніе неженатыхъ или живущихъ въ единобрачій мужчинъ съ незамужними женщинами, такъ что предполагалъ существованіе извѣстной формы брака, въ которой происходило это сношеніе, и заключалъ въ себѣ по крайней мѣрѣ возможность проституціи. Въ другомъ смыслѣ слово гетеризмъ никогда и не употреблялось, а въ этомъ я употребляю его такъ же, какъ и Морганъ. Въ высшей степени важныя открытія Бахофена затемнены крайнимъ мистицизмомъ вслѣдствіе его идеи, будто-бы всѣ исторически сложившіяся отношенія между мужчиной и женщиной всякій разъ вытекали изъ ихъ религіозныхъ воззрѣній, а не изъ условій ихъ жизни.

Энгельсъ.

ныхъ животныхъ достаточно объясняется фізіологическими причинами, такъ напримѣръ у птицъ — безпомощнымъ положеніемъ самки во время высиживанія яицъ; встрѣчающіеся у птицъ примѣры вѣрнаго единобрачія ничего не доказываютъ для людей. Если же мы ограничимся одними млекопитающими животными, то найдемъ у нихъ всѣ формы полового сожителства: безпорядочное обшеніе, подобіе группового брака, многоженство и единобрачіе; недостаетъ лишь многоженства, къ которому могли прійти только люди. Даже четырёхрукіе, представляютъ всевозможные виды въ группировкѣ самцовъ и самокъ; а если мы захотимъ ограничиться еще болѣе тѣснымъ кругомъ и примемъ во вниманіе только четырехъ человѣкоподобныхъ обезьянъ, то узнаемъ отъ Летурно, что онѣ живутъ то въ единобрачіи, то въ многобрачіи, между тѣмъ какъ по словамъ Соссюра (Saussure), приведеннымъ у Жиро-Тейлона (Graud-Teulon), онѣ принадлежатъ къ многобрачнымъ животнымъ. Даже представленныя Вестермаркомъ (Westermarck, The History of Human Marriage, London, 1891) новыя подтвержденія единобрачія человѣкоподобныхъ обезьянъ далеко еще не являются безусловнымъ доказательствомъ. Словомъ, всѣ извѣстія объ этомъ такого рода, что добросовѣстный Летурно сознается: «Вообще говоря, у млекопитающихъ совершенно нѣтъ строгаго соотвѣтствія между степенью ихъ умственнаго развитія и формой полового сожителства». А Эспинасъ (Espinass, Des Sociétés animales, 1877) прямо говоритъ: «Стадо есть высшая соціальная группа, которую мы можемъ наблюдать у животныхъ; составляется оно, повидимому, изъ семей, но уже съ самаго начала семья находится въ противорѣчій со стадомъ, и онѣ развиваются въ обратномъ отношеніи».

Какъ видно уже изъ предыдущаго, мы не знаемъ ничего опредѣленнаго ни о семьѣ, ни о другихъ общественныхъ группахъ человѣкоподобныхъ обезьянъ; извѣстія о нихъ часто противорѣчивы. Это и неудивительно въ виду того, что даже имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о дикихъ человѣческихъ племен-

нахъ крайше противорѣчивы и нуждаются въ строгой критической провѣркѣ; общество же обезьянъ еще гораздо труднѣе наблюдать, чѣмъ общества у людей. Поэтому покаместъ мы должны отказаться сдѣлать какіе либо выводы изъ такихъ совершенно ненадежныхъ свидѣтельствъ.

Гораздо лучшей точкой опоры можетъ служить для насъ замѣчаніе Эспинаса. Стадо и семья представляютъ у высшихъ животныхъ не взаимное дополненіе, но противорѣчіе. Эспинасъ очень хорошо излагаетъ, какъ ревность самца во время течки ослабляетъ общественную связь, соединяющую животныхъ въ стада, или временно даже разрываетъ ее. «Тамъ, гдѣ существуетъ замкнутая семья, стадо образуется только въ исключительныхъ случаяхъ; напротивъ, тамъ, гдѣ господствуетъ свободное половое общеніе или многобрачіе, стадо возникаетъ почти само собою... Для того чтобы могло возникнуть стадо, семейная связь должна быть ослаблена, а индивидъ долженъ снова стать свободнымъ. Поэтому мы и встрѣчаемъ такъ рѣдко у птицъ организованныя стада... Напротивъ у млекопитающихъ мы находимъ организованныя до извѣстной степени общества; именно потому, что здѣсь индивидъ не поглощается семьей... Для общественнаго чувства стада не можетъ быть, потому, при его возникновеніи худшаго врага, чѣмъ чувство семейной связи. Скажемъ прямо, что всякая общественная форма стоящая выше семьи, могла развиваться только посредствомъ воспріятія въ себя семей, претерпѣвавшихъ коренное измѣненіе, что не исключаетъ возможности для этихъ семей, именно благодаря этому обстоятельству, позднѣе вновь организоваться при несравненно болѣе благоприятныхъ условіяхъ». (Эспинасъ, I гл., приведено у Жиро-Тейлона, «*Origines du mariage et de la famille*, 1884, стр. 518—520).

Отсюда видно, что общества животныхъ несомнѣнно имѣютъ нѣкоторое значеніе для обратнаго вывода изъ нихъ относительно характера человѣческихъ обществъ, но значеніе это только отрицательное. Высшія позвоночныя животныя

представляютъ, насколько намъ извѣстно, только двѣ формы семьи: многоженство или единобрачіе; обѣими допускается только *одинъ* взрослый самецъ, только *одинъ* супругъ. Ревность самца, связывающая и ограничивающая семью, въ то же время приводитъ животную семью къ противорѣчію со стадомъ. Эта ревность въ иныхъ случаяхъ совершенно не даетъ возникнуть стаду, этой болѣе высокой формѣ общественной жизни, а въ другихъ только ослабляетъ или порываетъ его во время течки, и въ лучшемъ случаѣ задерживаетъ его дальнѣйшее развитіе. Одно это служить уже достаточнымъ доказательствомъ того, что животная семья и первобытное человѣческое общество двѣ совершенно несовмѣстимыя вещи и что вышедшіе изъ среды животныхъ люди или не знали никакой семьи или въ крайнемъ случаѣ знали такую форму ея, какая у животныхъ не встрѣчается. Такое безоружное животное, какъ образующійся человѣкъ, въ небольшомъ числѣ могло просуществовать и при состояніи той разобщенности, высшей общественной формой которой является парное соединеніе, приписываемое Вестермаркомъ, на основаніи свидѣтельствъ охотниковъ, гориллъ и шимпанзе. Но для выхода изъ животнаго состоянія, для осуществленія величайшаго прогресса, о которомъ свидѣлствуетъ природа, необходимъ былъ еще новый элементъ, именно, замѣна недостающей индивиду способности самообороны соединенной силой и совмѣстнымъ дѣйствіемъ стада. Переходъ къ человѣческому состоянію отъ такого, въ какомъ находятся теперь человѣкоподобныя обезьяны, былъ-бы совершенно необъяснимъ; эти обезьяны скорѣе производятъ впечатлѣніе уклонившихся въ сторону боковыхъ линій, приближающихся къ постепенному вымиранію и во всякомъ случаѣ находящихся въ упадкѣ. Одно этого достаточно, чтобы отклонить возможность всякаго параллельнаго вывода относительно первобытныхъ людей на основаніи формъ семьи, существующихъ у обезьянъ. Взаимная терпимость взрослыхъ самцовъ, отсутствіе ревности — вотъ въ чемъ заключалось первое условіе для образованія такихъ болѣе обширныхъ и постоян-

ныхъ общественныхъ группъ, среди которыхъ только и могло осуществиться постепенное превращеніе животнаго въ человѣка. И въ самомъ дѣлѣ, какою является намъ древнѣйшая, первоначальная форма семьи, неопровержимыя свидѣтельства которой мы находимъ въ исторіи и которую еще и въ настоящее время можно наблюдать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ? Это бракъ групповой, т. е. форма брака, при которой цѣлыя группы мужчинъ и женщинъ взаимно принадлежатъ другъ другу, и при которой врядъ-ли сестъ мѣсто ревности. А далѣе на болѣе поздней ступени развитія находимъ мы и исключительную форму многожества, прямо идущую наперекоръ всѣмъ чувствамъ ревности и потому неизвѣстную животнымъ. Но обстоятельства, сопровождающія извѣстныя намъ формы группового брака, такъ необыкновенно сложны, что онѣ необходимо указываютъ намъ на существованіе прежнихъ, болѣе простыхъ формъ полового общенія, которыя въ послѣдней инстанціи представляютъ состояніе безпорядочнаго общенія половъ, относящееся ко времени перехода людей отъ животнаго состоянія къ человѣческому; и такимъ образомъ, ссылки на формы брака у животныхъ снова приводятъ насъ къ той точкѣ, отъ которой онѣ именно разъ навсегда должны были удалить насъ.

Что-же надо понимать подъ безпорядочнымъ общеніемъ половъ? То, что признаваемые теперь или признававшіяся нѣсколько ранѣе ограниченія браковъ не существовали въ то время. Мы видѣли уже, какъ пало ограниченіе, налагаемое ревностью. Что несомнѣнно, такъ это то, что ревность у людей представляетъ сравнительно поздно развившееся чувство. Тоже можно сказать и относительно понятія о кровосмѣшеніи. Не только брать и сестра были первоначально мужемъ и женою, но даже половое общеніе между родителями и дѣтьми еще и въ наше время допускается у многихъ народовъ. Банкрофтъ (Bancroft, the Native Races of the Pacific Coast of North America, 1875, т. I) свидѣтельствуетъ о томъ, что оно существуетъ у кавіатовъ, живущихъ на Беринговомъ проливѣ, у кадіаковъ, обитающихъ близъ Аляски, и у тиннеховъ, жи-

телей внутренней части англійскихъ сѣвероамериканскихъ владѣній. Летурно приводитъ многія подтвержденія того-же факта относительно индѣйцевъ чиппевеевъ, кукусовъ въ Чили, карайбовъ и каренсовъ въ Индіи, не говоря уже о разсказахъ древнихъ грековъ и римлянъ о парянахъ, персахъ, скиѣахъ, гуннахъ и т. д. Прежде чѣмъ было открыто кровосмѣшеніе (а оно было дѣйствительнымъ открытіемъ и притомъ очень цѣннымъ), половое общеніе между родителями и дѣтьми должно было казаться не болѣе отталкивающимъ, чѣмъ когда оно происходитъ между двумя другими лицами, принадлежащими къ различнымъ поколѣніямъ, а это случается вѣдь въ наше время даже въ самыхъ филистерскихъ странахъ и вовсе не возбуждаетъ особеннаго ужаса; даже старыя «дѣвы», имѣющія за шестьдесятъ лѣтъ, выходятъ иногда, если онѣ достаточно богаты, за молодыхъ людей лѣтъ тридцати. Если-же при разсмотрѣніи извѣстныхъ намъ первобытныхъ формъ семьи не будемъ принимать во вниманіе связанныхъ съ ними представленій о кровосмѣшеніи, представленій, совершенно несходныхъ съ нашими, часто даже прямо противоположныхъ имъ, то получимъ такую форму полового общенія, которую только и можно назвать безпорядочной, т. е. безпорядочной въ томъ отношеніи, что тогда еще не существовало ограниченій, позднѣе введенныхъ обычаемъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы обыденная практика половыхъ отношеній непременно представляла самую неструю путаницу. Существовавшей формой семьи вовсе не исключались парныя соединенія на извѣстное время, составляющія большинство случаевъ даже при групповомъ бракѣ. И если новѣйшій писатель, отрицающій существованіе такого первобытнаго состоянія, Вестермаркъ называетъ бракомъ всякое состояніе, при которомъ оба пола остаются соединенными до рожденія ребенка, то надо сказать, что такого рода бракъ, сколько угодно, могъ встрѣчаться при состояніи свободнаго общенія половъ, нисколько не противорѣча этой свободѣ, т. е. отсутствію ограниченій, наложенныхъ обычаемъ. Вестермаркъ, правда, исходитъ изъ того

воззрѣнія, что «беспорядочное половое общеніе предполагает подавленіе индивидуальной склонности», такъ что «самой настоящей формой его является проституція». Мы-же скорѣе кажется, что совершенно невозможно понять первобытное состояніе, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія проституціи. Мы еще вернемся къ этому вопросу при разсмотрѣніи группового брака.

По мнѣнію Моргана изъ этого первобытнаго состоянія свободнаго общенія половъ, вѣроятно, очень рано развилась:

1) Первая ступень семьи — *семья кровная*. Здѣсь группы, вступающія между собою въ бракъ, подраздѣляются по поколѣніямъ: всѣ дѣды и бабки въ предѣлахъ одной семьи являются между собой мужьями и женами, такъ же и дѣти ихъ, т. е. отцы и матери данной семьи, такъ же точно и дѣти послѣднихъ, образующія въ свою очередь третью группу общихъ супруговъ, и дѣти этихъ, правнуки первой группы супруговъ, образующія четвертую такую группу. Такимъ образомъ, эта форма семьи исключаетъ супружескія права и обязанности (какъ мы теперь выражаемся) только для предковъ по отношенію къ потомкамъ, для родителей по отношенію къ дѣтямъ. Братья и сестры, какъ родные, такъ и двоюродные, троюродные и т. д. всѣ считаются между собою братьями и сестрами и въ силу этого самаго мужьями и женами другъ друга. Отношенія между братомъ и сестрою на этой ступени семьи предполагаютъ, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, взаимное половое общеніе *). Типичный образецъ такой семьи

*) Въ одномъ своемъ письмѣ, относящемся къ веснѣ 1882 года, Марксъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ высказывается противъ господствующаго въ вагнеровскомъ текстѣ „Нибелунговъ“ полнаго искаженія первобытной эпохи. „Слыхано ли, чтобы братъ когда-либо обнималъ сестру, какъ супругу?“ Этимъ сладострастнымъ богамъ, придающимъ совершенно на современный ладъ нѣсколько больше пикантности своимъ любовнымъ дѣламъ посредствомъ не большой дозы кровосмѣшенія, Марксъ отвѣчаетъ: „Въ первобытную эпоху сестра была женой, и это было нравственно“. (Одинъ французъ, другъ и почитатель Вагнера, не согласился съ этимъ возраженіемъ и замѣтилъ, что уже въ древнѣйшей Эддѣ, на которую опирался Вагнеръ, въ Эгисдреккѣ (Oegisdrecca), Локи дѣ-

представляло бы потомство одной пары, въ каждомъ новомъ поколѣніи котораго всѣ члены братья и сестры и, въ силу этого самаго, мужа и жены другъ друга.

Кровная семья вымерла. Даже у самыхъ грубыхъ народовъ, о которыхъ говорить исторія, не можемъ мы найти примѣровъ ея. Но въ томъ, что она существовала, насъ убѣждаетъ гавайская, распространенная во всей Полинезіи система родства, выражающая именно тѣ степени кровнаго родства, которыя могли возникнуть только при такой формѣ семьи; въ этомъ убѣждаетъ насъ также весь дальнѣйшій ходъ развитія семьи, предполагающій существованіе этой формы ея, какъ необходимой первоначальной ступени.

2) *Семья пуналуа*. Если первый прогрессъ общественной организаціи состоялъ въ исключеніи родителей и дѣтей изъ взаимнаго общенія половъ, то второй шагъ долженъ былъ состоять въ исключеніи изъ него братьевъ и сестеръ. Въ виду большаго равенства въ возрастѣ заинтересованныхъ лицъ, этотъ второй шагъ былъ еще гораздо важнѣе перваго, но и значительно труднѣе его. Онъ совершился постепенно,

даетъ Фреѣ слѣдующій упрекъ: „Передъ богами обпала ты роднаго брата“, и что слѣдовательно тогда уже брачный союзъ между братьями и сестрами былъ воспрещенъ. Но Эгисдрекка служитъ выраженіемъ эпохи, когда мѣра въ древніе мѣны совершенно колебалась; она представляетъ не что иное, какъ Луціановскую сатиру на боговъ. Если Локи въ ней, на подобіе Мефистофеля, дѣлаетъ такой упрекъ Фреѣ, то это скорѣй служить доказательствомъ противъ Вагнера. Къ тому же нѣсколькими строками дальше Локи говоритъ Нюрдру: „Съ своей сестрой прижилъ ты такого сына“ (vidh systur thinni gaztu slíkan mög). Правда Нюрдръ не азь, а ванъ, и въ сатѣ „Пяглинга“ онъ говоритъ, что браки между братьями и сестрами приняты въ странѣ вановъ, между тѣмъ какъ у азовъ ихъ нѣтъ. Изъ этого можно было бы вывести заключеніе, что ваны болѣе древніе боги, чѣмъ азы. Какъ бы то ни было Нюрдръ живетъ между азами, какъ равный, и поэтому Эгисдрекка можетъ служить доказательствомъ того, что, въ эпоху возникновенія норвежскихъ сказаній о богахъ, брачный союзъ между братьями и сестрами, по крайней мѣрѣ, когда онъ встрѣчался въ средѣ боговъ, не внушалъ еще отвращенія. Для того, чтобы оправдать Вагнера, было бы пожалуй лучше сослаться не на Эдду, а на Гёте, который въ своей балладѣ „Богъ и баядера“ дѣлаетъ такую же ошибку, говоря о религіозномъ обычаѣ, который онъ слишкомъ сближаетъ съ современной проституціей.

начавшись вѣроятно съ запрещенія полового общенія для единоутробныхъ братьевъ и сестеръ (т. е. дѣтей одной матери), которое сначала примѣнялось только въ отдѣльныхъ случаяхъ, но мало по малу стало общимъ правиломъ (въ Гаваи еще въ нынѣшнемъ столѣтїи встрѣчались исключенія изъ него), завершился же этотъ шагъ запрещеніемъ брака даже для не родныхъ братьевъ и сестеръ, т. е. по нашему обозначенію, для дѣтей, внуковъ и правнуковъ родныхъ братьевъ и сестеръ. Прогрессъ этотъ, по мнѣнію Моргана, «прекрасно иллюстрируетъ дѣйствіе принципа естественнаго отбора». Нечего и говорить, что племена, у которыхъ браки внутри семьи были такимъ образомъ ограничены, должны были развиваться быстрѣе и полнѣе, чѣмъ тѣ, въ средѣ которыхъ бракъ между братьями и сестрами оставался обыкновеннымъ явленіемъ и закономъ. О могущественномъ вліяніи этого шага впередъ свидѣтельствуетъ непосредственно изъ него вытекшее учрежденіе *рода*, который привелъ людей гораздо далѣе своей первоначальной цѣли, и сдѣлался для большинства, если не для всѣхъ варварскихъ племенъ земли, основой общественнаго порядка, а въ Греціи и Римѣ—явился общественною ступенью, непосредственно предшествовавшею цивилизаціи.

Каждая первоначальная семья должна была дробиться по крайней мѣрѣ черезъ нѣсколько поколѣній. Первобытное коммунистическое хозяйство, долго еще безраздѣльно царившее даже на средней ступени варварства, обуславливало извѣстные максимальные размѣры семейной общины, мѣнявшіеся, смотря по обстоятельствамъ, но довольно строго опредѣленные для каждаго даннаго мѣста. Какъ только возникло представленіе о непристойности полового общенія между дѣтьми одной и той же матери, оно должно было отразиться на дробленіи старыхъ общинъ и на основаніи новыхъ (причемъ эти общины не совпадали непременно съ семейными группами). Группа единоутробныхъ сестеръ или нѣсколько такихъ группъ становились ядромъ одной общины, ихъ единоутробные братья—

ядромъ другой. Такимъ образомъ, или въ этомъ родѣ, произошла изъ семьи кровной форма семьи, которую Морганъ называлъ пуналуальной. По гавайскому обычаю известное число сестеръ, родныхъ или болѣе отдаленныхъ (т. е. двоюродныхъ, троюродныхъ и т. д.), были общими женами своихъ общихъ мужей, въ число которыхъ однако не допускались ихъ братья; эти мужья не называли уже другъ друга братьями, которыми имъ и не надо было быть, но пуналуа, т. е. близкими товарищами, какъ бы компаньонами. Подобно этому и группа родныхъ или болѣе отдаленныхъ братьевъ имѣла въ общемъ бракъ известное число женъ, но между которыми *не было* ихъ сестеръ, и эти жены также называли другъ друга пуналуа. Таковъ классическій типъ этой семейной формации, въ которой позднѣе произошелъ цѣлый рядъ измѣненій и главной характеристической чертой которой было: взаимная общность мужей и женъ внутри опредѣленнаго семейнаго круга, изъ котораго однако исключены какъ братья женъ, — сначала родные, а позднѣе и болѣе отдаленныхъ ступеней, — такъ и сестры мужей.

Пуналуальная форма семьи съ величайшей точностью представляетъ намъ какъ разъ тѣ ступени родства, которыя выражаетъ американская система родства. Дѣти сестеръ моей матери по прежнему являются ея дѣтьми, такъ же какъ и дѣти братьевъ моего отца — его дѣтьми, и какъ тѣ, такъ и другіе для меня — родные братья и сестры; но дѣти братьевъ моей матери будутъ теперь для меня племянники и племянницы, и какъ тѣ, такъ и другіе будутъ для меня — двоюродные братья и сестры. Ибо между тѣмъ, какъ мужья сестеръ моей матери по прежнему остаются и ея мужьями, и такъ же точно жены братьевъ моего отца по прежнему остаются его женами, общественное порицаніе полового общенія между родными братьями и сестрами раздѣлило дѣтей послѣднихъ, до сихъ поръ безразлично считавшихся братьями и сестрами, на два разряда: одни изъ нихъ, какъ и прежде, остаются братьями и сестрами, другія же дѣти брата съ одной стороны и дѣти

его сестры съ другой—*не могутъ* уже быть братьями и сестрами, не могутъ имѣть общими ни обоихъ родителей, ни одного изъ нихъ, и поэтому здѣсь впервые является необходимость въ разрядѣ племянниковъ и племянницъ, двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, разрядѣ, который при прежнемъ семейномъ строѣ былъ бы нелѣпымъ. Пуналуальная семья даетъ намъ разумное объясненіе самыхъ мельчайшихъ подробностей американской системы родства и указываетъ ея естественное основаніе, между тѣмъ какъ при всякой формѣ семьи, опирающейся на какой-либо видъ единобрачія, эта система прямо противорѣчила бы здравому смыслу. Повсюду, гдѣ только была распространена эта система родства, по меньшей мѣрѣ во всѣхъ такихъ мѣстахъ, должна была прежде существовать пуналуальная семья, или сходная съ ней форма.

Объ этой формѣ семьи, существованіе которой было дѣйствительно открыто на Гавай, вѣроятно сохранились бы свѣдѣнія во всей Полинезій, если бы благочестивые миссіонеры, какъ нѣкогда испанскіе монахи въ Америкѣ, увидѣли въ такихъ противохристіанскихъ отношеніяхъ что-либо помимо просто «мерзости» *).

Когда Цезарь рассказываетъ намъ о британцахъ, стоявшихъ въ ту эпоху на средней ступени варварства, что «у нихъ каждые десять—двѣнадцать человѣкъ, притомъ по большей части братья или родители съ дѣтьми, имѣютъ общихъ женъ», то это всего лучше можно объяснить существованіемъ у нихъ группового брака. У женщинъ варварскихъ племенъ не бываетъ 10—12 сыновей, достаточно взрослыхъ, чтобы они могли имѣть общихъ женъ; но американская система

*) Открытые Бахофеномъ слѣды будто бы безразборчиваго общенія половъ, которому онъ далъ названіе „Sumpfzengung“, указываютъ, какъ теперь нельзя уже сомнѣваться, на групповой бракъ. „Если Бахофенъ находить эти пуналуальные браки „беззаконными“, то человѣкъ того времени нашелъ бы многіе изъ теперешнихъ браковъ между близкими и отдаленными родственниками съ отцовской или материнской стороны — кровосмѣсительными, какъ браки между кровными братьями и сестрами“. (Марксъ).

родства, соответствующая пуналуальной семьѣ, даетъ большое число братьевъ, такъ какъ всѣ двоюродные, троюродные и еще болѣе отдаленные братья всякаго мужчины считаются его родными братьями. Говоря, что «родители и дѣти» имѣютъ общихъ женъ, Цезарь выражаетъ вѣроятно ошибочное представление; упомянутая система родства не исключаетъ возможности того, чтобы въ одной группѣ супруговъ находились отецъ и сынъ или мать и дочь, но невозможно, чтобы въ ней находились отецъ и дочь или мать и сынъ. Пуналуальная семья и другія подобныя формы группового брака наиболѣе удовлетворительнымъ образомъ объясняютъ также свѣдѣтельства Геродота и другихъ древнихъ писателей объ общности женъ у дикихъ и варварскихъ племенъ. То же можно сказать и относительно рассказовъ Ватсона (Watson) и Кея (Кеа, The people of India) о тикухахъ въ Аудѣ (сѣвернѣ Ганга): «Они живутъ сообща (т. е. въ бракѣ) почти безъ всякаго разбора большими общинами, и если двое между ними считаются мужемъ и женою, то соединяющая ихъ связь только номинальная».

Въ значительномъ большинствѣ случаевъ институтъ *рода* повидимому развился непосредственно изъ пуналуальной семьи. Правда австралійская система классовъ также представляетъ для него исходную точку; у австралійцевъ есть роды, но нѣтъ пуналуальной семьи: у нихъ существуетъ болѣе грубая форма группового брака.

При всѣхъ формахъ послѣдняго не извѣстно достоверно, кто отецъ даннаго ребенка, но извѣстно, кто его мать. Хотя она и называетъ своими дѣтьми *осѣхъ* дѣтей общей семьи и относительно всѣхъ ихъ несетъ материнскія обязанности, но она все таки отличаетъ своихъ собственныхъ дѣтей отъ остальныхъ. Отсюда явствуется, что при существованіи группового брака происхожденіе можетъ быть опредѣлено только съ *материнской* стороны, и что, слѣдовательно, признается только *женская линія*. Это дѣйствительно и наблюдается у всѣхъ дикихъ племенъ и у народовъ, находящихся на низшей сту-

пени варварства; и вторая великая заслуга Бахофена заключается въ томъ, что онъ первый открылъ это. Онъ обозначаетъ это исключительное признаніе происхожденія съ материнской стороны и съ теченіемъ времени основывающіяся на немъ наслѣдственныя отношенія — названіемъ материнскаго права (*Mutterrecht*); ради краткости я сохраняю это названіе, хотя оно неправильно, такъ какъ на этой ступени общества не можетъ быть и рѣчи о правѣ въ юридическомъ смыслѣ слова.

Если мы возьмемъ теперь изъ пуналуальной семьи одну изъ двухъ ея группъ, и именно группу родныхъ и не-родныхъ сестеръ (т. е. происходящихъ въ первомъ, второмъ и болѣе отдаленномъ колѣнѣ отъ родныхъ сестеръ) вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми и съ ихъ родными и не-родными братьями съ материнской стороны (которые въ силу нашего предположенія не могутъ быть ихъ мужьями), то мы получимъ точный кругъ лицъ, позднѣе являющихся членами одного рода въ его первобытной формѣ. У нихъ у всѣхъ одна общая родоначальница, въ силу своего происхожденія отъ которой всѣ женскіе потомки въ каждомъ поколѣніи считаются между собой сестрами. Но мужья этихъ сестеръ уже не могутъ быть ихъ братьями, слѣдовательно не могутъ происходить отъ той же родоначальницы, и потому не принадлежать къ этой группѣ кровныхъ родственниковъ, къ позднѣйшему роду; дѣти ихъ, напротивъ, принадлежать къ этой группѣ, такъ какъ рѣшающее значеніе имѣетъ происхожденіе съ материнской стороны, какъ единственно достовѣрное. Какъ только рѣшительно было изгнано половое общеніе между братьями и сестрами и даже отдаленными родственниками (*Kollateralverwandten*) съ материнской стороны, упомянутая выше группа превратилась въ родъ, т. е. образовала тѣсный кругъ кровныхъ родственниковъ по женской линіи, которые не должны были вступать между собою въ бракъ; каждый такой родъ сталъ все болѣе укрѣпляться и отличаться отъ другихъ родовъ, благодаря возникновенію въ немъ новыхъ общихъ для

всего рода спеціальныхъ и религіозныхъ учреждений. Но объ этомъ мы подробнѣ будемъ говорить дальше. Видя же, что родъ развивается изъ пуналуальной семьи не только какъ нѣчто необходимое, но и какъ нѣчто само собою разумѣющееся, мы должны признать, что можно быть почти увѣреннымъ въ прежнемъ существованіи этой формы семьи у всѣхъ народовъ, у которыхъ мы замѣчаемъ учрежденія родового строя, т. е. почти у всѣхъ какъ варварскихъ, такъ и культурныхъ народовъ.

Въ то время, когда Морганъ писалъ свою книгу, наши свѣдѣнія о групповомъ бракѣ были еще очень ограничены. Извѣстно было только немного относительно групповыхъ браковъ у организованныхъ въ классы австралійцевъ, да кромѣ того уже въ 1871 году Морганъ опубликовалъ добытыя имъ свѣдѣнія о гавайской пуналуальной семьѣ. Пуналуальная семья, съ одной стороны, дала полное объясненіе господствующей у американскихъ индѣйцевъ системѣ родства, которая и была поводомъ ко всѣмъ изслѣдованіямъ Моргана; съ другой стороны, она дала готовую исходную точку, изъ которой можно было вывести родъ, основанный на материнскомъ правѣ, матриархальный родъ; кромѣ того она представляетъ гораздо болѣе высокую ступень развитія, чѣмъ австралійскіе классы. Поэтому неудивительно, что Морганъ счелъ ее ступенью развитія, необходимо предшествующею парному браку, и приписалъ ей всеобщее распространеніе въ древнѣйшее время. Съ тѣхъ поръ мы познакомились съ цѣлымъ рядомъ другихъ формъ группового брака и знаемъ теперь, что Морганъ въ этомъ случаѣ зашелъ слишкомъ далеко; но ему все-таки посчастливилось наткнуться въ своей пуналуальной формѣ семьи на высшую, классическую форму группового брака, на ту форму его, которая всего лучше объясняетъ намъ переходъ къ высшей организаціи семьи.

Наибольшимъ расширеніемъ нашихъ свѣдѣній относительно группового брака мы обязаны англійскому миссіонеру Лори-меру Фисону (Lorimer Fison), который въ теченіе долгихъ

лѣтъ изучалъ эту форму семьи на ея классической почвѣ— въ Австраліи. Низшую ступень развитія ея нашелъ онъ у австралійскихъ негровъ близъ Маунтъ Гамбира (Mount Gambier) въ южной Австраліи. Здѣсь все племя подраздѣляется на два большіе класса: кроки и кумити. Половое общеніе внутри каждаго класса строго воспрещено; напротивъ того, каждый мужчина одного класса есть уже по праву рожденія мужъ каждой женщины другого класса, а она — его жена. Не отдѣльные лица, а цѣлые классы считаются находящимися въ бракѣ. И замѣтьте притомъ, что здѣсь нигдѣ не существуетъ никакой оговорки на случай различія возрастовъ или спеціальнаго кровнаго родства между двумя лицами, за исключеніемъ того ограниченія, которое обуславливается самымъ дѣленіемъ племени на два экзогамные классы. Каждая женщина кумити есть законная жена каждаго кроки, но такъ какъ собственная дочь послѣдняго, какъ дочь женщины кумити, по материнскому праву также принадлежитъ къ классу кумити, то черезъ это самое она является прирожденной женой каждаго кроки, а слѣдовательно, и своего отца. По крайней мѣрѣ классовая организація въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется нашему наблюденію, ничѣмъ этому не препятствуетъ. Поэтому или такая организація возникла въ эпоху, когда, при всеобщемъ стремленіи къ ограниченію браковъ внутри семьи, въ половомъ общеніи между родителями и дѣтьми не видѣли еще ничего особенно ужаснаго, — и въ такомъ случаѣ система классовъ непосредственно возникла изъ состоянія безпорядочнаго общенія половъ, — или же половыя сношенія между родителями и дѣтьми были уже запрещены обычаемъ въ эпоху возникновенія классовъ, и въ такомъ случаѣ теперешнее состояніе австралійцевъ указываетъ на прежнее существованіе у нихъ кровной семьи, изъ которой оно и является первымъ шагомъ. Послѣднее болѣе вѣроятно. Насколько мнѣ извѣстно, въ Австраліи никогда ничего не слышно о примѣрахъ брачнаго сожителства между родителями и дѣтьми, да и позднѣйшая форма экзогаміи — родъ, основанный на материнскомъ

правѣ, обыкновенно безмолвно предполагаетъ запрещеніе такихъ союзовъ, какъ нѣчто, имѣвшееся уже на лицо при его возникновеніи.

Кромѣ Маунтъ Гамбира въ южной Австраліи система двухъ классовъ широко распространена также далѣе къ востоку, по рѣкѣ Дарлингу и на сѣверо-востоѣ, въ Квинслендѣ. Она исключаетъ только браки между братьями и сестрами, между дѣтьми братьевъ по матери и между дѣтьми сестеръ также съ материнской стороны, такъ какъ каждая изъ названныхъ группъ родственниковъ принадлежитъ къ одному и тому же классу; напротивъ того дѣти брата могутъ вступать въ бракъ съ дѣтьми сестеръ. Дальнѣйшій шагъ къ запрещенію браковъ внутри семьи находимъ мы въ Новомъ Южномъ Валлисѣ у племени камиларосовъ, живущаго по рѣкѣ Дарлингу. Здѣсь два первоначальные класса раздѣлились на четыре части, и каждый изъ этихъ четырехъ классовъ находится въ общемъ бракѣ съ другимъ опредѣленнымъ классомъ. Первые два класса прирожденные супруги другъ друга. Дѣти же ихъ, смотря по тому, принадлежала ли ихъ мать къ первому или ко второму классу, образуютъ третій или четвертый классъ; дѣти этихъ двухъ классовъ, члены которыхъ также находятся въ бракѣ, снова принадлежатъ къ первому или второму классу. Такъ что всегда одно поколѣніе принадлежитъ къ первому и второму классу, слѣдующее за нимъ — къ третьему и четвертому, слѣдующее за этимъ — снова къ первому и второму. Въ силу этого дѣти сестеръ (съ материнской стороны) не могутъ быть мужьями и женами другъ друга, внуки же сестеръ — могутъ. Этотъ необыкновенно сложный порядокъ еще болѣе усложняется вслѣдствіе надстройки надъ нимъ—правда, болѣе поздней—рода, основаннаго на материнскомъ правѣ; но теперь мы не можемъ заняться разсмотрѣніемъ этого вопроса. Такимъ образомъ мы видимъ, что стремленіе къ запрещенію браковъ внутри семьи сказывается все сильнѣе и сильнѣе, но представленное своему естественному росту, оно направляется ощупью безъ яснаго сознанія цѣли.

Групповой бракъ, который здѣсь въ Австраліи является еще классовымъ бракомъ, т. е. классовымъ бракомъ между цѣлымъ разсѣяннымъ иногда по всему матеріку классомъ мужчинъ и столь же обширнымъ классомъ женщинъ, вблизи представляется не такимъ ужаснымъ, какимъ его рисуетъ филистерская фантазія, привыкшая имѣть дѣло съ проституціей. Напротивъ, въ теченіе многихъ лѣтъ не подозрѣвали даже существованія группового брака, да и недавно его снова начали оспаривать. Поверхностному наблюдателю групповой бракъ представляется просто непрочнымъ единобрачіемъ или въ нѣкоторыхъ мѣстахъ многоженствомъ при встрѣтающейся время отъ времени невѣрности. Надо было бы, подобно Фисону и Говитту (Howitt), употребить цѣлые годы на то, чтобы въ практикѣ этихъ брачныхъ союзовъ, съ виду даже напоминающей обыкновенному европейцу его родину, открыть управляющій ими законъ, законъ, въ силу котораго чужой негръ-австраліецъ на разстояніи тысячи километровъ отъ своей родной области, среди людей, языкъ которыхъ ему непонятенъ, тѣмъ не менѣе верѣдко въ каждомъ лагерѣ и въ каждомъ племени находить женщинъ, безъ сопротивленія и недовѣрія отдающихся ему; и въ силу котораго австраліецъ, имѣющій нѣсколько женъ, уступаетъ одну изъ нихъ на ночь гостю. Тамъ, гдѣ европеецъ видитъ безнравственность и беззаконіе, на самомъ дѣлѣ царствуетъ строгій законъ. Женщины въ упомянутыхъ случаяхъ принадлежать къ тому классу, съ которымъ чужестранецъ считается состоящимъ въ бракѣ, и потому онѣ являются его прирожденными женами; тотъ же самый нравственный законъ, который предоставляетъ другъ другу упомянутыхъ мужчину и женщину, подъ страхомъ строгаго осужденія воспрещаетъ всякое половое общеніе внѣ принадлежащихъ другъ другу брачныхъ классовъ. Даже тамъ, гдѣ господствуетъ похищеніе женъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ составляющее обычное явленіе, законъ классовъ тщательно соблюдается.

Въ похищеніи женщинъ сказывается уже, впрочемъ, признакъ перехода къ единобрачію, по крайней мѣрѣ, къ формѣ парнаго брака. Когда молодой человѣкъ при помощи своихъ друзей похищаетъ дѣвушку насильно или съ ея согласія, то всѣ они поочереды вступаютъ съ ней въ половое общеніе, но послѣ этого она считается женою того молодого человѣка, который затѣялъ похищеніе, и наоборотъ. если похищенная жена убѣжитъ отъ мужа и будетъ захвачена другимъ мужчиной, то она считается женой послѣдняго, и первый мужъ теряетъ свою привилегію на нее. Такимъ образомъ наряду съ продолжающимъ существовать, какъ общее правило, групповымъ бракомъ внутри его образуются исключительныя отношенія, какъ-то: парные браки на болѣе или менѣе продолжительное время и многоженство; такъ что и здѣсь въ Австраліи, групповой бракъ клонится къ вымиранію, и спрашивается только, кого европейское вліяніе заставитъ скорѣе сойти со сцены: групповой бракъ или придерживающихся его австралійскихъ негровъ.

Бракъ цѣлыми классами, господствующій въ Австраліи, во всякомъ случаѣ является низшей, первобытной формой группового брака, между тѣмъ какъ пуналуальная семья, насколько намъ извѣстно, представляетъ высшую ступень его развитія. Первая форма, повидимому, соотвѣтствуетъ общественному быту бродячихъ дикарей, вторая предполагаетъ уже сравнительно прочную осѣдлость коммунистическихъ общинъ и непосредственно ведетъ къ слѣдующей высшей ступени развитія. Между этими двумя формами навѣрно будетъ найдено еще нѣсколько промежуточныхъ ступеней; здѣсь намъ представляется только что открытая и едва только затронутая область изслѣдованія.

3. *Парная семья.* Видъ парнаго брака на болѣе или менѣе продолжительное время встрѣчался уже и при групповомъ бракѣ или даже раньше: изъ среды своихъ женъ мужъ выбиралъ себѣ главную жену (врядъ ли можно примѣнить къ ней названіе любимой жены), для которой онъ становился главнымъ мужемъ среди остальныхъ ея мужей. Это

обстоятельство не мало способствовало путаницѣ въ представленіяхъ миссіонеровъ, которые видѣли въ групповомъ бракѣ то беспорядочную общность женъ, то произвольное нарушеніе брачнаго союза. Такое парное супружество, образовывавшееся въ силу привычки, должно было, однако, все болѣе и болѣе укрѣпляться по мѣрѣ того, какъ развивался родъ, и по мѣрѣ того, какъ классы «братьевъ» и «сестеръ», между которыми бракъ былъ невозможенъ, становились многочисленнѣе. Толчокъ, данный родомъ къ запрещенію браковъ между кровными родными, повелъ еще къ дальнѣйшимъ результатамъ. Такъ, на примѣръ, оказывается, что у прокезовъ и у большинства другихъ индѣйцевъ, находящихся на низшей ступени варварства, браки воспрещены между *восьми* родственниками, насчитываемыми ихъ системой родства; а всѣхъ степеней родства у нихъ нѣсколько сотъ. Вслѣдствіе все болѣе усложнявшагося такимъ образомъ ограниченія браковъ, групповой бракъ становился все менѣе и менѣе возможнымъ; онъ постепенно вытѣснялся парной семьей. На этой ступени живетъ одинъ мужъ съ одной женой; однако, при этомъ многоженство, а при случаѣ и невѣрность остаются правомъ мужа — хотя первое встрѣчается рѣдко вслѣдствіе экономическихъ причинъ — между тѣмъ какъ отъ жены, по большей части, требуется строгая вѣрность въ теченіе всего времени сожителства, и прелюбодѣяніе съ ея стороны строго наказывается. Но бракъ для обѣихъ сторонъ легко расторгимъ, и дѣти попрежнему принадлежатъ только матери.

Въ этомъ все далѣе идущемъ запрещеніи браковъ между кровными родственниками также дѣйствовалъ естественный отборъ. По словамъ Моргана, «браки между членами родовъ, несвязанныхъ между собою кровными узами, производили болѣе сильную въ физическомъ и нравственномъ отношеніи расу; два прогрессирующія племени смѣшивались, и черепъ и мозгъ происшедшихъ отъ этого смѣшенія потомковъ естественно расширялись до тѣхъ поръ, пока не вмѣщали въ себя спо-

собностей обоихъ племенъ». Въ силу этого племени съ родовой организаціей должны были одержать верхъ надъ отстающими племенами или увлечь ихъ за собою.

Развитіе семьи въ первобытную эпоху заключалось такимъ образомъ въ постоянномъ суживаніи того круга, первоначально охватывавшаго цѣлое племя, внутри котораго господствовала супружеская общность между полами. Вслѣдствіе послѣдовательнаго исключенія сначала ближайшихъ, затѣмъ все болѣе и болѣе отдаленныхъ родственниковъ, и, наконецъ, даже просто свойственниковъ, всякій видъ группового брака сдѣлался въ концѣ концовъ практически невозможнымъ, и осталась только сначала еще очень непрочно соединенная чета, т. е. та молекула, съ уничтоженіемъ которой прекращается бракъ вообще. Изъ всего этого видно уже, какъ мало значенія имѣла для возникновенія единобрачія индивидуальная половая любовь въ современномъ смыслѣ слова. Еще болѣе подтверждается это практикой всѣхъ народовъ, стоящихъ на описываемой ступени развитія. Между тѣмъ какъ при прежнихъ формахъ семьи мужчинамъ никогда не приходилось терпѣть недостатка въ женщинахъ,—напротивъ, ихъ было у нихъ скорѣе болѣе, чѣмъ достаточно, — теперь женщины стали рѣдкостью и ихъ надо было искать. Поэтому со времени появленія парнаго брака начинается похищеніе и покупка женъ—широкораспространенные симптомы, но не болѣе, какъ симптомы гораздо глубже совершившейся перемѣны; симптомы эти, представляющіе не что иное, какъ просто способъ добыванія женъ, педантическій шотландецъ Макъ-Леннанъ представилъ, какъ особые виды семьи, «бракъ посредствомъ купли» и «бракъ посредствомъ похищенія». У американскихъ индѣйцевъ и другихъ народовъ, стоящихъ на одной съ ними ступени развитія, бракъ и въ другихъ случаяхъ заключается помимо заинтересованныхъ лицъ, о желаніи которыхъ даже не спрашиваютъ, ихъ матерями. Часто бываютъ просватаны двое совершенно незнакомыхъ другъ другъ лицъ, и о заключенной сдѣлкѣ имъ объявляютъ только

тогда, когда наступает время свадьбы. Передъ свадьбой женихъ дѣлаетъ подарки членамъ невестинаго рода, т. е. ея роднымъ по матери, а не по отцу; подарки эти представляютъ выкупъ за уступаемую родомъ дѣвушку. Бракъ можетъ быть расторгнутъ по желанію каждой стороны; однако, у многихъ племенъ, какъ напримѣръ, у ирокезовъ, постепенно выработалось общественное мнѣніе, неодобряющее расторженія браковъ. Въ случаѣ несогласій между супругами, посредниками между ними являются члены ихъ родовъ, и только въ томъ случаѣ, если ихъ вмѣшательство ни къ чему не приведетъ, бракъ расторгается, при чемъ дѣти остаются у матери, а каждая изъ сторонъ при желаніи можетъ снова вступить въ бракъ.

Парная семья, слишкомъ слабая и непостоянная еще, чтобы вызвать потребность въ собственномъ хозяйствѣ или хотя бы сдѣлать его желательнымъ, никоимъ образомъ не нарушаетъ переданнаго изъ древнѣйшихъ временъ коммунистическаго хозяйства, которое выражается господствомъ женщины въ общинѣ, подобно тому какъ исключительное признаніе родной матери при невозможности достоверно знать родного отца выражается высокимъ уваженіемъ къ женщинамъ, т. е. къ матерямъ. Поэтому представленіе о томъ, будто бы женщина при возникновеніи общественнаго строя была рабою мужчины, есть одна изъ самыхъ нелѣпыхъ идей, завѣщанныхъ намъ «просвѣщеніемъ» 18-го вѣка. У всѣхъ дикарей и у всѣхъ племенъ, стоящихъ на низшей, средней, а отчасти и на высшей ступени варварства, женщина не только свободна, но даже занимаетъ почетное положеніе. Каково ихъ положеніе при парномъ бракѣ, объ этомъ пусть свидѣлствуетъ Артуръ Райтъ (Arthur Wright), много лѣтъ бывший миссіонеромъ у ирокезовъ племени сенска; онъ говоритъ: «что касается ихъ семейнаго строя того времени, когда они еще жили въ старинныхъ длинныхъ домахъ (коммунистическія хозяйства нѣсколькихъ соединенныхъ семействъ)... то у нихъ постоянно преобладалъ одинъ кланъ (родъ), такъ

что женщины брали себѣ мужей изъ другихъ клановъ (родовъ)... Управляла общиной обыкновенно женская половина; жизненные припасы были общими; но горе тому несчастному супругу или любовнику, который по лѣности или неумѣяно не могъ вносить свою долю въ общій запасъ продуктовъ: сколько бы у него ни было въ данной общинѣ дѣтей, какъ бы ни было велико собственное его имущество, принесенное имъ въ домъ, онъ ежеминутно могъ ожидать приказанія собрать свои пожитки и убраться по добру по здорову. И ему нечего было пытаться противиться этому приказанію; община безжалостно преслѣдовала его, такъ что ему больше ничего не оставалось, какъ вернуться къ своему собственному клану (роду), или—что случалось чаще всего—вступить въ новый бракъ въ другомъ кланѣ. Женщины составляли главную силу въ кланахъ (родахъ), да и повсюду. При случаѣ онѣ не задумывались даже смѣстить какого-нибудь предводителя и разжаловать его въ простые воины». — Коммунистическое хозяйство, въ которомъ большинство женщинъ или всѣ онѣ принадлежали къ одному роду, а мужчины распределялись между различными родами, было фактическою основой того повсемѣстнаго въ первобытное время господства женщинъ, открытіе котораго составляетъ третью заслугу Бахофена. — Напоминаю однако, что свидѣтельства миссіонеровъ относительно обремененія женщинъ у дикихъ и варварскихъ племенъ непомѣрнымъ трудомъ нисколько не противорѣчатъ сказанному. Раздѣленіе труда между обоими полами обусловливается вовсе не положеніемъ женщины въ обществѣ, а совсѣмъ иными причинами. Племена, у которыхъ женщины принуждены работать гораздо больше, чѣмъ сколько имъ слѣдуетъ работать по нашему представленію, на самомъ дѣлѣ часто относятся къ женщинѣ съ несравненно бѣльшимъ уваженіемъ, чѣмъ европейцы. Дама нашего времени, которую окружаетъ внѣшній почетъ, и которой чуждъ всякій дѣйствительный трудъ, занимаетъ въ обществѣ несравненно болѣе низкое положеніе, чѣмъ заваленная работой женщина эпохи варвар-

ства, являвшаяся въ глазахъ своего народа дѣйствительно госпожей (fady, frowa, Frau) и бывшая ею по своему характеру.

Вопросъ о томъ, совершенно ли вытѣсненъ въ Америкѣ групповой бракъ бракомъ парнымъ, должны рѣшить болѣе подробныя наблюденія надъ сѣверо-западными и особенно надъ южноамериканскими племенами, до сихъ поръ еще стоящими на высшей ступени дикаго состоянія. Относительно этихъ племенъ передаютъ столько различныхъ примѣровъ половой необузданности, что врядъ ли можно допустить у нихъ полное уничтоженіе группового брака. Во всякомъ случаѣ еще не исчезли всѣ слѣды его. По крайней мѣрѣ у сорока сѣвероамериканскихъ племенъ мужчина, который женится на старшей сестрѣ, имѣетъ право взять себѣ въ жены всѣхъ остальныхъ сестеръ, какъ только онѣ достигнутъ надлежащаго возраста: остатокъ общности мужей для цѣлаго ряда сестеръ. А о туземцахъ полуострова Калифорніи Банкрофтъ рассказываетъ, что у нихъ бываютъ празднества, на которыя сходятся нѣсколько «племенъ» для свободнаго полового общенія. Очевидно, эти племена не что иное, какъ роды, для которыхъ въ подобныхъ празднествахъ сохраняется смутное воспоминаніе о томъ времени, когда всѣ женщины одного рода имѣли своими общими мужьями всѣхъ мужчинъ другого рода, и обратно. Такой же обычай до сихъ поръ господствуетъ въ Австраліи. Среди нѣкоторыхъ племенъ случается, что старѣйшіе члены даннаго племени, вожди или кудесники жрецы обращаютъ въ свою пользу общность женъ и монополизируютъ большую часть женщинъ; но зато они должны во время извѣстныхъ празднествъ или при большихъ народныхъ собраніяхъ снова на дѣлѣ осуществлять старинную общность и представлять своихъ женъ молодымъ людямъ. Вестермаркъ, на страницахъ 28 — 29, приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ подобныхъ періодическихъ сатурналій, во время которыхъ ненадолго снова вступаетъ въ силу прежнее свободное половое общеніе, и которыя встрѣчаются у племенъ:

го, санталовъ, пандша и котаровъ въ Индіи и у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ. Удивительно, что Вестермаркъ дѣлаетъ отсюда выводъ, будто бы этотъ обычай представляетъ не остатокъ группового брака, который онъ отрицаетъ, но слѣдъ общаго первобытнымъ людямъ вмѣстѣ съ другими животными періода течки.

Мы пришли теперь къ четвертому важному открытію Бахофена, къ открытію имъ широкораспространенной переходной формы между групповымъ и парнымъ бракомъ. То, что Бахофенъ представляетъ, какъ искупленіе за нарушеніе древнихъ заповѣдей боговъ, тотъ выкупъ, цѣною котораго женщина приобретаетъ себѣ право на цѣломудріе, въ дѣйствительности есть только мистическое выраженіе жертвы, которою женщина откупается отъ древней общности мужей и благодаря которой она получаетъ право отдаваться *одному* мужчинѣ. Жертва эта заключалась во временной проституціи: вавилонскія женщины разъ въ годъ въ храмѣ Мелиты должны были отдаваться всѣмъ желающимъ; другіе народы передней Азіи въ теченіе многихъ лѣтъ посылали своихъ дѣвушекъ въ храмъ богини Анаитисъ, гдѣ онѣ должны были предаваться свободной любви съ избранными ими самими любимцами, прежде чѣмъ получали право выйти замужъ; подобные обычаи, прикрытые религіозными обрядами, общи почти всѣмъ азіатскимъ народамъ, живущимъ между Средиземнымъ моремъ и Гангомъ. Эта искупительная жертва съ теченіемъ времени становилась все болѣе легкой, какъ замѣтилъ уже Бахофенъ: «ежегодно повторявшаяся жертва смѣняется жертвой однократной, за гетеризмомъ женщинъ слѣдуетъ гетеризмъ дѣвушекъ, за исполненіемъ его послѣ брака—исполненіе его до брака, за предоставленіемъ дѣвушки всѣмъ безъ разбора—предоставленіе ея опредѣленнымъ лицамъ». (Mutterrecht, p. XIX). У другихъ народовъ обычай этотъ не имѣетъ религіознаго характера; у нѣкоторыхъ изъ нихъ—у еракійцевъ, кельтовъ и др. въ древности, а у многихъ туземцевъ Индіи, у малайскихъ народовъ, у островитянъ Тихаго океана и у многихъ

американскихъ индѣйцевъ и въ настоящее время — дѣвушки до брака пользуются величайшею половую свободой, особенно это распространено повсюду въ южной Америкѣ, какъ это можетъ засвидѣтельствовать всякій, кому удавалось проникнуть нѣсколько въ глубь страны. Такъ, напримѣръ, Агассицъ (Agassiz, A Journey in Brazil, Boston and New-York 1886, p. 266) рассказываетъ слѣдующее объ одномъ богатомъ семействѣ индѣйскаго происхожденія: когда его познакомили съ дочерью этихъ людей, онъ осведомился о ея отцѣ, предполагая, что отцомъ ея былъ мужъ ея матери, участвовавшій въ то время въ качествѣ офицера въ войнѣ съ Парагваемъ; но мать ея улыбаясь возразила: «*naô tem pai, he filha da fortuna*» (у нея нѣтъ отца, она случайное дитя). «Въ такихъ выраженіяхъ, безъ малѣйшаго стыда или укора всегда говорятъ индѣйскія или метисскія женщины о своихъ незаконныхъ дѣтяхъ. Имѣтъ же такихъ дѣтей вовсе не составляетъ среди нихъ явленія необычайнаго: скорѣе кажется исключеніемъ обратное. Дѣти... часто знаютъ только мать, такъ какъ всѣ заботы и отвѣтственность падаютъ на нее; о своемъ отцѣ они ничего не знаютъ, и женщины, повидимому, никогда не приходитъ въ голову, чтобы она или ея дѣти могли предъявлять ему какія либо притязанія». То, что кажется европейцу столь страннымъ въ этомъ случаѣ, есть просто законъ материнскаго права и группового брака.

У нѣкоторыхъ другихъ народовъ въ самый день свадьбы друзья и родственники жениха или свадебные гости примѣчаютъ издревле сохранившееся право на невѣсту, и до жениха доходитъ очередь только послѣ всѣхъ остальныхъ; такой обычай существовалъ въ древности на Балеарскихъ островахъ и у африканскихъ аугиловъ, а у племени барее въ Абиссиніи онъ существуетъ еще и теперь. У иныхъ же народовъ вмѣсто общины какое-нибудь должностное лицо, представитель племени или рода, кацикъ, шаманъ, князь или какъ бы онъ тамъ не назывался, пользуется правомъ первой ночи у невѣсты. Какъ ни стараются романтики сгладить это обстоя-

тельство, однако, *jus primae noctes* еще и въ наши дни распространено среди большей части жителей Аляски (*Bancroft, Native Races, I, 81*), у племени таху въ сѣверной Мексикѣ (*ib. p. 584*) и у другихъ народовъ; кромѣ того оно въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ существовало по крайней мѣрѣ въ тѣхъ земляхъ, которыя первоначально были заселены кельтами, и въ которыхъ оно было непосредственнымъ остаткомъ группового брака, какъ, напримѣръ, въ Арагоніи. Между тѣмъ какъ въ Кастиліи крестьяне никогда не были крѣпостными, въ Арагоніи господствовалъ самый позорный видъ крѣпостничества до постановленія Фердинанда Католика 1486 года. Въ постановленіи же этомъ сказано: «мы рѣшаемъ и объявляемъ, что упомянутые выше господа (*senyors, бароны*)... не могутъ также, когда крестьянинъ женится, спать первую ночь съ его женою или, въ знакъ своего господства, въ ночь свадьбы, когда жена ляжетъ въ постель, шагаты черезъ кровать и черезъ эту женщину; не могутъ также упомянутые господа пользоваться дочерью или сыномъ крестьянина противъ ихъ воли, будь то за плату или безъ платы. Каталонскій оригиналъ приведенъ у *Sugenheim, Leibeigenschaft, Petersburg, 1861, p. 35*).

Далѣе Бахофенъ безусловно правъ, когда онъ рѣшительно утверждаетъ, что переходъ отъ того, что онъ называетъ гетеризмомъ или «*Sumpfzeugung*», къ единобрачію главнымъ образомъ осуществился благодаря женщинамъ. По мѣрѣ того какъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ экономическихъ условій жизни, а также съ подрываніемъ стараго коммунизма и съ увеличеніемъ густоты населенія старинныя отношенія между полами теряли свой дикій, первобытный, наивный характеръ, они должны были казаться для женщинъ все болѣе унижительными и тягостными; и послѣднія все настойчивѣе должны были стремиться къ полученію права на цѣломудріе, права на временный или постоянный бракъ съ однимъ мужчиной, видя въ этомъ свое избавленіе. Отъ мужчинъ же этотъ шагъ потому уже не могъ исходить, что имъ вообще ни-

когда еще не приходило въ голову. даже и до сихъ поръ, отказаться отъ удовольствій фактическаго групповаго брака. Только послѣ того уже, какъ женщины осуществили переходъ къ парному браку, могли мужчины ввести строгую моногамію — конечно, только для женщинъ.

Парная семья возникла на границѣ между дикимъ состояніемъ и варварствомъ; по большей части она является уже на высшей ступени дикаго состоянія, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только на низшей ступени варварства. Она для эпохи варварства представляетъ такую же характеристическую форму семьи, какую для дикаго состоянія представляетъ групповой бракъ, а для цивилизаціи — моногамія. Но для того чтобы заставить ее развиться въ прочную моногамію, необходимы были еще другія условія, кромѣ тѣхъ, дѣйствіе которыхъ мы принимали во вниманіе до сихъ поръ. Въ парной семьѣ группа супруговъ была уже сведена къ своей послѣдней единицѣ, къ своей двухъатомной молекулѣ: къ одному мужу и одной женѣ. Естественный отборъ исполнилъ свое дѣло во все далѣе и далѣе проводимомъ ограниченіи брачной общности; и этотъ факторъ въ этомъ направленіи ничего уже болѣе не могъ сдѣлать. Такъ что если бы не стали дѣйствовать новые *соціальные* факторы, то не было бы также никакого основанія для того, чтобы изъ семьи парной развилась новая форма семьи. Но эти факторы именно стали дѣйствовать.

Мы покидаемъ теперь Америку, классическую страну парной семьи. Ничто не даетъ намъ повода заключить, чтобы тамъ въ древности была развита высшая форма семьи, чтобы до открытія и завоеванія этой части свѣта въ ней гдѣ-нибудь когда-либо существовала прочная моногамія. Иначе обстоитъ дѣло въ Старомъ Свѣтѣ.

Здѣсь прирученіе домашнихъ животныхъ и разведеніе стадъ породило новый, неподозрѣвавшійся до тѣхъ поръ, источникъ богатства и создало соціальныя отношенія совершенно непохожія на прежнія. Вплоть до низшей ступени

варварства постоянное имущество людей заключалось почти исключительно въ жилищѣ, одеждѣ, грубыхъ украшеніяхъ и въ орудіяхъ для добыванія и приготовленія пищи, къ которымъ принадлежали: лодка, оружіе и простѣйшая домашняя утварь. Пища ежедневно должна была добываться вновь. Теперь же, съ разведеніемъ стадъ лошадей, верблюдовъ, ословъ, рогатаго скота, овецъ, козъ и свиней, передовыя пастушескія племена—арійцы въ индійскомъ Пятирѣчьи и въ области Ганга, а также въ степяхъ Окса и Яксарта, въ то время гораздо лучше орошавшихся, чѣмъ теперь, и семиты по Тигру и Евфрату—приобрѣли себѣ богатство, которое нуждалось только въ надзорѣ и въ самомъ грубомъ уходѣ для того, чтобы постоянно увеличиваться въ числѣ и доставлять обильнѣйшую молочную и мясную пищу. Всѣ прежніе способы добыванія пищи отступили теперь на задній планъ; охота, раньше являвшаяся необходимостью, стала роскошью. Но кому же принадлежало это новое имущество? Безъ всякаго сомнѣнія оно первоначально принадлежало роду. Однако уже довольно рано должно было развиться право частной собственности на стада. (Трудно сказать, владѣлъ ли патриархъ Авраамъ своими стадами по праву главы семейной общины или какъ фактически наслѣдственный родовладыка; но несомнѣнно, что мы не должны представлять его себѣ собственникомъ въ современномъ смыслѣ слова), и вѣрно также то, что на порогѣ достовѣрной исторіи мы вездѣ уже находимъ стада въ частномъ владѣніи главъ семействъ, такъ же какъ и произведенія искусства варварской эпохи, металлическія орудія, предметы роскоши и, наконецъ, человѣческій скотъ — рабовъ.

Ибо въ это время было изобрѣтено и рабство. На низшей ступени варварства рабъ былъ бесполезенъ; поэтому американскіе индѣйцы поступали съ побѣжденными непріятелями совсѣмъ не такъ, какъ съ ними поступали на высшей ступени варварства: мужчинъ они убивали или принимали въ свое племя, какъ братьевъ; женщинъ брали въ жены или

также принимали въ свое племя вмѣстѣ съ остававшимися въ живыхъ дѣтьми ихъ. Человѣческій трудъ на этой ступени вовсе не даетъ еще заслуживающей вниманія прибыли сверхъ стоимости своего содержанія. Со введеніемъ скотоводства, выдѣлки металловъ, тканья и обработки полей дѣло измѣнилось. Подобно тому какъ женщины прежде такъ легко было доставать, а теперь онѣ приобрѣли мѣновую цѣнность и стали покупаться, такъ случилось и съ рабочими силами, особенно со времени окончательнаго перехода стадъ во владѣніе семьи. Последняя размножалась не такъ быстро, какъ скотъ; а для надзора за стадами требовалось все большее число людей; тутъ и воспользовались военнопленными, которыхъ къ тому же можно было и разводить, какъ скотъ.

Упомянутыя богатства, перейдя въ собственность семьи и быстро увеличившись, сразу сильно поколебали общественный строй, основанный на парномъ бракѣ и на матриархальномъ родѣ. Парный бракъ внесъ въ семью новый элементъ: наряду съ родной матерью онъ поставилъ достовѣрно извѣстнаго родного отца, притомъ даже болѣе достовѣрно извѣстнаго, чѣмъ многіе «отцы» нашего времени. Согласно господствовавшему въ то время въ семьѣ раздѣленію труда, на долю мужа выпадало добываніе пищи и приготовленіе необходимыхъ для этого орудій, которыя и были его собственностью; въ случаѣ развода онъ забиралъ ихъ съ собой, между тѣмъ какъ домашняя утварь оставалась за женой. Такимъ образомъ по обычаю тогдашняго общества мужъ былъ также собственникомъ новаго источника пропитанія — скота, а позднѣе и новаго орудія труда — раба; но въ силу другого обычая, господствовавшаго въ томъ же обществѣ, его дѣти не могли наследовать послѣ него, ибо правила наследованія заключались въ слѣдующемъ.

По материнскому праву, слѣдовательно, пока происхожденіе считалось только по женской линіи и по издревле введенному въ родѣ порядку наследованія, наследниками умершаго члена рода являлись первоначально остальные члены

того же рода (*Gentilverwandten*). Имущество должно было оставаться въ родѣ. Въ виду незначительности составлявшихъ его предметовъ оно, вѣроятно, на практикѣ всегда переходило къ ближайшимъ родичамъ умершаго, т. е. къ его кровнымъ родственникамъ съ материнской стороны. Но дѣти умершаго принадлежали не къ его роду, а къ роду своей матери, они и наследовали послѣ нея, сначала наравнѣ съ ея другими кровными родственниками, позднѣе же можетъ быть имъ отдавалось преимущество; но послѣ отца они не наследовали, потому что не принадлежали къ его роду, въ которомъ имущество его должно было оставаться. Такимъ образомъ стада по смерти владѣльца переходили прежде всего къ его братьямъ и сестрамъ и къ дѣтямъ его сестеръ или къ потомкамъ сестеръ его матери; собственные же дѣти его въ этомъ случаѣ не имѣли права на наследство.

По мѣрѣ того, какъ богатство росло, оно съ одной стороны возвышало положеніе мужа въ семьѣ надъ положеніемъ жены, а съ другой вызывало въ немъ стремленіе воспользоваться своимъ вліяніемъ для того, чтобы измѣнить въ пользу дѣтей старинный обычай наследованія. Но этого нельзя было сдѣлать до тѣхъ поръ, пока происхожденіе считалось по матери; слѣдовательно, сначала надо было отмѣнить этотъ обычай, и онъ былъ отмѣненъ. Отмѣна его вовсе не представила такихъ трудностей, какъ намъ это кажется теперь, такъ какъ эта революція, одна изъ самыхъ глубокихъ революцій, когда-либо пережитыхъ человѣчествомъ, могла не касаться ни одного изъ живыхъ членовъ даннаго рода; всѣ они могли оставаться тѣмъ, чѣмъ были прежде; достаточно было простого постановленія, чтобы впредь потомки мужскихъ членовъ рода оставались въ немъ, а потомки женскихъ членовъ рода исключались изъ него и переходили въ родъ своего отца. Такимъ образомъ уничтожалась женская філіація, наследованіе по материнскому праву, и вводилась мужская філіація и наследованіе по отцовскому праву. Мы ничего не знаемъ о томъ, когда и какимъ образомъ произошелъ этотъ переворотъ у

культурныхъ народовъ, такъ какъ онъ весь совершился въ доисторическое время. Но то, что онъ дѣйствительно совершился, вполне достаточно доказано многочисленными слѣдами материнскаго права, собранными особенно Бахофеномъ. А какъ легко онъ совершается, можно видѣть на примѣрѣ цѣлаго ряда индѣйскихъ племенъ, у которыхъ подобный переворотъ произошелъ недавно или происходитъ въ настоящее время подъ вліяніемъ отчасти увеличивающихся богатствъ и измѣнившихся жизненныхъ условій (переселенія изъ лѣсовъ въ преріи), отчасти же нравственнаго воздѣйствія цивилизаціи и миссіонеровъ. Изъ восьми миссурійскихъ племенъ въ шести признается происхожденіе и наслѣдованіе по мужской линіи, а въ двухъ—по женской. У шавновъ, міаміевъ и делаверовъ укоренился обычай, для того чтобы дѣти могли наслѣдовать послѣ отца, присоединять ихъ къ отцовскому роду, давая имъ одно изъ принятыхъ въ этомъ родѣ родовыхъ именъ. «Врожденная казуистика человѣка — мѣнять вещи, мѣняя ихъ имена и находить лазейки для нарушенія традиціи внутри ея самой вездѣ, гдѣ прямой интересъ служить для этого достаточнымъ побужденіемъ!» (Марксъ). Вслѣдствіе всего этого произошла ужасная путаница, и помочь дѣлу можно было только, какъ это отчасти и было сдѣлано переходомъ къ отцовскому праву. «Такой переходъ вообще кажется самымъ естественнымъ». (Марксъ).

Съ мнѣніемъ юристовъ, занимающихся сравнительнымъ изученіемъ права, относительно способа, посредствомъ котораго совершился этотъ переходъ у культурныхъ народовъ стараго свѣта, мнѣніемъ, правда, ничего почти не представляющимъ кромѣ гипотезъ, можно ознакомиться въ книгѣ М. Ковалевскаго «Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété», Stockholm, 1890.

Отмѣна материнскаго права была *всемирно историческимъ низложеніемъ женщины*. Мужчина завладѣлъ брадами правленія въ домѣ, женщина была лишена своего почетнаго положенія, обращена въ служанку, въ рабу прихоти

мужчины, въ простое орудіе для производства дѣтей. Это унижительное положеніе женщины, особенно ярко обнаружившееся у грековъ героическаго и еще болѣе классическаго періода, стало постепенно скрашиваться и лицемѣрно скрываться, а мѣстами приняло и болѣе мягкія формы; но оно вовсе еще не устранено.

Вліяніе установившагося такимъ образомъ единовластія мужчинъ прежде всего сказалось въ возникновеніи промежуточной формы — патриархальной семьи. Подъ ней надо главнымъ образомъ понимать не многоженство, о которомъ пойдетъ рѣчь ниже, но «организацию семьи, состоящей изъ извѣстнаго числа свободныхъ и несвободныхъ лицъ и находящейся подъ отцовской властью семейнаго главы. У семитовъ этотъ глава семьи живетъ въ многоженствѣ, несвободные члены семьи могутъ имѣть жену и дѣтей, и цѣль всей организациіи заключается въ уходѣ за стадами въ предѣлахъ извѣстной области». Существенную черту патриархальной семьи составляютъ: включеніе несвободныхъ въ кругъ семьи и отцовская власть; поэтому законченнымъ типомъ такой формы семьи можетъ служить римская семья. Слово *familia*, семья, первоначально вовсе не соответствовало смѣшанному изъ сентиментальности и домашнихъ дрягъ идеалу современнаго филистера; у римлянъ оно сначала даже вовсе не относилось къ супружеской четѣ и ея дѣтямъ, но подразумѣвало однихъ только рабовъ. *Famulus* означаетъ домашній рабъ, а подъ словомъ *familia* понималось все количество рабовъ, принадлежащихъ данному человѣку. Еще во времена Гая «*familia, id est patrimonium*» (т. е. наслѣдство) передавалось по завѣщанію. Римляне первые вздумали примѣнить это выраженіе для обозначенія новаго общественнаго организма, глава котораго держалъ въ своей отцовской власти жену, дѣтей и извѣстное число рабовъ и имѣлъ надъ всѣми ими право жизни и смерти. «Такимъ образомъ, слово *familia* оказывается не древнѣе самого желѣзнаго семейнаго строя латинскихъ племенъ, возникшаго вслѣдъ за введеніемъ полевой

культуры и допущеніемъ рабства законами, и вслѣдъ за отдѣленіемъ арійскихъ италиковъ отъ грековъ». Маркъ прибавляетъ: «Новѣйшая семья содержитъ въ зародышѣ не только рабство (*servitus*), но и крѣпостничество, такъ какъ она съ самаго начала имѣетъ нужду въ земледѣльцахъ. Она заключаетъ въ себѣ *въ миниатюрѣ* всѣ тѣ противорѣчія, которыя позднѣе широко развились въ обществѣ и въ устроенномъ имъ государствѣ».

Патріархальная семья представляетъ переходъ отъ парнаго брака къ единобрачію, или моногаміи. Для того чтобы исполнѣ обезпечить вѣрность жены, а слѣдовательно происхожденіе дѣтей отъ отца, жена отдается въ безусловную власть мужа: даже убивая ее, онъ не выходитъ изъ предѣловъ своего права.

Съ патріархальной семьей мы вступаемъ въ область писанной исторіи, притомъ въ область, гдѣ сравнительное изученіе права можетъ оказать намъ значительную помощь. И дѣйствительно оно дало намъ возможность сдѣлать большой шагъ впередъ. Мы обязаны Максиму Ковалевскому (*Tableau etc. de la famille et de la propriété*, Stockholm, 1890, p. 60—100), засвидѣтельствованіемъ того, что патріархальная домашняя община, которую мы еще и въ настоящее время находимъ у сербовъ и болгаръ подъ названіемъ «задруги» или «братства», а также въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ у восточныхъ народовъ, представляетъ переходную ступень между вытекающей изъ группового брака матриархальной семьей и индивидуальной семьей позднѣйшаго міра. По крайней мѣрѣ для культурныхъ народовъ древняго міра, арійцевъ и семитовъ, это, повидимому, доказано,

Южно-славянская задруга является самымъ лучшимъ изъ живыхъ еще примѣровъ подобной семейной общины. Она охватываетъ нѣсколько поколѣній потомковъ одного отца вмѣстѣ съ ихъ женами; всѣ они живутъ на одномъ дворѣ, сообща воздѣлываютъ свои поля, питаются и одѣваются изъ

общаго запаса и сообща владѣють излишкомъ дохода. Община находится подъ управленіемъ домохозяина (домачинъ), который является ея внѣшнимъ представителемъ, имѣть право отчуждать незначительные предметы, завѣдуетъ кассой и отвѣтствененъ какъ за нее, такъ и за правильный ходъ работъ. Домохозяинъ выбирается и вовсе не обязанъ быть старшимъ по возрасту въ общинѣ. Женщины и ихъ работы находятся подъ вѣдѣніемъ домохозяйки (домачицы), которой обыкновенно бываетъ жена домачина. Ей принадлежитъ важный, иногда рѣшающій голосъ въ вопросѣ о выборѣ мужей для дѣвушекъ. Но верховная власть находится въ рукахъ семейнаго совѣта, т. е. собранія всѣхъ взрослыхъ членовъ общины, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Этому собранію отдаетъ отчетъ домохозяинъ; оно издаетъ важныя постановленія, судить членовъ общины, рѣшаетъ болѣе важные вопросы купли и продажи, особенно, когда дѣло касается поземельной собственности и т. д.

Только лѣтъ десять тому назадъ было открыто существованіе такихъ большихъ семейныхъ общинъ въ Россіи; теперь онѣ всеми признаются столь же глубоко укоренившимися въ русскихъ народныхъ обычаяхъ, какъ и деревенская община. Въ древнѣйшемъ русскомъ сводѣ законовъ, въ «Русской правдѣ» Ярослава, эти семейныя общины упоминаются подъ такимъ же названіемъ (вервь), какъ и въ далматскихъ законахъ; на нихъ можно указать также въ польскихъ и чешскихъ историческихъ источникахъ.

По Гейслеру (Heussler, Institutionen des deutschen Rechts) и у германцевъ хозяйственная единица представляла первоначально не единичную семью въ современномъ смыслѣ слова, но «домотоварищество» (Hausgenossenschaft), состоявшее изъ нѣсколькихъ поколѣній, т. е. изъ отдѣльных семей, и притомъ включавшее въ себя часто достаточное число несвободныхъ. Римскую семью также можно свести къ этому типу, и поэтому неограниченная власть въ ней отца семейства и безправность по отношенію къ нему осталь-

ныхъ членовъ семьи стали въ послѣднее время сильно опасиваться. У кельтовъ въ Ирландіи, повидимому, также существовали подобныя семейныя общины; во Франціи онѣ сохранились въ Нивернѣ подѣ названіемъ *parsonneries* вплоть самой революціи, а во Франшъ-Контѣ не исчезли и до сихъ поръ. Въ окрестностяхъ Луана (*Lanfans*) (Сона и Луара) можно видѣть большіе крестьянскіе дома съ общей высокой залой, выходящей до самой крыши и съ расположенными вокругъ нея спальнями, въ которыя ведутъ лѣстницы въ 6—8 ступеней. Въ такихъ домахъ живетъ по нѣскольکو поколѣній одной и той же семьи.

О домашнихъ общинахъ совмѣстной обработкѣ полей въ Индіи упоминаетъ уже Непхъ во времена Александра Великаго, и онѣ тамъ до сихъ поръ сохранились въ той же мѣстности, именно въ Пенджабѣ и на всемъ сѣверозападѣ страны. На Кавказѣ ихъ открылъ самъ Ковалевскій. Въ Алжирѣ онѣ еще существуютъ у кабилловъ. Утверждаютъ, что онѣ встрѣчались даже въ Америкѣ, ихъ хотятъ видѣть въ тѣхъ древне-мексиканскихъ «*calpullies*», которые описываетъ Цурита (*Zurita*). Напротивъ, относительно Перу Куновъ (*Cunow*, *Ausland* 1890, № 42—44) довольно ясно доказалъ, что во время европейскаго завоеванія тамъ существовалъ видъ марковаго строя (причемъ марка—нѣм. *Mark*—страннымъ образомъ и называлась *marka*) съ періодическимъ передѣломъ обрабатываемой земли, слѣдовательно съ раздѣльной обработкой.

Во всякомъ случаѣ патріархальная семейная община съ общей поземельной собственностью и съ совмѣстнымъ воздѣлываніемъ земли пріобрѣтаетъ теперь въ нашихъ глазахъ совершенно новое значеніе. Мы не можемъ далѣе сомнѣваться въ той важной роли, которую она играла у культурныхъ и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ древняго міра въ промежутокъ между матріархальной и индивидуальной семьей. Ниже мы вернемся къ сдѣланному отсюда Ковалевскимъ

дальнѣйшему выводу, что оно послужило также переходной ступеню, изъ которой развилась деревенская община, или марка, съ индивидуальной обработкой полей и съ періодическимъ сначала, а позднѣе окончательнымъ передѣломъ пахатной и луговой земли.

Что касается семейной жизни внутри такой общины, то надо замѣтить, что, по крайней мѣрѣ, въ Россіи домовладыки извѣстны сильнымъ злоупотребленіемъ своею властью по отношенію къ входящимъ въ семью молодымъ женщинамъ, особенно къ своимъ невѣсткамъ, изъ которыхъ они нерѣдко составляютъ себѣ гаремъ, о чемъ краснорѣчиво распространяются народныя русскія пѣсни.

Прежде чѣмъ перейти къ моногаміи, быстро начавшей развиваться послѣ паденія материнскаго права, скажемъ еще нѣсколько словъ о многоженствѣ и многомужествѣ. Обѣ эти формы брака могутъ быть не болѣе какъ исключеніемъ, такъ сказать историческими продуктами роскоши; онѣ никогда не встрѣчаются вмѣстѣ въ одной странѣ. А такъ какъ при многоженствѣ не всѣ мужчины, а при многомужествѣ не всѣ женщины въ состояніи были бы вступить въ ту или иную форму полового сожитія въ виду того, что численность мужчинъ и женщинъ, независимо не отъ какихъ соціальныхъ учрежденій, до сихъ поръ всегда была приблизительно равной, то поэтому возведеніе той или другой изъ этихъ формъ брака въ общепринятую само собою оказывалось невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ многожество было очевидно продуктомъ рабства и ограничивалось людьми, занимавшими какое-нибудь исключительное положеніе. Въ семитической патріархальной семьѣ въ многоженствѣ живетъ только патріархъ, да въ крайнемъ случаѣ нѣкоторые изъ его сыновей; остальные же должны довольствоваться одной женой. Такъ же обстоитъ дѣло на всемъ Востокѣ: многоженство составляетъ привилегію богатыхъ и знатныхъ, и ряды женъ пополняются, главнымъ образомъ, купленными невольницами; простой же народъ живетъ въ единобрачій. Совершенно такимъ же исключеніемъ

является многоженство въ Индіи и Тибетѣ, небезынтересное происхожденіе котораго изъ группового брака еще должно быть подвергнуто болѣе подробному изслѣдованію. Многомужество на практикѣ менѣе строго, чѣмъ ревнивое гаремное хозяйство мусульманъ. По крайней мѣрѣ у наивовъ въ Индіи двое-трое мужчинъ имѣютъ одну общую жену, но они могутъ въ то же время вмѣстѣ съ тремя или большимъ числомъ другихъ мужчинъ обладать сообща другой женой, а также и третьей и четвертой и т. д. Удивительно, какъ это Макъ-Леннанъ въ этихъ брачныхъ клубахъ, во многихъ изъ которыхъ можно быть членомъ одновременно, и которые онъ самъ описалъ, не увидѣлъ новой формы брака—клубной. Этотъ порядокъ брачныхъ клубовъ никоимъ образомъ, впрочемъ, не представляетъ настоящаго многомужества, а напротивъ, какъ уже замѣтилъ Жиро-Тейлонъ, специализировавшуюся форму группового брака: мужчины живутъ въ многоженствѣ, а женщины въ многомужествѣ.

4. *Моногамная семья*. Она возникла изъ парной семьи въ эпоху, соответствующую, какъ уже указано, переходу отъ средней къ высшей ступени варварства; окончательная побѣда ея была признакомъ начинающейся цивилизации. Она опирается на господство мужа съ прямой цѣлью произведенія такихъ дѣтей, происхожденіе которыхъ по отцу не могло бы быть подвергнуто никакому сомнѣнію, а достоверность ихъ происхожденія по отцу требовалась потому, что они современемъ въ качествѣ кровныхъ наслѣдниковъ должны были вступить во владѣніе отцовскимъ имуществомъ. Моногамная семья отличается отъ парнаго брака гораздо большей прочностью брачныхъ узъ, которыя не могутъ быть теперь расторгнуты по желанію каждой изъ сторонъ. Въ большинствѣ случаевъ только за мужемъ остается еще право расторгнуть бракъ и бросить жену. Право же супружеской невѣрности обезпечивается ему и теперь, по крайней мѣрѣ обычаемъ (кодексъ Наполеона прямо предоставляетъ его мужу до тѣхъ поръ, пока онъ не вводитъ наложницу въ свой супружескій

домъ), и имъ все болѣе пользуются по мѣрѣ того, какъ развитіе общества идетъ впередъ; а если жена вспомнить о старинной практикѣ полового общенія и вздумаетъ ее возобновить, то ее наказываютъ еще строже, чѣмъ прежде.

Во всей своей суровости выступаетъ передъ нами новая форма семьи у грековъ. По замѣчанію Маркса, между тѣмъ какъ положеніе богинь въ мифологіи рисуетъ намъ ранній періодъ, когда женщина занимала еще болѣе свободное и уважаемое положеніе, въ героическую эпоху мы находимъ ее уже униженною преобладаніемъ мужа и конкуренціей невольницъ. Прочтите въ Одисеѣ, какъ Телемакъ отстраняетъ свою мать и приказываетъ ей молчать. Молодые женщины, захваченныя въ качествѣ военной добычи, становятся у Гомера жертвой чувственности побѣдителей; предводители войска по очереди, соблюдая старшинство, выбираютъ себѣ прекраснѣйшихъ. Все содержаніе Иліады вертится, какъ извѣстно, на спорѣ между Ахиллесомъ и Агамемномомъ изъ за такой невольницы. При всякомъ сколько нибудь выдающемся гомеровскомъ героѣ упоминается и военноплѣнная, дѣвушка, съ которой онъ дѣлитъ палатку и ложе. Этихъ дѣвушекъ герои увозятъ съ собой и на родину и вводятъ ихъ въ свой семейный домъ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, у Эсхила Агамемнонъ съ Кассандрой. Дѣти, рожденныя отъ такихъ невольницъ, получаютъ небольшую часть отцовскаго наслѣдства и считаются вполне свободными; Тевкръ, такого рода незаконный сынъ Теламона, имѣетъ право называться по отцу. Отъ супруги же требуется, чтобы она все это терпѣливо сносила, а сама соблюдала строгое цѣломудріе и неизмѣнную вѣрность. Правда, греческая женщина героической эпохи пользовалась бѣльшимъ уваженіемъ, чѣмъ женщина періода цивилизаціи, но въ концѣ концовъ она все-таки была въ глазахъ мужа не болѣе какъ матерью его законныхъ дѣтей-наслѣдниковъ, его главной домоправительницей и надзирательницей за рабынями, которыхъ онъ по желанію могъ дѣлать наложницами, какъ это дѣйствительно и было въ ходу. Существованіе раб-

ства наряду съ моногаміей, присутствіе молодыхъ, прекрасныхъ невольницъ, принадлежащихъ мужу и находящихся въ полномъ его распоряженіи, и было той причиною, которая съ самаго начала придавала моногаміи ея специфическій характеръ; сдѣлало ее моногаміей *только для жены*, но не для мужа; и этотъ характеръ она сохраняетъ до сихъ поръ.

Что касается брака у позднѣйшихъ грековъ, то въ этомъ отношеніи мы должны дѣлать различіе между дорянами и іонянами. Первые, классическимъ примѣромъ которыхъ является Спарта, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сохранили еще болѣе старинную форму брака, чѣмъ даже та, которую изображаетъ Гомеръ. Въ Спартѣ былъ распространенъ родъ царнаго брака, нѣсколько видоизмѣненнаго согласно съ тамошними воззрѣніями на государство и нѣкоторыми чертами напминавшаго еще групповой бракъ. Бездѣтные браки расторгались; царь Анаксандридъ (за 650 лѣтъ до нашей эры) помимо своей бездѣтной жены взялъ себѣ другую и зажилъ двумя домами; около того же времени царь Аристонъ, имѣя уже двухъ бездѣтныхъ женъ, взялъ себѣ третью, но зато отпустилъ одну изъ первыхъ двухъ. Съ другой стороны, нѣсколькимъ братьямъ позволялось имѣть общую жену; если одному изъ пріятелей больше нравилась жена другого, то они могли подѣлиться ею, и считалось приличнымъ предоставлять свою жену въ распоряженіе посторонняго. Изъ одного мѣста у Плутарха, гдѣ спартанка направляетъ преслѣдующаго ее своими настояніями влюбленнаго къ своему мужу, можно, по мнѣнію Шеманна (Schömann) вывести заключеніе о существованіи въ Спартѣ даже еще большей свободы нравовъ. Поэтому дѣйствительное прелюбодѣліе, измѣна жены за спиной мужа — были тамъ чѣмъ то несслыханнымъ. Кромѣ того въ Спартѣ, по крайней мѣрѣ въ лучшій періодъ ея исторіи, не было домашнихъ рабовъ; крѣпостные илоты жили обособленно на хуторахъ; соблазнъ для спартіатовъ воспользоваться женами илотовъ былъ поэтому менѣе силенъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ вполне понятно, что женщина должна была занять въ Спартѣ

гораздо болѣе почетное положеніе, чѣмъ во всей остальной Греціи. Спартанки и избранныя аѳинскія гетеры — вотъ единственныя греческія женщины, о которыхъ древніе отзываются съ уваженіемъ и мнѣнія которыхъ они находятъ заслуживающими упоминанія.

Совершенно не то видимъ мы у іонянъ характерныя черты строя которыхъ сильнѣе всего выразились въ Аѳинахъ. У нихъ дѣвушекъ учили только прясть, ткать и шить, въ лучшемъ случаѣ — немного читать и писать. Жили онѣ почти взаперти и могли вести знакомство только съ другими женщинами. Женское помѣщеніе занимало обособленную часть дома: оно находилось въ верхнемъ этажѣ или въ задней половинѣ дома, куда мужчинамъ, особенно постороннимъ, нелегко было проникнуть, и куда женщины удалялись при посѣщеніяхъ мужчинъ. Изъ дому онѣ выходили не иначе, какъ въ сопровожденіи рабыни; дома же ихъ положительно стерегли. Аристофанъ говоритъ о молосскихъ собакахъ, которыхъ держали въ домахъ для устрашенія прелюбодѣевъ, и, по крайней мѣрѣ, въ азіатскихъ городахъ для охраны женщинъ употребляли евнуховъ, которые уже во времена Геродота фабриковались для этого ремесла въ Хіосѣ, и, по свидѣтельству Ваксмута, не для однихъ только варваровъ У Эврипида женщина называется *ойкурема*, необходимой въ хозяйствѣ вещью (слово *oíkurema* средняго рода); да помимо своей обязанности произведенія дѣтей, она ничѣмъ больше и не была въ глазахъ аѳинянина, какъ главной служанкой. У мужчины были его гимнастическія упражненія, его общественныя дѣла, изъ участія въ которыхъ женщина была исключена; кромѣ того, къ его услугамъ были невольницы, а въ эпоху процвѣтанія Аѳинъ и обширная проституція, которой государство по меньшей мѣрѣ, покровительствовало. Но именно благодаря проституціи и могли развиваться въ Аѳинахъ тѣ единичныя женскія личности, которыя своимъ умомъ и художественной выработкой вкуса также выдѣлялись изъ общаго уровня древнихъ женщинъ, какъ спартіатки выдѣлялись изъ него своимъ характеромъ. Но то об-

стоятельство, что надо было сначала сдѣлаться гетерой для того, чтобы стать женщиной, и служить уже самымъ строгимъ осужденіемъ аѳинской семьи.

Эта аѳинская семья съ теченіемъ времени сдѣлалась образцомъ, которому стали подражать въ своемъ семейномъ строѣ не только остальные іоняне, но и все греческое населеніе, какъ полуострова, такъ и колоній. Однако, не смотря на свою замкнутую жизнь и на строгій надзоръ, гречанки все-таки нерѣдко находили возможность обманывать своихъ мужей. Последніе же, которые постыдились бы обнаружить нѣкоторую любовь по отношенію къ своимъ женамъ, предавались разнымъ любовнымъ наслажденіямъ въ обществѣ гетеръ. Но униженіе женщинъ отмстило за себя мужчинамъ и, въ свою очередь, унизило ихъ, когда они въ концѣ концовъ погрязли въ противоестественной любви къ мальчикамъ и обезславили и своихъ боговъ, и самихъ себя мѣломъ о Ганимедѣ.

Таково было происхожденіе моногаміи, насколько мы можемъ прослѣдить его у самаго цивилизованнаго и самаго развитого народа древности. Отсюда мы видимъ, что моногамія никоимъ образомъ не была результатомъ индивидуальной половой любви, къ которой она рѣшительно не имѣла никакого отношенія, такъ какъ браки попрежнему оставались браками по расчету. Моногамія была первой формой семьи, опиравшейся не на естественныя, а на экономическія условія, именно на побѣду частной собственности надъ первобытнымъ естественно умножавшимся общимъ имуществомъ. Господство мужа въ семьѣ и произведеніе такихъ дѣтей, которыя не могли бы быть ничьими дѣтьми, кромѣ его, и которыя предназначались сдѣлаться наслѣдниками его имущества — вотъ исключительныя цѣли индивидуальнаго брака, нисколько не скрывавшіяся греками. Если же не считать этихъ цѣлей, то онъ былъ для нихъ тяжелымъ бременемъ, обязанностью по отношенію къ богамъ, государству и собственнымъ предкамъ, которую необходимо было исполнить. Въ Аѳинахъ законъ требовалъ отъ мужчины не только же-

нитьбы, но и выполненія извѣстнаго минимума такъ называемыхъ супружескихъ обязанностей.

Прежняя относительная свобода полового общенія вовсе не исчезла съ побѣдой парнаго или даже индивидуальнаго брака. «Старая система брака, поставленная въ болѣе тѣсныя границы постепеннымъ вымираніемъ пуналуальныхъ группъ, все еще окружала развивающуюся семью и не покидала ее до самаго возникновенія цивилизаціи... Она затерялась, наконецъ, въ новой формѣ гетеризма, среди самой цивилизаціи, преслѣдующей людей, подобно черной тѣни, лежащей на семьѣ». Подъ гетеризмомъ Морганъ понимаетъ продолжающееся существовать наряду съ индивидуальнымъ бракомъ вѣтробрачное половое общеніе мужчинъ съ незамужними женщинами, которое, какъ извѣстно, процвѣтаетъ въ теченіе всего періода цивилизаціи и все болѣе превращается въ открытую проституцію. Этотъ гетеризмъ ведетъ свое начало непосредственно отъ группового брака, отъ той искупительной жертвы женщинъ, которою онѣ покупали себѣ право на цѣломудріе. Преданіе себя за деньги было религіознымъ актомъ, оно происходило въ храмѣ богини любви, и получаемыя деньги первоначально поступали въ сокровищницу храма. Первыми проститутками были жрицы богини Анаитисъ въ Арменіи и Афродиты въ Коринфѣ, а такъ же состоящія при индійскихъ храмахъ священныя танцовщицы, или такъ называемыя баядеры (названіе это представляетъ искаженіе португальскаго слова *bailadeira* — танцовщица). Предоставленіе себя мужчинамъ, составлявшее первоначально обязанность каждой женщины, стало затѣмъ выполняться только этими жрицами, игравшими роль замѣстительницъ всѣхъ остальныхъ женщинъ. У другихъ же народовъ гетеризмъ ведетъ свое начало отъ предоставлявшейся дѣвушкамъ до брака половой свободы, и такимъ образомъ также является остаткомъ группового брака, но только дошедшимъ до насъ инымъ путемъ. Съ появленіемъ имущественнаго неравенства т. е. уже на высшей ступени варварства, наряду съ рабскимъ

трудомъ мѣстами выступаетъ и наемный трудъ, а одновременно съ нимъ, какъ необходимое его дополненіе, появляется и проституція свободныхъ женщинъ, какъ ремесло, рядомъ съ принудительной проституціей невольницъ. Такимъ образомъ наслѣдство, завѣщанное групповымъ бракомъ цивилизаціи, такъ же двойственно, какъ двойственно, двусмысленно, и противорѣчиво все, что создаетъ цивилизація: здѣсь моногамія, тамъ гетеризмъ съ самой крайней своей формой — проституціей. Дѣло въ томъ, что гетеризмъ есть не что иное, какъ одно изъ общественныхъ учреждений: онъ представляетъ собою удержаніе прежней половой свободы въ пользу мужчинъ. Хотя на самомъ дѣлѣ общество не только терпитъ гетеризмъ, но въ немъ даже особенно безъ стѣсненія принимаютъ участіе высшіе классы, на словахъ его, однако, осуждаютъ. Только въ дѣйствительности это осужденіе нисколько не тяготѣетъ на причастныхъ къ дѣлу мужчинахъ, но лишь на одиѣхъ женщинахъ, которыхъ презираютъ и отталкиваютъ, чѣмъ снова провозглашается какъ основной законъ общества неограниченное господство мужского пола надъ женскимъ.

Но вмѣстѣ съ этимъ развилось другое противорѣчіе внутри самой моногаміи. Рядомъ съ мужемъ, услаждающимъ себя существованіе посредствомъ гетеризма, стоитъ покинутаая жена. Одна сторона противорѣчія невозможна безъ другой, какъ невозможно имѣть въ рукъ цѣлое яблоко, съѣвши половину его. Тѣмъ не менѣе таково, повидимому, было мнѣніе мужчинъ, пока женщины ихъ не вразумили. Съ индивидуальнымъ бракомъ выступаетъ на сцену два постоянныхъ общественныхъ типа: постоянный любовникъ жены и мужъ-рогопосецъ. Мужья одержали верхъ надъ женщинами, но послѣднія великодушно взяли на себя обязанность увѣнчать побѣдителей. Наряду съ индивидуальнымъ бракомъ и гетеризмомъ прелюбодѣяніе сдѣлалось неизбѣжнымъ общественнымъ учрежденіемъ, которое не можетъ быть уничтожено, не смотря на всѣ запрещенія и суровыя наказанія. Досто-

вѣрность происхожденія ребенка по отцу попрежнему могла опираться только на нравственное убѣжденіе, и чтобы разрѣшить это неразрѣшимое противорѣчіе, кодексъ Наполеона постановилъ въ 312-й статьѣ: *L'enfant conçu pendant le mariage a pour père le mari*; т. е. ребенокъ, зачатый въ бракѣ имѣеть отцомъ мужа. Таковъ конечный результатъ трехъ тысячъ лѣтъ индивидуальнаго брака.

Такимъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда индивидуальная семья остается вѣрна своему историческому происхожденію и ясно выставляетъ на видъ борьбу между мужемъ и женою, выразившуюся въ исключительномъ преобладаніи мужа, мы находимъ въ этой семьѣ изображеніе въ маломъ видѣ всѣхъ тѣхъ противоположностей и противорѣчій, среди которыхъ, не будучи въ состояніи ихъ разрѣшить или преодолѣть, вращается общество, со времени возникновенія цивилизаціи раздѣленное на классы. Я, конечно, говорю здѣсь только о тѣхъ случаяхъ индивидуальнаго брака, когда супружеская жизнь дѣйствительно протекаетъ согласно съ требованіями первоначальнаго характера этого учрежденія, но когда при этомъ жена возмущается противъ господства мужа. Что не всѣ браки бываютъ таковы, лучше всего извѣстно нѣмецкому филистеру, который такъ же мало умѣетъ сохранить за собой господство въ семьѣ, какъ и въ государствѣ, и жена котораго поэтому съ полнымъ правомъ управляетъ домомъ, главою котораго онъ недостойнъ быть. Но зато онъ считаетъ себя по своему положенію стоящимъ гораздо выше своего французскаго товарища по несчастіямъ, такъ какъ послѣднему чаще приходится испытывать гораздо худшія бѣды.

Впрочемъ, индивидуальная семья далеко не вездѣ и не во всякую эпоху выступала въ той классически рѣзкой формѣ, которую она приняла у грековъ. У римлянъ, которые, въ качествѣ будущихъ завоевателей всего міра, обладали болѣе широкимъ, хотя и менѣе утонченнымъ взглядомъ на вещи, женщины пользовались болѣе широкимъ почетомъ и болѣе свободой. Римлянинъ считалъ, что власть его надъ

жизнью жены въ достаточной мѣрѣ обезпечиваетъ ему ея вѣрность. Кромѣ того въ Римѣ жена, паравиѣ съ мужемъ, могла по желанію расторгнуть бракъ. Но наибольшій прогрессъ въ развитіи индивидуальнаго брака несомнѣнно совершился съ появленіемъ въ исторіи германцевъ, и именно благодаря тому, что у нихъ, вслѣдствіе ихъ бѣдности, моногамія повидимому еще не развилась окончательно изъ парнаго брака. Послѣднее же мы можемъ заключить изъ слѣдующихъ трехъ обстоятельствъ, на которые указываетъ Тацитъ: во-первыхъ, несмотря на большую святость брака (они довольствуются одной женой; женщины у нихъ живутъ огражденные цѣломудріемъ), многоженство у нихъ все-таки было въ ходу среди знатныхъ и вождей, на подобіе того, какъ оно существовало у американцевъ, признававшихъ парный бракъ. Во-вторыхъ, переходъ отъ материнскаго права къ отцовскому долженъ былъ совершиться у нихъ лишь незадолго до этой эпохи, такъ какъ братъ матери, ближайшій кровный родственникъ по материнскому праву, еще считался у нихъ почти болѣе близкимъ родственникомъ, чѣмъ родной отецъ, что также вполне соответствуетъ взглядамъ американскихъ индѣйцевъ, у которыхъ Маркъ, какъ онъ часто говорилъ, нашелъ ключъ къ пониманію первобытной жизни германцевъ. Въ третьихъ, женщины у германцевъ пользовались большимъ уваженіемъ, а также большимъ вліяніемъ на общественныя дѣла, что составляетъ прямой контрастъ съ характеризующимъ моногамію господствомъ мужей. Все это черты, общія германцамъ вмѣстѣ со спартапцами, у которыхъ, какъ мы видѣли, парный бракъ также не былъ еще окончательно изгнанъ. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи съ появленіемъ германцевъ пріобрѣлъ господство въ мірѣ совершенно новый элементъ. Новая моногамія, возникшая на развалинахъ римскаго міра изъ смѣшенія племенъ, облекла господство мужа въ болѣе мягкія формы и предоставила женщинамъ по крайней мѣрѣ внѣшній почетъ и внѣшнюю свободу въ гораздо большей степени, чѣмъ это когда-либо было принято въ эпоху

классической древности. Это впервые дало возможность развиться изъ моногаміи—смотря по обстоятельствамъ, въ ней самой, наряду съ ней или вопреки ей—величайшему нравственному прогрессу, которымъ мы ей обязаны: индивидуальной половой любви, совершенно неизвѣстной всему древнему міру.

Прогрессъ этотъ однако былъ исключительно обусловленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что германцы жили еще парной семьей, и что они перенесли, насколько это оказалось возможнымъ, соотвѣтствующее этой формѣ семьи положеніе женщины и въ моногамію, а вовсе не тѣми легендарными, необыкновенно цѣломудренными нравами германцевъ, которые въ сущности заключались только въ томъ, что парный бракъ дѣйствительно не сопровождается такими рѣзкими нравственными противорѣчіями, какъ моногамія. Напротивъ, во время странствованій германцевъ, особенно на юго-востокъ къ степнымъ кочевникамъ, жившимъ по берегамъ Чернаго моря, нравственность среди нихъ сильно пала, и они научились у этихъ кочевниковъ, помимо искусства верховой ѣзды, также и ихъ отвратительнымъ противоестественнымъ порокамъ, какъ это положительно подтверждаетъ Амміанъ относительно тайфаловъ и Прокопій относительно геруловъ.

Но если изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ формъ семьи моногамія была единственной, при которой могла развиваться современная половая любовь, то это не значитъ, чтобы послѣдняя исключительно или хотя бы главнымъ образомъ развивалась въ ней, какъ любовь между супругами. Это было невозможно по самой природѣ прочнаго индивидуальнаго брака съ его владычествомъ мужа. У всѣхъ исторически активныхъ, т. е. господствующихъ классовъ, заключеніе брака оставалось тѣмъ, чѣмъ оно стало со времени введенія парнаго брака—сдѣлкой по расчету, которую устраивали родители. Первая извѣстная въ исторіи форма половой любви, какъ страсть, притомъ страсть, подобающая каждому человѣку (по крайней мѣрѣ среди господствующихъ классовъ), какъ выс-

ная форма полового влеченія, — что и составляет именно ея специфическій характер—это первая форма ея: средне-вѣковая рыцарская любовь, никимъ образомъ не была любовью супружескою. Напротивъ, въ своей классической формѣ, у провансальцевъ, она прямо стремится къ прелюбодѣянью, которое ея поэты прославляютъ. Цвѣтомъ провансальской любовной поэзіи были alba, т. е. утреннія пѣсни. Онѣ изображаютъ въ пламенныхъ краскахъ, какъ рыцарь поконится на ложѣ со своей возлюбленной, женой другого, между тѣмъ какъ снаружи стоитъ стражъ, извѣщающій его о наступленіи разсвѣта (alba) для того, чтобы онъ могъ удалиться незамѣченнымъ; слѣдующая затѣмъ сцена разставанія представляетъ главный моментъ пѣсни. Сѣверные французы, а также и добрые нѣмцы, переняли этотъ родъ поэзіи вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ ему видомъ рыцарской любви, и нашъ старый Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ оставилъ на ту же предосудительную тему три чудныя пѣсни, которыя мнѣ нравятся гораздо больше, чѣмъ три его длинныя героическія поэмы.

Буржуазный бракъ нашего времени бываетъ двоякаго рода. Въ католическихъ странахъ по прежнему родители подыскиваютъ своему сыну подходящую жену, послѣдствіемъ чего, конечно, является полное развитіе заключающагося въ моногаміи противорѣчія: обильный гетеризмъ со стороны мужа, многочисленныя измѣны со стороны жены.

Католическая церковь навѣрно потому только и отмѣнила разводъ, что убѣдилась въ отсутствіи лѣкарства противъ прелюбодѣянія, какъ и противъ смерти. Въ протестантскихъ странахъ, напротивъ, молодому бюргеру предоставляется большая или меньшая свобода въ выборѣ себѣ жены изъ своего класса, вслѣдствіе чего въ основу брака иногда кладется извѣстная степень любви, какъ это приличія ради всегда и предполагается, согласно съ требованіями протестантскаго лицемерія. Здѣсь гетеризмъ мужа бываетъ болѣе вліымъ, а измѣна жены встрѣчается менѣе часто. Но такъ какъ при всякаго рода бракахъ люди послѣ брака остаются тѣмъ же,

чѣмъ были до заключенія его, а бюргеры протестантскихъ странъ по большей части филистеры, то эта протестантская моногамія, въ большинствѣ даже лучшихъ случаевъ, приводитъ только къ супружескому сожителству, отличающемуся невыносимой скукой, которой даютъ названіе семейнаго счастья. Оба способа заключенія брака отлично отразились на романѣ: католическій на французскомъ, протестантскій—на нѣмецкомъ. Въ каждомъ изъ нихъ «онъ» получаетъ то, что требовалось; въ нѣмецкомъ—молодой человѣкъ—дѣвушку, во французскомъ: мужъ рога; причемъ не всегда извѣстно, кому изъ нихъ приходится хуже. Поэтому французскому буржуа скучные нѣмецкіе романы внушаютъ такой же ужасъ, какой внушаютъ нѣмецкому филистеру «безнравственные французскіе романы». Хотя за послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ «Берлинъ сталъ дѣлаться міровымъ городомъ», нѣмецкій романъ начинаетъ уже менѣе боязливо заговаривать о давно хорошо извѣстныхъ тамъ гетеризмѣ и прелюбодѣніяхъ.

Въ обоихъ случаяхъ бракъ обусловливается классовымъ положеніемъ жениха и невѣсты въ обществѣ и въ этомъ отношеніи всегда является бракомъ по разсчету. Этотъ бракъ по разсчету въ обоихъ случаяхъ часто превращается въ самую грязную проституцію, иногда обѣихъ сторонъ, но гораздо чаще только жены, которая отличается отъ обыкновенной проститутки лишь тѣмъ, что она не даетъ свое тѣло на прокатъ какъ поденщица, но разъ навсегда продаетъ его въ рабство. (Относительно всѣхъ браковъ по разсчету справедливы слова Фурье: «какъ въ грамматикѣ два отрицанія составляютъ утвержденіе, такъ и въ брачной морали двѣ проституціи составляютъ добродѣтель»). Дѣйствительно половая любовь составляетъ и можетъ составлять обычное явленіе при связи съ женщиной—будетъ ли то связь оффиціально дозволенная или недозволенная—только среди угнетенныхъ классовъ, т. е. въ наше время въ средѣ пролетаріата. Но здѣсь устранены и всѣ основы классической моногаміи: здѣсь совсѣмъ нѣтъ собственности, для сохраненія которой и передачи ея по на-

сѣбѣству и была именно создана моногамія съ владычествомъ мужа, а потому здѣсь отсутствуетъ и всякое побужденіе къ установленію этого владычества. Дѣло рѣшается здѣсь совершенно другими личными и социальными условіями. И, наконецъ, съ тѣхъ поръ, какъ крупная промышленность оторвала жену отъ дома и погнала ее на рынокъ труда и на фабрику, дѣлая ее часто кормилицей семьи, послѣдній остатокъ власти мужа лишился всякой опоры въ семьѣ пролетарія, развѣ только сохраняясь еще въ укоренившемся со времени введенія моногаміи грубомъ обращеніи съ женщинами. Такимъ образомъ, семья не моногамна уже въ строгомъ смыслѣ словъ, даже при самой страстной любви и неизмѣнной вѣрности съ обѣихъ сторонъ и не смотря на все духовное и свѣтское освященіе брака. Зато вѣчныя спутники моногаміи, — гетеризмъ и прелюбодѣяніе, почти уже исчезаютъ здѣсь: женщина фактически снова пріобрѣла право расторгненія брака, и когда супруги не могутъ поладить, они предпочитаютъ разойтись. Коротче говоря, бракъ у пролетаріевъ моногаменъ только въ этимологическомъ, но никакъ не въ историческомъ смыслѣ этого слова.

Наши юристы, впрочемъ, находятъ, что прогрессъ законодательства все болѣе лишаетъ женщинъ всякаго повода къ жалобамъ. Законы современныхъ цивилизованныхъ народовъ все болѣе и болѣе начинаютъ признавать во-первыхъ, что, для того чтобы быть дѣйствительнымъ, бракъ долженъ представлять собою договоръ, добровольно заключенный обѣими сторонами, а во-вторыхъ, что и во все время супружества обѣ стороны имѣть должны по отношенію другъ къ другу одинаковыя права и обязанности. Но если бы оба эти требованія были дѣйствительно послѣдовательно проведены, то женщинамъ ничего болѣе не оставалось бы и желать.

Что же касается брака, то даже самый передовой законъ вполне удовлетворяется тѣмъ, если оба заинтересованные лица формально вносятъ свое согласіе въ протоколъ.

Ни закону, ни юристу нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до того, что происходитъ за юридическими кулисами — гдѣ разыгрывается дѣйствительная жизнь — и какимъ образомъ готовится это согласіе. А между тѣмъ одно простое сравненіе права разныхъ странъ показало бы уже юристамъ, какого рода это добровольное согласіе. Въ странахъ, гдѣ законъ обезпечиваетъ дѣтямъ извѣстную часть родительскаго имущества, гдѣ они слѣдовательно не могутъ быть лишены наслѣдства — какъ напримѣръ: въ Германіи, въ странахъ, гдѣ принято французское право и т. д. — дѣти обязаны вступать въ бракъ не иначе, какъ съ согласія родителей. Въ странахъ же, гдѣ введено англійское право, и гдѣ согласіе родителей не является законнымъ условіемъ брака, родители пользуются зато полной свободой въ передачѣ своего имущества по завѣщанію и могутъ при желаніи лишить дѣтей наслѣдства. Довольно ясно, конечно, что отъ этого свобода заключенія браковъ въ средѣ тѣхъ классовъ, гдѣ есть, что наслѣдовать, фактически ничуть не больше въ Англіи и Америкѣ, чѣмъ во Франціи и Германіи.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ юридическимъ равноправіемъ мужа и жены во время пребыванія въ бракѣ. Правовое неравенство обоихъ, перешедшее къ намъ изъ прежняго строя общества, составляетъ не причину, а результатъ экономическаго подчиненія жены. При старомъ коммунистическомъ хозяйствѣ, охватывавшемъ нѣсколько супружествъ съ ихъ дѣтьми, предоставленное женщинамъ завѣдываніе хозяйствомъ было столь же общественно - необходимымъ дѣломъ, какъ и добываніе мужчинами средствъ пропитанія; съ возникновеніемъ же патріархальной, а особенно индивидуальной моногамной семьи, дѣло измѣнилось. Веденіе хозяйства потеряло свой общественный характеръ; оно не имѣло больше никакого отношенія къ обществу: оно сдѣлалось *частной службой*, а женщина превратилась въ слугу и была лишена всякаго участія въ общественномъ производствѣ. Доступъ къ послѣднему снова открыла ей лишь крупная промышленность

нашего времени, но при томъ только женщины низшаго класса и кромѣ того такъ, что, исполняя частныя обязанности, возлагаемыя на нее семьей, она остается исключенной изъ общественнаго производства и не можетъ ничего зарабатывать, а если она захочетъ принять участіе въ этомъ производствѣ и самостоятельно зарабатывать. хлѣбъ, она не въ состояніи будетъ исполнять свои семейныя обязанности. Въ этомъ отношеніи положеніе женщины во всѣхъ другихъ профессіяхъ даже въ адвокатурѣ и въ медицинѣ, таково же, какъ и положеніе ея на фабрикѣ. Современная индивидуальная семья основана на скрытомъ или явномъ домашнемъ рабствѣ жены, а современное общество представляетъ собою массу, сплошь состоящую изъ такихъ индивидуальныхъ семей, какъ изъ молекулъ. Въ наше время мужъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ долженъ зарабатывать пропитаніе для семьи. быть ея кормильцемъ— по крайней мѣрѣ въ средѣ имущихъ классовъ,—а это дастъ ему такое преобладающее положеніе въ семьѣ. для котораго нѣтъ надобности ни въ какихъ специальныхъ юридическихъ привилегіяхъ, мужъ въ семьѣ играетъ роль средняго класса, а жена представляетъ пролетаріатъ. Но въ промышленномъ мірѣ специфическій характеръ тяготящаго на пролетаріатъ экономическаго гнета обнаруживается всего рѣзче, когда устранены всѣ особыя утвержденныя закономъ привилегіи капиталистовъ и восстановлена полная юридическая равноправность обоихъ классовъ; демократическая республика не уничтожаетъ противоположности между этими классами, напротивъ она то и представляетъ ту почву, на которой разыгрывается борьба между ними. Такъ же точно и своеобразный характеръ власти мужа надъ женою равно какъ необходимость и способъ восстановленія дѣйствительнаго соціальнаго равенства между ними, только тогда обнаружатся вполне ярко, когда права обоихъ будутъ юридически вполне уравнены. Тогда окажется, что первымъ предварительнымъ условіемъ освобожденія женщины является введеніе

снова всего женскаго пола въ общественную промышленность (а для этого въ свою очередь необходимо, чтобы индивидуальная семья перестала быть экономической единицей общества).

Итакъ, мы имѣемъ три главныя формы брака, которыя въ общемъ соотвѣтствуютъ тремъ главнымъ стадіямъ челоѣческаго развитія. Дикому состоянію соотвѣтствуетъ групповой бракъ, варварству—парный, а цивилизації—моногамія, дополняемая измѣной жены и проституціей мужа. Между парнымъ бракомъ и моногаміей, на высшей ступени варварства, замѣчается еще промежуточная форма: власть мужа надъ невольницами и многоженство.

Какъ доказываетъ все наше изложеніе, прогрессъ, обнаруживающійся въ этой послѣдовательной смѣнѣ формъ, находится въ связи съ той особенностью, что женщины все болѣе и болѣе лишаются половой свободы группового брака, между тѣмъ какъ мужчины сохраняютъ ее. Въ самомъ дѣлѣ фактически групповой бракъ для мужчины продолжаетъ существовать и до сихъ поръ. Что для женщины считается преступленіемъ и строго карается закономъ и обществомъ, то для мужчины считается поступкомъ, дѣлающимъ ему честь, или—въ худшемъ случаѣ—представляетъ легкое пятно, которое онъ носитъ съ удовольствіемъ. Но чѣмъ болѣе старинный гетеризмъ измѣняется подъ вліяніемъ капиталистическаго производства, постепенно приспособляясь къ нему, чѣмъ болѣе онъ превращается въ открытую проституцію, тѣмъ болѣе деморализующимъ образомъ дѣйствуетъ онъ, развращая притомъ мужчинъ гораздо больше, чѣмъ женщинъ. Между женщинами проституція развращаетъ только тѣхъ несчастныхъ, которыя въ нее впадаютъ, да и то далеко не до такой степени, какъ это обыкновенно думаютъ; мужчинъ же она деморализуетъ вообще. Такъ если мужчина долго состоитъ женихомъ, то онъ въ девяти случаяхъ изъ десяти проходитъ настоящую предварительную школу супружеской невѣрности.

Мы идемъ теперь на встрѣчу тому, что уничтожить основанія проституціи. Моногамія возникла вслѣдствіе сосредоточенія значительнаго имущества въ однихъ рукахъ, притомъ въ рукахъ мужчины, и вслѣдствіе потребности упрочить это имущество за дѣтьми даннаго мужчины и никакого другого. Для этого необходимо было единобрачіе жены, а не мужа, которое нисколько не препятствовало полигаміи мужа. Такъ какъ моногамія возникла вслѣдствіе экономическихъ причинъ, то не должна ли она исчезнуть, разь исчезнутъ эти причины?

Мы могли бы на это справедливо отвѣтить: она не только не исчезнетъ, но скорѣе она только тогда впервые вполнѣ и осуществится, а исчезнетъ лишь необходимость для извѣстнаго числа женщинъ — числа, которое можетъ быть определено статистикой — за деньги продавать свое тѣло. Проституція исчезнетъ, и моногамія, вмѣсто того чтобы погибнуть, впервые осуществится на дѣлѣ также и для мужчинъ.

Положеніе мужчинъ такимъ образомъ во всякомъ случаѣ значительно измѣнится; но не менѣе измѣнится и положеніе женщинъ, *всѣхъ* женщинъ вообще.

До эпохи среднихъ вѣковъ объ индивидуальной половой любви не могло быть и рѣчи. Само собою разумѣется, что красивая наружность, близкія отношенія, одинаковыя склонности и т. д. возбуждали въ лицахъ различныхъ половъ стремленіе къ половому общенію, и что какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ не совсѣмъ безразлично было, съ кѣмъ они вступаютъ въ эту тѣсную связь. Но отсюда еще безконечно далеко до нашей индивидуальной любви. Въ теченіе всей древности браки заключались родителями заинтересованныхъ лицъ, и послѣднія вполнѣ мирились съ этимъ. Но большая доля супружеской любви, извѣстная древности, была не субъективной склонностью, а объективной обязанностью, не основой, а результатомъ брака. Любовныя отношенія въ современномъ смыслѣ слова встрѣчаются въ древности только внѣ официальнаго общества. Пастухи, любовныя радости и горести которыхъ воспѣты Теоокритомъ и Мосхомъ, — рабы,

лишенные всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, составляющихъ жизненную сферу свободного гражданина. Помимо же рабовъ мы находимъ любовныя связи въ древности только какъ продукты разложенія гибнущаго древняго міра, и притомъ лишь по отношенію къ женщинамъ, также стоящимъ внѣ оффиціального общества: именно по отношенію къ гетерамъ, т. е. чужестранкамъ или вольноотпущенницамъ; такъ было въ Аѳинахъ наканунѣ ихъ упадка и въ императорскомъ Римѣ. Если же встрѣчались любовныя связи между свободными гражданами и гражданками, то въ нихъ вступали только ради прелюбодѣнія. А классическому пѣвцу любви древности, старому Анакреону, половая любовь, въ низшемъ смыслѣ слова, до такой степени безразлична, что ему безразличенъ даже полъ любимаго существа.

Наша половая любовь существеннымъ образомъ отличается отъ простаго полового стремленія, отъ эроса древнихъ. Во-первыхъ, она предполагаетъ взаимность со стороны любимаго существа, такъ что въ этомъ отношеніи женщина стоитъ наравнѣ съ мужчиной, между тѣмъ какъ во времена древняго эроса о желаніяхъ женщины далеко не всегда освѣдомлялись. Во-вторыхъ, половая любовь отличается такой силой и продолжительностью, вслѣдствіе которыхъ разлука и необладаніе другъ другомъ представляются обѣимъ сторонамъ огромнымъ, если не величайшимъ несчастіемъ; чтобы принадлежать другъ другу, онѣ готовы на все, готовы даже поставить на карту самую жизнь, что въ древности случалось развѣ только при прелюбодѣніяхъ. И наконецъ, на основаніи половой любви возникаетъ и новая нравственная мѣрка для сужденія о половой связи; уже не спрашиваютъ только, была она законна или нѣтъ, но спрашиваютъ также, происходила ли она изъ взаимной любви? Само собою разумѣется, что въ феодальной и буржуазной практикѣ относительно этой мѣрки поступаютъ не лучше, чѣмъ относительно всѣхъ другихъ мѣрилъ нравственности, т. е. на нее не обращаютъ вниманія; но ей все таки придаютъ не меньшее значеніе, чѣмъ и этимъ другимъ

мѣриламъ нравственности, такъ какъ и ее признаютъ наравнѣ съ ними... въ теоріи, на бумагѣ; а больше на первый разъ нельзя было бы и требовать.

На чемъ кончается половаѣ любовь въ древности, съ того начинается она въ средніе вѣка, — съ прелюбодѣяній. Мы уже изображали рыцарскую любовь, создавшую утренніѣ пѣсни. Отъ этой любви, стремящейся разрушить бракъ, до той, которая должна сдѣлаться его основаніемъ, лежитъ еще далекій путь, до конца котораго рыцарство никогда не могло дойти. Даже перейдя отъ легкомысленныхъ романскихъ націй къ добродѣтельнымъ германцамъ, мы и здѣсь находимъ, напримѣръ, въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, что Кримгильда, втайнѣ столь же влюбленная въ Зигфрида, какъ и онъ въ нее, тѣмъ не менѣе на заявленіе Гунтера, что онъ просваталъ ее за рыцаря, имени котораго онъ не называетъ, просто отвѣчаетъ ему: «Вамъ не надо меня просить; какъ вы мнѣ повелите, такъ я всегда готова поступить; кого вы, государь, дадите мнѣ въ мужья, за того я охотно пойду». Ей даже и въ голову не приходитъ, что еѣ любовь могла бы быть принята въ соображеніе; при этомъ Гунтеръ сватается за Брунгильду, такъ же какъ и Этцель за Кримгильду, ни разу не выдавъ ее. Такъ же точно въ поэмѣ «Гутрунъ» Зигебантъ сватается за норвежскую принцессу Угу, Гетель изъ Гегелингена за Гильду ирландскую, и наконецъ Зигфридъ морландскій, Гартмутъ орманскій и Гервигъ зеландскій за Гутрунъ, и здѣсь невѣста впервые слѣдуетъ собственному выбору, именно выбираетъ послѣдняго. Обыкновенно невѣста для молодого принца пріискивается его родителями, если они живы; въ противномъ случаѣ имъ самимъ по совѣту главныхъ вассаловъ, мнѣніе которыхъ во всякомъ случаѣ имѣетъ при этомъ большой вѣсъ. Да иначе и не могло быть: для рыцаря или барона, такъ же какъ и для самаго владѣтельнаго князя, женитьба являлась политическимъ актомъ, случаемъ къ увеличенію своего могущества при помощи новыхъ связей; поэтому дѣло должно рѣшаться *династическими* интересами, а не личными желаніями. Какъ

же могло бы тутъ послѣднее слово въ вопросѣ о заключеніи брака принадлежать любви?

Таково же было и положеніе средневѣковаго горожанина, принадлежавшаго къ какому нибудь цеху. Уже одні охранявшія его привилегіи, мелочныя цеховыя постановленія, искусственныя границы, на основаніи закона отдѣлявшія его съ одной стороны отъ другихъ цеховъ, съ другой отъ собственныхъ сотоварищей, далѣе отъ его подмастерьевъ и учениковъ, дѣлали достаточно тѣснымъ кругъ, изъ котораго онъ могъ выбирать себѣ подходящую жену; а вопросъ о томъ, какая жена была для него самой подходящей, рѣшался при этой сложной системѣ опять-таки не его личной склонностью, а интересомъ семьи.

Такимъ образомъ до самаго конца среднихъ вѣковъ заключеніе брака, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, оставалось тѣмъ же, чѣмъ оно было съ самаго начала, т. е. дѣломъ, рѣшавшимся помимо заинтересованныхъ лицъ. Въ древности человѣкъ уже при самомъ рожденіи считался состоящимъ въ бракѣ съ цѣлой группой лицъ другого пола. При позднѣйшихъ формахъ группового брака существовало вѣроятно такое же отношеніе только при все большемъ и большемъ ограниченіи группъ. При парномъ бракѣ принято, чтобы матери условились относительно брака между ихъ дѣтьми, и здѣсь также рѣшающее вліяніе имѣютъ соображенія относительно новыхъ родственныхъ связей, которыя должны упрочить положеніе молодой четы въ родѣ и племени. Когда же съ побѣдой частной собственности надъ общинною и съ возникновеніемъ вопроса о наслѣдованіи отцовское право и моногамія получили рѣшительное преобладаніе, тогда то заключеніе брака особенно стало зависѣть отъ экономическихъ соображеній. *Форма* покупного брака исчезаетъ, но характеръ сдѣлки остается за нимъ и все болѣе усиливается; теперь оцѣнивается уже не только женщина, но и мужчина, конечно не по своимъ личнымъ достоинствамъ, а по имуществу. Въ практикѣ господствующихъ классовъ оставалось неслышаннымъ,

чтобы главнымъ основаніемъ для заключенія брака должна была служить взаимная склонность заинтересованныхъ лицъ. Что-нибудь подобное могло встрѣтиться развѣ только въ романтической литературѣ или среди низшихъ классовъ, которые не принимались въ соображеніе.

Таково было положеніе брака, когда капиталистическое производство, со времени великихъ географическихъ открытій, стало готовиться къ утвержденію своего господства надъ міромъ посредствомъ всемірной торговли и промышленности. Можно было бы полагать, что такой способъ заключенія брака, какъ нельзя болѣе годился для него, и такъ оно и было на самомъ дѣлѣ; но тѣмъ не менѣе, по неисповѣдимой ироніи міровой исторіи, именно капиталистическое производство должно было нанести рѣшительный ударъ такому виду брака. Превративъ все въ товаръ, оно уничтожило все старинныя, издревле сохранявшіяся отношенія, и на мѣсто унаслѣдованнаго обычая, историческаго права, поставило куплю и продажу, «свободный» договоръ; въ виду чего англійскій юристъ Менъ и вообразилъ, что онъ сдѣлалъ необыкновенное открытіе, объявивъ, что весь нашъ прогрессъ сравнительно съ предыдущими эпохами заключается въ переходѣ from status to contract, отъ унаслѣдованнаго порядка къ порядку, устанавливаемому свободнымъ договоромъ.

Но заключать между собою договоры могутъ только люди, свободно располагающіе своею личностью, своими дѣйствіями и своимъ имуществомъ, а также равноправные по отношенію другъ къ другу. Созданіе такихъ «свободныхъ» и «равныхъ» людей и было однимъ изъ главныхъ дѣлъ капиталистическаго производства. Сначала оно шло полубезсознательнымъ путемъ и было связано съ религіозными воззрѣніями, но со времени лютеранской и кальвинистической реформаціи все-таки уже твердо установилось мнѣніе, что человѣкъ только въ томъ случаѣ вполне отвѣтствененъ за свои поступки, если онъ совершилъ ихъ при полной свободѣ воли, и что въ

силу нравственной обязанности онъ долженъ оказывать сопротивление всякому принужденію къ безнравственному дѣйствию. Согласовались ли эти правила съ предыдущей практикой заключенія браковъ? По буржуазному воззрѣнію бракъ представлялъ собою договоръ, юридическую сдѣлку, притомъ самую важную изъ всѣхъ, такъ какъ она на всю жизнь произносила приговоръ надъ тѣломъ и душою двухъ людей. Правда, формально бракъ заключался въ то время съ обоюднаго согласія; безъ согласія заинтересованныхъ лицъ нельзя было обойтись. Но всѣ прекрасно знали, какимъ способомъ достигалось это согласіе, и къмъ бракъ былъ въ дѣйствительности заключенъ. Между тѣмъ, если при всѣхъ другихъ договорахъ требовалось свободное рѣшеніе участниковъ, почему не требовалось оно здѣсь? Развѣ молодые люди, которые хотѣли сочетаться бракомъ, не имѣли права свободно распоряжаться сами собою, своимъ тѣломъ и его органами? Развѣ благодаря рыцарству не вошла въ моду половая любовь, и, въ противоположность рыцарской прелюбодѣйной любви, не была ли любовь между супругами ея правильной гражданской формой. И если супруги обязаны любить другъ друга, то не обязаны ли также любящіеся вступать въ бракъ другъ съ другомъ, а не съ другими лицами? И не должно ли это право любящихся стоять выше права родителей, родственниковъ и всѣхъ другихъ обычныхъ сватовъ и свадебныхъ маклеровъ? Если ужъ право личной критики свободно проникло въ церковь и религію, то какъ могло оно остановиться передъ нестерпимымъ притязаніемъ старшаго поколѣнія распоряжаться тѣломъ, душой, имуществомъ, счастьемъ и несчастьемъ поколѣнія младшаго?

Подобные вопросы должны были возникнуть въ эпоху, когда были ослаблены всѣ прежнія связи общества и поколеблены всѣ унаслѣдованныя воззрѣнія. Міръ сразу сдѣлался почти вдесятеро обширнѣе, вмѣсто одной четверти сѣвернаго полушарія взорамъ западноевропейцевъ открывался теперь весь земной шаръ, и они поспѣшили завладѣть остальными

семью четвертями. А вмѣстѣ со старинными тѣсными границами родной земли пали тысячелѣтнія рамки обязательнаго средневѣковаго образа мыслей. Какъ виѣшнему, такъ и внутреннему оку человѣка открылся несравненно болѣе широкій горизонтъ. Что значили для молодого человѣка благонамѣренная чинность и унаслѣдованныя отъ многихъ поколѣній почетныя цеховыя привилегіи, когда его привлекали богатства Индіи, золотые и серебряныя рудники Мексики и Потози? Наступило и для горожанъ время странствующаго рыцарства, которое здѣсь также не было лишено романтизма и любовныхъ мечтаній, но на мѣщанскую погу и съ мѣщанскими цѣлями въ послѣдней инстанціи.

Такимъ то образомъ произошло, что развивающаяся буржуазія, особенно протестантскихъ странъ, гдѣ существующій порядокъ подвергался самымъ сильнымъ колебаніямъ, все болѣе и болѣе стало признавать свободу договора и при заключеніи брака и стало проводить его вышеуказаннымъ способомъ. Бракъ попрежнему долженъ былъ заключаться въ предѣлахъ извѣстнаго класса, но внутри этихъ предѣловъ заинтересованному лицу предоставлялась до нѣкоторой степени свобода выбора. На бумагѣ же, въ теоріи морали и въ поэтическихъ изображеніяхъ было непоколебимо установлено, что всякій бракъ безнравствененъ, если онъ не опирается на взаимную половую любовь и на дѣйствительно добровольное соглашеніе супруговъ. Словомъ бракъ по любви былъ провозглашенъ правомъ человѣка, притомъ не только *droit de l'homme*, правомъ мужчины, но также *droit de femme*, правомъ женщины, что составляетъ единственное исключеніе въ своемъ родѣ.

Это право отличается однако въ одномъ отношеніи отъ всѣхъ остальныхъ такъ называемыхъ правъ человѣка. Между тѣмъ какъ послѣднія на дѣлѣ осуществляются только для господствующаго класса, для буржуазіи, а для угнетеннаго пролетаріата, прямо или косвенно урѣзываются,—въ правѣ на бракъ по любви снова сказалась иронія исторіи: гос-

подставлющій классъ попрежнему остается подъ властью извѣстныхъ экономическихъ вліяній и представляетъ поэтому только очень немногіе исключительные случаи вполне свободнаго заключенія брака, между тѣмъ какъ среди подчиненныхъ классовъ подобные браки, какъ мы видѣли, составляютъ обычное явленіе.

Полная свобода въ заключеніи браковъ можетъ быть поэтому проведена повсемѣстно лишь тогда, когда устранятся всѣ побочныя экономическія соображенія, оказывающія теперь столь могущественное вліяніе на выборъ супруговъ. Тогда единственнымъ руководящимъ побужденіемъ при этомъ выборѣ останется взаимная склонность.

Такъ какъ половая любовь по природѣ своей исключительна, хотя въ наше время исключительность эта вполне осуществляется только для женщины, то основанный на ней бракъ по природѣ своей долженъ быть единобрачіемъ. Мы видѣли уже, насколько правъ Бахофенъ, считая переходъ отъ группового къ индивидуальному браку главнымъ образомъ дѣломъ женщинъ, только переходомъ отъ парнаго брака къ моногаміи обязаны мы мужчинамъ, переходомъ, который по существу своему и съ исторической точки зрѣнія состоялъ въ ухудшеніи положенія женщинъ и въ облегченіи невѣрности для мужчинъ. Поэтому, на основаніи всего предыдущаго опыта, можно заключить, что, когда исчезнутъ тѣ экономическія соображенія ради которыхъ женщины мирятся съ обычной невѣрностью мужей—именно, забота о собственномъ существованіи и еще болѣе о будущности дѣтей—достигнутое такимъ образомъ равноправіе женщинъ съ мужчинами въ гораздо большей степени будетъ способствовать дѣйствительной моногаміи мужчинъ, чѣмъ многомужеству женщинъ.

Итакъ, всѣ наши предположенія относительно порядка половыхъ отношеній имѣютъ преимущественно отрицательный характеръ, ограничиваясь тѣмъ, что должно исчезнуть. Что же явится на смѣну исчезнувшаго? Этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ, когда вырастетъ новое поколѣніе людей: поколѣніе мужчинъ, которымъ никогда въ жизни не приходилось цѣ-

ною денегъ или другихъ средствъ соціального могущества покупать безчестіе женщины, и поколѣніе женщинъ, которымъ никогда въ жизни не приходилось отдаваться мужчинѣ изъ-за какихъ-либо другихъ побужденій помимо дѣйствительной любви, или отказываться отъ любимаго чловѣка изъ боязни экономическихъ послѣдствій. Когда эти люди явятся, имъ не будетъ никакого дѣла до того какой образъ дѣйствій теперь считаютъ подобающимъ для нихъ; они введутъ свой собственный образъ дѣйствій и сообразное съ нимъ общественное мнѣніе для суда надъ поступками каждаго.

Вернемся, однако, къ Моргану, отъ котораго мы порядочно удалились. Историческое изслѣдованіе общественныхъ учрежденій, развившихся въ періодъ цивилизаціи, выходитъ изъ рамокъ его книги, поэтому онъ только очень кратко рассматриваетъ судьбы моногаміи въ теченіе этого періода. Онъ также видитъ въ дальнѣйшемъ развитіи моногамной семьи прогрессъ и приближеніе къ полной равноправности половъ, хотя и не считаетъ эту цѣль достигнутой. «Но, говоритъ онъ, разъ мы признаемъ тотъ фактъ, что семья въ своемъ развитіи прошла уже черезъ четыре формы и находится теперь въ пятой, то возникаетъ вопросъ, долго ли просуществуетъ эта ея пятая форма». Единственный возможный на это отвѣтъ состоитъ въ томъ, что семья должна идти впередъ по мѣрѣ того, какъ идетъ впередъ общество, должна измѣняться по мѣрѣ того, какъ измѣняется общество, какъ это и было до сихъ поръ. Она есть созданіе соціального строя и всегда будетъ отражать состояніе его организаціи. Такъ какъ со времени начала цивилизаціи и особенно въ новое время моногамная семья замѣтно измѣнилась къ лучшему, то можно, по крайней мѣрѣ, предполагать, что она способна совершенствоваться и далѣе, до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнуто равенство обоихъ половъ. Если же въ далекомъ будущемъ моногамная семья не въ состояніи будетъ удовлетворять требованія общества, то невозможно предсказать, какой характеръ будетъ имѣть форма, которая ее смѣнитъ.

III. Ирокезскій родъ.

Мы приступаемъ теперь къ другому открытію Моргана, имѣющему, по крайней мѣрѣ, такую же важность, какъ и возсозданіе первобытныхъ формъ семьи на основаніи системъ родства. Доказавъ, что обозначаемые именами животныхъ родовые союзы, организованные внутри племенъ американскихъ индѣйцевъ, по существу своему тождественны съ греческими *genea* и съ римскими *gentes*, что американская форма ихъ есть форма первоначальная, а греко-римская — позднѣйшая, производная; что американско-индѣйская общественная организація представляетъ точную параллель всей первобытной греческой и римской организаціи въ роды, фратріи и племена; что родъ является учрежденіемъ, общимъ всѣмъ варварамъ до самаго вступленія ихъ въ цивилизацію и даже послѣ того (насколько простираются до сихъ поръ наши свѣдѣнія)—доказавъ все это, Морганъ сразу сдѣлалъ ясными для насъ самыя непонятныя мѣста древнѣйшей греческой и римской исторіи, и доставилъ вмѣстѣ съ тѣмъ неожиданныя разясненія относительно основныхъ чертъ общественнаго строя въ первобытную эпоху — до введенія *государства*. Какъ ни просты кажутся эти истины, когда ихъ уже знаешь, однако, онѣ были открыты Морганомъ только очень недавно; когда онъ писалъ свое предыдущее сочиненіе, вышедшее въ 1871 году, ему еще не была извѣстна та тайна, послѣдовавшее затѣмъ открытіе которой заставило приумолкнуть на нѣкоторое время обыкновенно столь самоувѣренныхъ англійскихъ историковъ первобытной эпохи.

Латинское слово *gens*, которое Морганъ вездѣ употребляетъ для обозначенія таковой родовой группы, такъ же какъ и греческое равнозначущее слово *genos*, происходитъ отъ

обще-арійскаго корня *gan* (по пѣмцки *kan*, такъ какъ по закону этого языка арійское *g* переходитъ въ *k*), означающаго производить. *gens*, *genos*, санскритское *dśchanas*, готское *kunī* (въ силу вышеупомянутаго закона), древненорманское и англосаксонское *kun*, англійское *kin*, средненѣмецкое *künne*, всѣ равно означаютъ родъ, происхождение. Но латинское *gens* и греческое *genos* спеціально употребляются для обозначенія такой родовой группы, которая имѣетъ общее происхождение (въ данномъ случаѣ отъ одного общаго родоначальника) и которую извѣстныя соціальныя и религіозныя учрежденія связываютъ въ особую общину; до сихъ поръ происхождение и характеръ этой общины оставались непонятными, не смотря на старанія всѣхъ нашихъ историковъ.

Выше, при разсмотрѣніи пуналуальной семьи, мы уже видѣли, каковъ бываетъ составъ рода въ его первобытной формѣ. Такой родъ состоитъ изъ всѣхъ лицъ, образующихъ, благодаря пуналуальному браку и въ силу неизбежно связанныхъ съ нимъ представленій, признанное потомство одной опредѣленной родоначальницы, или основательницы рода. Такъ какъ происхождение по отцу въ этой формѣ семьи не бываетъ достовѣрно извѣстно, то признается только женская линія. Кромѣ того, такъ какъ братья здѣсь не могутъ вступать въ бракъ со своими сестрами, но должны искать себѣ жену внѣ своего рода, то рожденные отъ этихъ браковъ дѣти въ силу материнскаго права не принадлежатъ къ роду отца. Такимъ образомъ въ предѣлахъ родовой группы остаются лишь потомки *дочерей* cadaго поколѣнія, потомки же сыновей переходятъ въ родъ своей матери. Какова же дальнѣйшая судьба этой группы кровныхъ родственниковъ послѣ того, какъ она сформируется и обособится отъ другихъ подобныхъ ей группъ, образовавшихся въ предѣлахъ того же племени?

За классическій образецъ такого первобытнаго рода Морганъ принимаетъ родъ ирокезовъ, и именно племени сенека. Въ этомъ племени существуетъ 8 родовъ, носящихъ названіе различныхъ животныхъ: 1) волкъ, 2) медвѣдь, 3) черепаха,

4) бобръ, 5) олень, 6) куликъ, 7) цапля, 8) соколъ. Въ каждомъ родѣ господствуютъ слѣдующіе порядки:

1) Родъ выбираетъ своего сахема (представителя во время мира) и предводителя (военачальника). Сахемъ избирался изъ среды самаго рода, и должность его въ родѣ была наследственной, т. е. должна была замѣщаться немедленно, но только членами этого рода; военачальникъ могъ избираться и внѣ рода, а временно его могло и не быть совсѣмъ. Сахемомъ никогда не избирался сынъ предыдущаго сахема, такъ какъ въ силу господствовавшаго у ирокезовъ материнскаго права сынъ не принадлежалъ къ роду отца; но часто въ преемники сахему выбирался его братъ или сынъ его сестры. При выборахъ подавали голосъ всѣ члены рода, какъ мужчины, такъ и женщины. Но избраніе нуждалось въ утвержденіи остальныхъ семи родовъ, и тогда только избранный торжественно вводился въ должность общимъ совѣтомъ всего союза ирокезовъ. Значеніе всего этого обнаружится далѣе. Власть сахема внутри рода носила характеръ отеческой, чисто нравственной власти, принудительныхъ средствъ у него не было. Въ силу своей должности онъ былъ въ то же время членомъ общаго совѣта племени сенека, а также членомъ союзнаго совѣта всѣхъ ирокезовъ. Военный предводитель пользовался небольшою властью только во время походовъ.

2) Родъ по собственному произволу можетъ смѣщать какъ сахема, такъ и военнаго предводителя; въ этомъ дѣлѣ также требуется участіе всѣхъ мужчинъ и женщинъ. Уволенные отъ должности становятся такими же простыми воинами, какъ и всѣ остальные члены рода, такими же частными лицами. Племенной совѣтъ можетъ, впрочемъ, смѣщать, сахемовъ и противъ воли рода.

3) Никто изъ членовъ рода не долженъ вступать въ бракъ внутри своего рода. Въ этомъ заключается основной законъ рода, скрѣпляющая его связь. Законъ этотъ служитъ отрицательнымъ выраженіемъ того несомѣннаго кровнаго родства, благодаря которому данная группа индивидовъ и

является родомъ. Открывъ этотъ простой фактъ, Морганъ впервые разоблачилъ природу родовой организаціи. Какъ мало она была понята до него, это доказывается прежними свидѣтельствами о дикаряхъ и варварахъ, свидѣтельствами, въ которыхъ различныя корпораціи, образующія родовой строй, безъ разбора и пониманія перемѣшиваются подъ названіемъ племенъ, клановъ, тумовъ и т. п., причемъ иногда заявляется, что внутри такихъ корпорацій бракъ запрещенъ. Все это создавало безнадежную путаницу, среди которой г. Макъ Леннанъ выступилъ въ качествѣ Наполеона, чтобы водворить въ ней порядокъ слѣдующимъ приговоромъ: всѣ племена подраздѣляются на такія, внутри которыхъ бракъ запрещенъ (экзогамныя), и такія, внутри которыхъ онъ дозволенъ (эндогамныя). Разобравъ дѣло столь основательно, онъ предался затѣмъ глубокомысленнѣйшимъ изслѣдованіямъ относительно того, который изъ этихъ его нелѣпныхъ классовъ древнѣе: экзогамія или эндогамія. Съ открытіемъ рода, основаннаго на кровномъ родствѣ и на проистекающей отсюда невозможности брака между его сочленами, вся эта чепуха прекратилась сама собою. — Само собою разумѣется, что на той ступени родовой организаціи, на которой мы застаемъ ирокезовъ, запрещеніе браковъ внутри рода ненарушимо соблюдается.

4) Имущество умершихъ членовъ рода должно было оставаться въ предѣлахъ послѣдняго и потому переходило къ остальнымъ его членамъ. Въ виду незначительности предметовъ, которые могъ оставить послѣ себя ирокезь, наслѣдство дѣлилось между ближайшими его кровными родственниками; если умиралъ мужчина, то — между его единоутробными братьями и сестрами, а также братьями его матери; если умирала женщина, то между ея дѣтьми и единоутробными сестрами, но не между братьями. Въ силу этого мужъ и жена не могли наслѣдовать другъ послѣ друга, а дѣти не могли наслѣдовать послѣ отца.

5. Члены рода обязаны оказывать другъ другу помощь, защиту и особенно содѣйствіе при мщеніи чужимъ за нанесенное ими оскорбленіе. Всякій въ томъ, что касается его безопасности, полагается на покровительство рода, и смѣло можетъ это дѣлать такъ какъ наносящій обиду ему, нанести обиду всему роду. Такимъ-то образомъ изъ кровныхъ родовыхъ связей возникла обязанность кровной мести, безусловно признававшаяся ирокезами. Если членъ одного рода убивалъ члена другого, обязанности кровной мести лежала на всемъ родѣ убитаго. Сначала дѣлали попытку къ примиренію; родъ убійцы держалъ совѣтъ и предлагалъ совѣту рода убитаго полюбовную сдѣлку, при чемъ обыкновенно посылалъ ему выраженія сожалѣнія и значительные подарки. Если послѣдніе были приняты, дѣло на томъ и кончалось. Въ противномъ случаѣ оскорбленный родъ назначалъ одного или нѣсколькихъ мстителей, которые были обязаны преслѣдовать и умертвить убійцу. Если это приводилось въ исполненіе, родъ умерщвленнаго не имѣлъ права жаловаться и дѣло прекращалось.

6. Родъ имѣетъ свои особые имена или цѣлые серіи именъ, которыя во всемъ племени могутъ употребляться только имъ однимъ, такъ что имя всякаго ирокеза сразу говоритъ, къ какому роду онъ принадлежитъ. Родовое имя предполагаетъ и родовыя права.

7. Родъ можетъ усыновлять чужихъ людей, присоединяя ихъ тѣмъ самымъ ко всему племени. Такимъ-то образомъ военноплѣнные, когда ихъ не убивали, становились членами племени сенека благодаря усыновленію въ одномъ изъ родовъ, и получали всѣ родовыя и племенные права. Усыновленіе совершалось по предложенію отдѣльныхъ членовъ рода, мужчинъ, принимавшихъ иноплеменника какъ брата, иноплеменницу какъ сестру, или женщинъ, принимавшихъ ихъ въ качествѣ дѣтей; для утвержденія усыновленія необходимо было торжественное принятіе усыновленныхъ въ родъ. Нерѣдко отдѣльные, не въ примѣръ другимъ истощенные роды

такимъ способомъ снова пополнялись, благодаря массовымъ усыновленіямъ членовъ другихъ родовъ, съ согласія послѣднихъ. У ирокезовъ торжество принятія въ родъ происходило на публичномъ засѣданіи племеннаго совѣта, слѣдствіе чего оно на самомъ дѣлѣ стало религіознымъ обрядомъ.

8. Среди индѣйскихъ родовъ врядъ-ли можно указать на какія-нибудь спеціальныя религіозныя празднества; но религіозные обряды у нихъ имѣютъ большее или меньшее отношеніе къ родамъ. Во время шести ежегодныхъ религіозныхъ празднествъ у ирокезовъ сахемы и военные предводители каждаго отдѣльнаго рода въ силу своей должности причислялись къ «хранителямъ вѣры» и исполняли жреческія обязанности.

9. Родъ имѣетъ общее мѣсто погребенія. У ирокезовъ штата Нью-Йоркъ, стѣсненно живущихъ среди поселеній бѣлыхъ, оно теперь исчезло, но прежде существовало. У другихъ индѣйцевъ оно существуетъ и теперь; у находящихся въ близкомъ родствѣ съ ирокезами тускароровъ, хотя они и христіане, для каждаго рода имѣется на кладбищѣ особое мѣсто, такъ что мать хоронятъ рядомъ съ дѣтьми, отца же въ другомъ мѣстѣ. У самихъ ирокезовъ весь родъ покойнаго присутствуетъ при погребеніи, и беретъ на себя заботу о гробѣ, о надгробныхъ рѣчахъ и т. д.

10. Родъ имѣетъ совѣтъ, или демократическое собраніе всѣхъ взрослыхъ членовъ рода, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, съ одинаковымъ правомъ голоса для всѣхъ. Совѣтъ этотъ избиралъ и смѣщалъ сахемовъ и военачальниковъ, а также и другихъ «хранителей вѣры», онъ дѣлалъ выборъ между денежной пеней (виroy) и кровной местию за убитыхъ родичей; онъ принималъ иноплеменниковъ въ родъ; словомъ онъ представлялъ верховную власть въ родѣ.

Таковъ правовой строй типичнаго индѣйскаго рода. «Всѣ члены его свободные люди, взаимно обязанные защищать свободу другъ друга; личныя права всѣхъ равны: ни сахемъ,

ни военный предводитель не изъявляют притязанія на привилегированное положеніе; всѣ члены рода образуютъ братство, скрѣпленное кровными узами. Основными, хотя никогда и не формулировавшимися, принципами рода были свобода, равенство, братство; родъ же, въ свою очередь, представлялъ единицу, на которой основывалась цѣлая социальная система, вся организація индѣйскаго общества. Этимъ объясняются неукротимый духъ независимости и личное достоинство въ обращеніи, которые всѣ признаютъ за индѣйцами.

Ко времени открытія Америки индѣйцы на всемъ сѣверѣ были организованы въ роды по материнскому праву. Только у нѣкоторыхъ племенъ, какъ, напримѣръ, у племени дакота, роды находились въ упадкѣ, а у нѣкоторыхъ другихъ они были организованы по отцовскому праву.

Въ очень многихъ индѣйскихъ племенахъ, заключающихъ въ себѣ болѣе пяти или шести родовъ, находимъ мы по три, четыре и болѣе родовъ соединенными въ особую группу, которую Морганъ, точно передавая значеніе индѣйскаго ея названія, называетъ такъ же, какъ называлось ея греческое подобіе—фратріей (братствомъ). Такъ напримѣръ, племя сенека дѣлится на двѣ фратріи, изъ которыхъ первая охватываетъ четыре первыхъ рода, а вторая—четыре остальныхъ. Внимательное изслѣдованіе показало, что эти фратріи по большей части представляютъ собою первоначальные роды, на которые распадалось данное племя.—такъ какъ при заприщеніи браковъ въ предѣлахъ одного и того же рода каждое племя необходимо должно было заключать въ себѣ по крайней мѣрѣ два рода, чтобы имѣть возможность существовать самостоятельно. По мѣрѣ того, какъ племя размножалось, каждый родъ въ свою очередь дѣлился на двѣ или болѣе частей, изъ которыхъ каждая становилась особымъ родомъ, между тѣмъ какъ первоначальный родъ, охватывавшій всѣ происшедшіе отъ него филиальные роды, продолжалъ существовать въ качествѣ фратріи. У сенека и у большинства

другихъ индѣйскихъ племенъ роды одной и той же фратріи считаются братскими родами, между тѣмъ какъ роды другой фратріи считаются по отношенію къ первымъ — двоюродными, а при американской системѣ родства эти названія имѣютъ, какъ мы видѣли, весьма реальное и важное значеніе. Первоначально индѣецъ-сенека не могъ вступать въ бракъ даже въ предѣлахъ своей фратріи, но этотъ обычай давно вышелъ изъ употребленія и свелся къ запрещенію браковъ внутри рода. По традиціи племени сенека «медвѣдь» и «олень» были первоначальными родами, изъ которыхъ позднѣе выдѣлились остальные. Послѣ того какъ учрежденіе фратріи укоренилось, оно въ случаѣ надобности стало видоизмѣняться; если вымирали роды одной фратріи, для пополненія послѣдней въ нее иногда переводились цѣлые роды изъ другихъ фратрій. Поэтому въ различныхъ племенахъ мы находимъ одноименные роды различнымъ образомъ сгруппированными по фратріямъ.

Функции фратріи у ирокезовъ носятъ частью социальный, частью религіозный характеръ. 1. Игра въ мячъ ведется фратріями другъ противъ друга; каждая изъ нихъ высылаетъ своихъ лучшихъ игроковъ; остальные индѣйцы, разставленные по фратріямъ, составляютъ зрителей и держатъ между собою пары относительно того, выиграетъ ли ихъ фратрія. — 2. Въ племенномъ совѣтѣ сахемы и предводители каждой фратріи сидятъ вмѣстѣ, образуя двѣ группы другъ противъ друга, и всякій ораторъ обращается къ представителямъ каждой изъ фратрій, какъ къ особой корпораціи. 3. Когда случалось въ племени убійство, при чемъ убійца и убитый принадлежали къ различнымъ фратріямъ, то оскорбленный родъ часто апеллировалъ къ своимъ братскимъ родамъ; послѣдніе собирались на совѣтъ фратріи и обращались къ противной фратріи, какъ къ одному цѣлому, предлагая ей также собрать совѣтъ для полюбовнаго соглашенія. Здѣсь, слѣдовательно, фратрія снова выступаетъ въ качествѣ первоначальнаго рода и притомъ съ большимъ разсчетомъ на успѣхъ, чѣмъ болѣе

слабый, отдѣльный, филиальный родъ.—4. Въ случаѣ смерти выдающихся членовъ фратріи, противоположная фратрія брала на себя заботу о погребеніи и о похоронныхъ торжествахъ, между тѣмъ какъ фратрія умершаго присутствовала, какъ предающаяся скорби. Если умиралъ сахемъ, то противоположная фратрія заявляла объ освобожденіи его должности союзному совѣту ирокезовъ.—5. При избраніи сахема также являлся на сцену совѣтъ фратріи. Утвержденіе новоизбраннаго братскими родами считалось какъ бы само собою разумѣющимся, но роды другой фратріи иногда желали оппонировать. Въ такомъ случаѣ собирался совѣтъ этой фратріи, и если онъ поддерживалъ оппозицію, избраніе считалось недѣйствительнымъ.—6. Въ прежнее время у ирокезовъ были въ ходу особыя религіозныя мистеріи, которыя бѣлые называли *medicine-lodges*. Мистеріи эти совершались въ племени сенека двумя религіозными корпораціями, въ которыя новые члены принимались посредствомъ установленнаго посвященія. На каждую изъ фратрій приходилось по одной такой корпораціи.—7. Если, какъ это почти навѣрно и было, четыре *linages*, населявшія во время завоеванія Америки всѣ четыре четверти Тласкалы, представляли четыре фратріи, то это доказываетъ, что индѣйскія фратріи, такъ же какъ и греческія и такъ же какъ и подобные имъ родовые союзы у германцевъ, считались въ то же время военными единицами; эти четыре *linages* шли на битву каждый отдѣльной массой, каждый въ своемъ особомъ вооруженіи, съ своимъ особымъ знаменемъ и подъ начальствомъ отдѣльнаго вождя.

Подобно тому, какъ нѣсколько родовъ образуютъ фратрію, нѣсколько фратрій въ классической родовой организаціи образуютъ племя; иногда, у сильно ослабѣвшихъ племенъ средній членъ, фратрія, выпадаетъ. Какія же черты характеризуютъ въ Америкѣ отдѣльное индѣйское племя?

1. Своя особая область и особое имя. Каждое племя обладало, помимо мѣста своего дѣйствительнаго поселенія, еще и значительною областью для охоты и рыбной ловли.

За той областью лежала широкая нейтральная полоса земли, доходившая до области слѣдующаго племени; она была уже между племенами, родственными по языку, и шире между племенами, чуждыми другъ другу въ этомъ отношеніи. Полоса эта тотъ же пограничный лѣсъ германцевъ, также пустыня, которую устраиваютъ вокругъ своей области свевы Цезаря, тотъ же isarnholt (по-датски jagved, limes Danicus) между датчанами и германцами, саксонскій лѣсъ, или branibor (по-славянски—охраннй лѣсъ), между германцами и славянами, отъ котораго получилъ свое названіе Бранденбургъ. Отдѣленная такими ненадежными границами область составляла признанное сосѣдними племенами общее владѣніе даннаго племени, имъ самимъ защищаемое отъ захватовъ. Непрочность границъ по большей части стала оказываться пагубной лишь съ увеличеніемъ населенія.— Имена племенъ по-видимому обыкновенно возникали случайно, а не выбирались нарочно; съ теченіемъ времени нерѣдко стало случаться, что сосѣднія племена обозначали данное племя не тѣмъ именемъ, которымъ оно само себя называло; подобно тому, какъ иѣмцы получили свое первое общее историческое названіе германцевъ отъ кельтовъ.

2. Особое, свойственное лишь данному племени *нарѣчіе*. Въ самомъ дѣлѣ племя и нарѣчіе по существу дѣла совпадаютъ. Еще до послѣдняго времени въ Америкѣ происходило образованіе новыхъ племенъ и нарѣчій посредствомъ распаденія прежнихъ, да врядъ ли оно вполнѣ прекратилось и теперь. Въ видѣ исключенія случается также, что въ одномъ и томъ же племени, образовавшемся изъ сліянія двухъ ослабѣвшихъ племенъ, говорятъ на двухъ близко родственныхъ другъ другу нарѣчіяхъ. Средняя численность американскихъ племенъ не превышаетъ 2000 человекъ; племя ирокезовъ однако заключаетъ въ себѣ 26,000 человекъ—наибольшее число индѣйцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ, говорящихъ на одномъ и томъ же нарѣчіи.

3. Право торжественно вводить въ должность избранныхъ родами сахемовъ и предводителей, а также

4. Право смѣщать ихъ, даже противъ воли ихъ рода. Въ виду того, что сахемы и предводители являются членами племенного совѣта, упомянутыя права племени по отношенію къ нимъ объясняются сами собою. Тамъ, гдѣ племена образовали союзъ и каждое изъ нихъ имѣло своихъ представителей въ союзномъ собраніи, права эти переходили къ послѣднему.

5. Общія религіозныя представленія (миѳологія) и обряды. «Индѣйцы были религіознымъ народомъ на свой варварскій ладъ». Миѳологія ихъ еще вовсе не подвергнута критическому изслѣдованію. Они уже олицетворяли свои религіозныя представленія — всевозможныхъ духовъ въ человѣческомъ видѣ, но низшей ступени варварства, на которой они находились, не извѣстны еще фигурныя изображенія, такъ называемые идолы. Культъ индѣйцевъ былъ культомъ природы и стихій на пути къ развитію многобожія. У различныхъ племенъ существовали свои установленныя празднества съ опредѣленными формами культа, именно танцами и играми. Танцы составляли особенно существенную часть всякихъ религіозныхъ празднествъ; каждое племя справляло свои празднества отдѣльно.

6. Племенной совѣтъ для общихъ дѣлъ. Онъ состоялъ изъ всѣхъ сахемовъ и предводителей отдѣльныхъ родовъ, ихъ дѣйствительныхъ представителей, такъ какъ они всегда могли быть смѣщены. Совѣщанія происходили открыто въ присутствіи окружавшихъ совѣтъ остальныхъ членовъ племени, которые имѣли право вставлять свои замѣчанія, и мнѣнія которыхъ выслушивались; рѣшенія постановлялись совѣтомъ. Обыкновенно выслушивалось мнѣніе каждого желающаго, и женщины также могли представить совѣту свой взглядъ на дѣло черезъ посредство избраннаго ими оратора. У ирокезовъ окончательное рѣшеніе должно было приниматься единогласно, какъ это требовалось также относительно нѣкоторыхъ по-

становленій въ германскихъ маркахъ. На племенной совѣтъ было именно возложено урегулированіе отношеній къ чужимъ племенамъ; онъ принималъ и отправлялъ посольства, объявлялъ и заключалъ миръ *). Въ принципѣ каждое племя считалось находящимся во враждебныхъ отношеніяхъ со всякимъ другимъ племенемъ, съ которымъ оно не заключило спеціальнаго мирнаго договора. Походы противъ такихъ непріятелей организовались обыкновенно отдѣльными выдающимися воинами; они давали военный танецъ, и всѣ, принявшіе въ немъ участіе, тѣмъ самымъ заявляли о своей готовности присоединиться къ отряду, который немедленно формировался и выступалъ. Въ случаѣ нападенія на область даннаго племени защита ея также обыкновенно велась добровольнымъ ополченіемъ. Выступленіе и возвращеніе такихъ добровольныхъ отрядовъ всегда служило поводомъ къ общественнымъ торжествамъ. Для этихъ походовъ не требовалось согласія племенного совѣта: оно никогда не спрашивалось и не давалось. Походы эти вполнѣ напоминаютъ частные походы германскихъ дружинъ, какъ ихъ описываетъ Тацитъ, съ тою разницею, что дружины германцевъ приобрѣли уже болѣе постоянный характеръ и заключаютъ въ себѣ прочное ядро, которое организуется еще въ мирное время, и вокругъ котораго въ случаѣ войны группируются остальные добровольцы. Добровольные отряды индѣйцевъ рѣдко бывали многочисленны; самыя значительныя экспедиціи, даже на большія разстоянія, выполнялись индѣйцами съ очень ограниченными силами. Если же нѣсколько дружинъ соединялось для выполненія какого-нибудь труднаго предпріятія, то каждая изъ нихъ повиновалась только своему собственному вождю, а единство плана похода кое-какъ обезпечивалось совѣтомъ этихъ вождей. Таковъ же былъ способъ веденія войны у аллемановъ въ 4 вѣкѣ по верхнему теченію Рейна, по описанію Амміана Марцеллина.

*) Разъ война была объявлена, то велась она по большей части волонтерами.

7. У нѣкоторыхъ племенъ находимъ мы верховнаго главу, но съ очень ограниченными правами. Это одинъ изъ сахемовъ, который обязанъ въ случаяхъ, требующихъ быстроты дѣйствій, принимать временныя мѣры, пока не соберется совѣтъ и не сдѣлаетъ окончательныхъ распоряженій. То была слабая и при дальнѣйшемъ развитіи по большей части оставшаяся безплодной попытка ко введенію должностнаго лица съ исполнительной властью. Скорѣе эта должность, въ большинствѣ случаевъ, если не вездѣ, развилась, какъ мы увидимъ далѣе, изъ должности высшаго военачальника.

У значительнаго большинства американскихъ индѣйцевъ общественная организація не пошла дальше соединенія въ племя. Въ малочисленныхъ племенахъ, раздѣленныхъ обширными пограничными пространствами, ослабленныхъ вѣчными войнами, небольшое число людей занимало огромное пространство. Тамъ и сямъ между родственными племенами въ моментъ неотложной нужды возникали союзы, которые вмѣстѣ съ нею и исчезали. Но въ нѣкоторыхъ областяхъ племена, сначала бывшія родственными, а потомъ разъединившіяся, снова соодинались въ прочный союзъ, дѣлая такимъ образомъ первый шагъ къ образованію націй. Въ Соединенныхъ Штатахъ самую развитую форму такого союза находимъ мы у ирокезовъ. Покинувъ свои поселенія къ западу отъ Миссиссипи, гдѣ они, вѣроятно, составляли отрасль великой семьи дакота, они послѣ долгихъ странствій пришли въ нынѣшній штатъ Нью-Йоркъ, гдѣ и поселились пятью отдѣльными племенами: сенека, каюга, онондага, онеида и могаукъ. Рыбная ловля, охота и грубое садоводство доставляли имъ средства пропитанія; они жили въ деревняхъ, по большей части защищенныхъ палисадами. Число ихъ никогда не превышало 20,000 человекъ. Нѣкоторые роды у нихъ были общи всѣмъ пяти племенамъ. Они говорили на близко родственныхъ нарѣчіяхъ одного и того же языка, и занимали одну общую область, раздѣленную между пятью племенами. Такъ какъ эта

область была завоевана ими, то племена ирокезовъ естественно привыкли держаться вмѣстѣ, чтобы давать дружный отпоръ вытѣсненнымъ племенамъ, что привело не позже начала XV вѣка къ образованію формальнаго «вѣчнаго союза» или федерации. Последняя, почувствовавъ свою силу, немедленно приняла наступательный характеръ и около 1675 года, когда она находилась на высотѣ своего могущества, завоевала вокругъ большія пространства земли, населеніе которыхъ частью изгнала, частью обложила данью. Прокезскій союзъ представляетъ высшую общественную организацію, которой достигли индѣйцы, остановившіеся на низшей ступени варварства (сюда не относятся, слѣдовательно, мексиканцы, повомексенканцы и перуанцы). Основныя положенія союза заключались въ слѣдующемъ:

1. Вѣчный союзъ между пятью родственными по крови племенами на основахъ полнаго равенства и совершенной самостоятельности во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ. Это кровное родство составляло истинную основу союза. Изъ пяти племенъ три назывались отеческими, а по отношенію другъ къ другу считались братскими племенами; два же остальныхъ назывались сыновними племенами, а другъ другу были также братья. Три старѣйшихъ рода имѣли своихъ живыхъ представителей во всѣхъ пяти племенахъ, а три другихъ—въ трехъ племенахъ; и члены каждаго изъ этихъ родовъ во всѣхъ племенахъ считались между собою братьями. Общій языкъ, различавшійся только по нарѣчіямъ, служилъ выраженіемъ и доказательствомъ общности происхожденія.

2. Органомъ союза былъ союзный совѣтъ изъ 50 сахемовъ, которые всѣ занимали равное положеніе и пользовались равнымъ почетомъ; этотъ совѣтъ принималъ окончательныя рѣшенія относительно всѣхъ дѣлъ союза.

3. Вышеупомянутые 50 сахемовъ при основаніи союза были распределены по родамъ и племенамъ, какъ носители новой должности, учрежденной специально для цѣлей союза. Всякій разъ по освобожденіи должности они снова избира-

лись соответствующими родами, которые во всякое время могли также смѣстить ихъ; но право утвержденія ихъ въ должности принадлежало союзному совѣту.

4. Эти союзные сахемы были также сахемами въ своемъ племени, и засѣдали съ правомъ голоса въ племенномъ совѣтѣ.

5. Всѣ рѣшенія союзаго совѣта должны были приниматься единогласно.

6. Голосованіе происходило по племенамъ, такъ что каждое племя, а въ немъ всѣ члены совѣта должны были выразить свое согласіе, для того чтобы рѣшеніе считалось дѣйствительнымъ.

7. Каждый изъ пяти племенныхъ совѣтовъ могъ созвать союзный совѣтъ; своею же властью послѣдній не могъ собраться.

8. Засѣданія союзаго совѣта происходили въ присутствіи всего собравшагося народа; каждый ирокезъ могъ говорить; рѣшенія же принимались только совѣтомъ.

9. Союзъ не имѣлъ личнаго главу, начальника съ исполнительной властью;

10. но онъ имѣлъ двухъ верховныхъ военачальниковъ съ одинаковыми правами и одинаковою властью (двое «царей» въ Спартѣ, двое консуловъ въ Римѣ).

Вотъ и все общественное устройство, на началахъ котораго ирокезы жили въ теченіе болѣе четырехсотъ лѣтъ и живутъ до сихъ поръ. Я его подробно изобразилъ по Моргану, такъ какъ мы имѣемъ здѣсь возможность изучить организацію общества, незнакомаго еще съ государствомъ. Государство предполагаетъ особую общественную власть, отдѣленную отъ всей совокупности составляющихъ данное государство лицъ, и поэтому Мауреръ, съ безошибочнымъ инстинктомъ признавая германскую марку чисто соціальнымъ учрежденіемъ, по самому существу своему отличнымъ отъ государства, хотя въ большинствѣ случаевъ и послужившимъ для него основаніемъ,—изслѣдуетъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ постепенное происхожденіе общественной власти изъ первоначальнаго строя

марки, деревни, двора и города—и бокъ-о-бокъ съ нимъ. Мы видимъ на примѣрѣ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, какъ первоначальное единое племя постепенно распространяется на огромное пространство, какъ раздѣлившіяся племена образуютъ цѣлые народы, цѣлыя группы племенъ, какъ языки мѣняются до такой степени, что не только становятся непонятными одинъ для другого, но даже исчезаетъ всякій слѣдъ ихъ первоначальнаго единства; какъ въ то же время внутри племенъ отдѣльные роды распадаются на нѣсколько частей, причемъ старые «отцовскіе» роды продолжаютъ существовать въ качествѣ фратрій, а имена этихъ старыхъ родовъ остаются все-таки неизмѣненными даже у отдаленныхъ другъ отъ друга и давно разъединившихся племенъ; такъ, на примѣръ, «волкъ» и «медвѣдь» до сихъ поръ являются родовыми именами у большинства индѣйскихъ племенъ. И всѣмъ этимъ племенамъ въ общихъ чертахъ свойствененъ описанный выше общественный строй; но только многіе изъ нихъ не дошли до союза родственныхъ племенъ.

Но мы видимъ здѣсь также, что разъ какъ социальная единица, данъ родъ, изъ этой единицы естественно и поэтому съ почти неизбежной необходимостью развивается весь строй родовъ, фратрій и племенъ. Всѣ эти три группы представляютъ разныя ступени кровнаго родства; каждая изъ нихъ замкнута и сама вѣдаетъ всѣ свои дѣла, но въ то же время дополняетъ собою другую группу. Кругъ же подлежащихъ имъ дѣлъ охватываетъ и всю совокупность общественныхъ дѣлъ, свойственныхъ низшей ступени варварства. Поэтому у всякаго народа, у котораго мы найдемъ родъ въ качествѣ социальной единицы, намъ надо будетъ искать и организацію племени, подобную изображенной выше. Мы не только найдемъ эту организацію у тѣхъ народовъ, относительно которыхъ у насъ имѣется достаточно данныхъ, какъ на примѣръ у грековъ и у римлянъ; но мы даже убѣдимся, что въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ этихъ данныхъ не хватаетъ, сравненіе

съ американскимъ общественнымъ строемъ разрѣшить намъ величайшія сомнѣнія и загадки.

И удивителенъ этотъ родовой строй во всей своей дѣтской простотѣ! Все идетъ въ немъ своимъ правильнымъ ходомъ. Всякія несогласія и споры рѣшаются совокупностью тѣхъ, кого они касаются: родомъ или племенемъ или нѣсколькими отдѣльными родами между собою; только въ качествѣ крайняго, рѣдко примѣняемаго средства, угрожаетъ кровная месть; но вѣдь и наша смертная казнь есть не что иное, какъ кровавая месть въ ея цивилизованной формѣ, обладающей всѣми хорошими и дурными чертами цивилизаціи. Хотя при родовой организаціи было гораздо больше общественныхъ дѣлъ, чѣмъ у насъ теперь—такъ какъ домашнее хозяйство было общимъ и коммунистическимъ для цѣлаго ряда семействъ, а земля составляла собственность племени, и только садики временно предоставлялись въ распоряженіе отдѣльных хозяйствъ—тѣмъ не менѣе не чувствовалось ни малѣйшей нужды въ чемъ-нибудь подобномъ нашему мелочному и запутанному правительственному аппарату. Дѣла рѣшались заинтересованными лицами, и въ большинствѣ случаевъ все уже было установлено многовѣковымъ порядкомъ. Бѣдныхъ и нуждающихся не могло существовать—коммунистическое хозяйство и родъ хорошо знали свои обязанности по отношенію къ старымъ, больнымъ и пострадавшимъ на войнѣ. Всѣ были равны и свободны, въ томъ числѣ и женщины. Рабамъ еще нѣтъ мѣста въ этой организаціи, нѣтъ мѣста въ большинствѣ случаевъ и подчиненію чужихъ племенъ. Когда въ 1651 году ирокесы побѣдили племя эри и «нейтральную націю», они сначала предложили побѣжденнымъ примкнуть къ ихъ союзу на равныхъ правахъ съ побѣдителями, и только послѣ ихъ отказа они были изгнаны изъ своей области. А какихъ мужчинъ и женщинъ создаетъ такое общество, объ этомъ свидѣтельствуетъ удивленіе, которое внушали всѣмъ бѣлымъ, встрѣчавшимся съ неиспорченными индѣйцами, личное достоинство, прямота, сила характера и храбрость этихъ варваровъ.

Что касается примѣровъ храбрости такихъ племенъ, то совсѣмъ недавно намъ пришлось быть свидѣтелями ихъ въ Африкѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ зулусы, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ нубійцы — два племени, у которыхъ родовыя учрежденія еще не совсѣмъ вымерли, — совершили то, чего не могло бы совершить ни одно европейское войско. Вооруженные одними коньями и дротиками, не имѣя огнестрѣльнаго оружія, они подъ градомъ пуль казенныхъ ружей англійской пѣхоты — какъ извѣстно, первой въ мірѣ по сраженію сомкнутымъ строемъ — добрались до нея, принудивъ ее дѣйствовать штыками, и нѣсколько разъ не только разстраивали, но и отбрасывали ее, не смотря на огромное неравенство въ оружіи и не смотря на то, что у нихъ не существуетъ воинской повинности и что они не знаютъ военныхъ ученій. Объ ихъ выносливости и неутомимости свидѣтельствуетъ жалоба англичанъ на то, что каффръ въ 24 часа можетъ пройти большее разстояніе, чѣмъ лошадь. Малѣйшій мускулъ у нихъ выдается твердый и крѣпкій какъ бичевка, говоритъ одинъ англійскій художникъ.

Таковы были люди и таково было человѣческое общество прежде, чѣмъ произошло раздѣленіе на классы. И если мы сравнимъ ихъ положеніе съ положеніемъ несмѣтнаго большинства современныхъ цивилизованныхъ людей, то найдемъ огромную разницу между древнимъ свободнымъ членомъ рода и пролетаріемъ или мелкимъ земледѣльцемъ нашихъ дней.

Это одна сторона дѣла; но не будемъ также забывать, что родовая организація была обречена на погибель. Дальше племени она не шла; союзъ племенъ знаменуетъ уже начало ея потрясенія, какъ мы это увидимъ далѣе и какъ мы это видѣли уже на попыткахъ ирокезовъ къ подчиненію другихъ племенъ. Все, что было внѣ даннаго племени, было и внѣ права. Тамъ, гдѣ не существовало формальнаго мирнаго договора, между племенами царилъ война, и война эта велась съ жестокостью, которая отмѣчаетъ человѣка отъ остальныхъ животныхъ и которая только въ послѣдствіи смягчилась подъ

вліяніємъ эгоистическихъ интересовъ. Родовой строй въ эпоху своего расцвѣта, какимъ мы видѣли его въ Америкѣ, предполагалъ крайне неразвитое производство, а слѣдовательно, и крайне рѣдкое населеніе на большомъ пространствѣ; т. е. почти полную зависимость человѣка отъ враждебной и непонятной ему природы, зависимость, которая отразилась въ ребяческихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ той эпохи. Племя являлось границей для человѣка не только по отношенію его къ иноплеменнику, но и по отношенію его къ самому себѣ: племя, родъ и родовыя учрежденія были священны и неприкосновенны и представляли естественную верховную власть, которой индивидуальная личность въ своихъ чувствованіяхъ, мышленіи и дѣйствіяхъ была безусловно подчинена. Насколько величавы кажутся намъ люди той эпохи, настолько же мало отличались они другъ отъ друга.

IV. Греческій родъ.

Греки, такъ же какъ пелазги и другія родственныя имъ племена, уже въ доисторическое время были организованы въ такія же органическія группы, какія мы видѣли у американскихъ индѣйцевъ: родъ, фратрію, племя и союзъ племенъ. Фратрія могла отсутствовать, какъ это было, напримѣръ, у дорянъ, союзъ племенъ могъ не вездѣ еще быть выработаннымъ; но во всякомъ случаѣ соціальной единицей былъ родъ. Въ эпоху вступленія грековъ въ исторію они стоятъ у порога цивилизаціи; между ними и американскими племенами, о которыхъ рѣчь была выше, лежатъ почти цѣлые два огромные періода развитія, на которые греки героической эпохи опередили ирокезовъ. Греческій родъ, поэтому, вовсе уже не представляетъ собою архаическаго рода ирокезовъ; клеймо группового брака начинаетъ значительно стираться. Материнское право уступило мѣсто отцовскоуу — это первая брешь, пробитая въ родовомъ строѣ возникающею частной собственностью. Вторая брешь была естественнымъ слѣдствіемъ первой: такъ какъ и со времени введенія отцовскаго права имущество богатой наслѣдницы въ случаѣ ея выхода замужъ переходило къ ея мужу, слѣдовательно въ другой родъ, то чтобы не допустить этого и удержать имущество въ прежнемъ родѣ, — была нарушена самая основа родового строя, и не только было дозволено, но въ подобныхъ случаяхъ *требовалось* даже, чтобы дѣвушки выходили замужъ въ предѣлахъ своего рода.

По греческой исторіи Грота (Grote) аѳинскій родъ спеціально держался благодаря:

1. Общимъ религіознымъ празднествамъ и исключительно

ному праву на жреческое служеніе опредѣленному божеству, мнимому родоначальнику даннаго рода, носившему въ качествѣ таковаго особое названіе;

2. общимъ кладбищамъ (ср. Эвбулида Демосеена);

3. праву взаимнаго наслѣдованія;

4. взаимнымъ обязательствамъ оказывать въ случаѣ необходимости другъ другу помощь, покровительство и поддержку;

5. взаимному праву и обязательству въ извѣстныхъ случаяхъ, особенно, когда дѣло казалось дѣвушкамъ - сиротъ или наслѣдницъ, вступать въ бракъ въ предѣлахъ рода;

6. обладанію, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, общимъ имуществомъ, которое вѣдалъ особый архонтъ и казначей.

Далѣе соединеніе въ фратрію связывало нѣсколько отдѣльных родовъ, хотя и менѣе тѣсно; но и здѣсь мы находимъ взаимныя права и обязанности, подобныя тѣмъ, какія существовали въ родѣ, особенно общность извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ и право преслѣдованія за убійство. Для всѣхъ фратрій какого-нибудь племени въ свою очередь существовали свои общія, правильно повторявшіяся религіозныя торжества, совершавшіяся подъ представительствомъ филобазилевса (начальника племени), избраннаго изъ благородныхъ (эвпатридовъ).

Такъ говоритъ Гротъ. Маркъ же прибавляетъ: «Однако и въ греческомъ родѣ явственно проглядываетъ дикарь (напр., ирокезъ)». Еще явственнѣе выступить онъ передъ нами при нѣсколько дальнѣйшемъ изслѣдованіи.

Именно, греческому роду свойственно еще:

7. Признаніе происхожденія по отцу.

8. Запрещеніе браковъ внутри рода за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло касается наслѣдницъ. Это исключеніе и его повелительный характеръ свидѣтельствуютъ о силѣ стараго правила; то же подтверждается и общепризнаннымъ положеніемъ, что женщина, выходя замужъ, отказывается отъ религіозныхъ обрядовъ своего рода и перехо-

дѣтъ въ родъ мужа, во фратрію котораго она и вписывается. Судя по этому, а также по одному знаменитому мѣсту у Дикеарха (Dikäarchus), бракъ въ своего рода былъ закономъ, и Бекеръ (Becker) въ Хариклѣ (Charicles) прямо предполагаетъ, что никто не имѣлъ права вступать въ бракъ въ предѣлахъ своего рода.

9. Право усыновленія родомъ; оно происходило посредствомъ усыновленія въ семьѣ, но сопровождалось общественными формальностями и допускалось только въ видѣ исключенія.

10. Право выбирать и смѣщать правителей. Мы знаемъ, что каждый родъ имѣлъ своего архонта; но нигдѣ не сказано, чтобы эта должность была наслѣдственной въ опредѣленныхъ семействахъ. До конца періода варварства все говоритъ противъ ея строгой наслѣдственности, совершенно несовмѣстимой съ устройствомъ, при которомъ богатые и бѣдные въ предѣлахъ своего рода имѣли вполне равныя права.

Не только Гротъ, но и Нибуръ, Моммсенъ и всѣ другіе историки классической древности потерпѣли крушеніе въ вопросѣ о родѣ. Какъ вѣрно ни изображали они многія характеристическія черты рода, а все-таки они всегда видѣли въ немъ только группу семей, и этимъ самымъ лишали себя возможности понять его природу и происхожденіе. Семья при родовомъ строѣ никогда не была единицей организаціи и не могла ею быть, такъ какъ мужъ и жена непременно принадлежали къ двумъ различнымъ родамъ. Родъ цѣликомъ входилъ во фратрію, а фратрія цѣликомъ входила въ племя; семья же наполовину входила въ родъ мужа, наполовину въ родъ жены. Само государство въ общественномъ правѣ не признаетъ семьи: она до сихъ поръ существуетъ только въ частномъ правѣ. И тѣмъ не менѣе вся наша исторіографія до сихъ поръ исходила изъ нелѣпаго предположенія, сдѣланнаго особенно неприкосновеннымъ въ XVIII вѣкѣ, будто бы

единобрачная индивидуальная семья—которая на самомъ дѣлѣ едва старѣе цивилизаціи—составляетъ то основное ядро, вокругъ котораго постепенно образовалось общество и государство.

«Далѣе слѣдуетъ еще замѣтить г. Гроту», — замѣчаетъ Марксъ:—«что хотя греки и выводили происхожденіе своихъ родовъ изъ мифологіи, но роды эти старѣе, чѣмъ *ими самими* созданная мифологія съ ея богами и полубогами».

На Грота Морганъ ссылается всего охотнѣе, видя въ немъ уважаемаго и добросовѣстнаго свидѣтеля. Гротъ рассказываетъ далѣе, что каждый аѳинскій родъ носилъ особое имя, производившееся отъ его мнимаго родоначальника; что до Солона во всѣхъ случаяхъ, а послѣ Солона при отсутствіи завѣщанія, родичи (*gennêtes*) умершаго наследовали его имущество, и что въ случаѣ убійства право и обязанность судебного преслѣдованія преступника принадлежали прежде всего ближайшимъ роднымъ убитаго, затѣмъ остальнымъ его родичамъ, и, наконецъ, его фраторамъ. «Все, что намъ извѣстно изъ древнѣйшихъ аѳинскихъ законовъ, основано на подраздѣленіи общества на фратріи и роды».

Происхожденіе рода отъ одного общаго предка задало «схоластическимъ филистерамъ» (Марксъ) тяжелую работу. Выдавая, конечно, этого предка за чисто мифическое лицо, они въ то же время никакъ не могутъ объяснить происхожденіе рода изъ ряда отдѣльныхъ, первоначально вовсе не родственныхъ другъ другу семействъ, а между тѣмъ имъ непремѣнно надо добиться этого, чтобы объяснить самое существованіе рода. Тогда они прибѣгаютъ къ цѣлому потоку словъ, вращающемуся въ заколдованномъ кругѣ и не выходящему изъ слѣдующаго положенія: родословная, конечно, басня, но самый родъ—дѣйствительность, и въ результатѣ у Грота—со вставками Маркса—получается слѣдующее: «Намъ рѣдко приходится слышать объ этой родословной, такъ какъ она объявлялась публично только въ извѣстныхъ, особенно торжественныхъ случаяхъ. Но и менѣе выдающіеся роды

имѣли свои общіе религіозные обряды (не странно-ли, м-ръ Гротъ!), своего общаго сверхъ-естественнаго родоначальника и свою родословную совершенно такъ же, какъ и болѣе славные роды (не странно-ли это въ самомъ дѣлѣ, г. Гротъ, у *менте выходящихся* родовъ!); основной планъ и идеальная основа (милостивый государь, не *идеальная*, а карнальная, плотская!) были одни и тѣ же у всѣхъ родовъ».

Отвѣтъ Моргана Маркъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Система кровнаго рабства, соответствующая роду въ его первобытной формѣ, — а такая форма нѣкогда существовала у грековъ, какъ и у всѣхъ другихъ смертныхъ — поддерживала среди членовъ рода знаніе связывавшихъ ихъ степеней родства. Этому крайне важному для нихъ знанію они съ ранняго дѣтства выучивались на практикѣ; съ возникновеніемъ же моногамной семьи оно было забыто. Прежде родовое имя создавало родословную, въ сравненіи съ которой родословная индивидуальной семьи казалась ничтожною. Это родовое имя должно было свидѣтельствовать объ общемъ происхожденіи его носителей; но генеалогія рода терялась такъ далеко въ древности, что члены рода съ теченіемъ времени не могли уже опредѣлить своего настоящаго взаимнаго родства, за исключеніемъ немногихъ случаевъ болѣе недавняго происхожденія отъ общихъ предковъ. Самое имя служило доказательствомъ единства происхожденія, при томъ доказательствомъ рѣшительнымъ, если не считать случаевъ усыновленія. Прямое отрицаніе, на манеръ Грота и Нибура, всякаго родства между членами рода, отрицаніе, превращающее родъ въ чисто искусственное, измышленное твореніе, достойно только «идеальныхъ», т. е. кабинетныхъ ученыхъ, книжниковъ. Вслѣдствіе того, что образованіе родовъ, особенно съ возникновеніемъ моногаміи отступаетъ далеко въ глубь времени, а прошедшая дѣйствительность отражается въ фантастическихъ образахъ мифологіи, благонамѣренные филистеры выводили и выводятъ то заключеніе, будто бы фантастическая родословная создавала дѣйствительные роды.

Фратрія грековъ, также какъ и у индѣйцевъ, представляла собою материнскій родъ, распавшійся на нѣсколько отдѣльных родовъ, которые она объединяла и нерѣдко выводила отъ одного общаго родоначальника. Такъ, по словамъ Грота, «всѣ одновременные члены фратріи Гекатея признавали своимъ родоначальникомъ въ шестнадцатомъ колѣнѣ одного и того же бога»; такимъ образомъ всѣ роды этой фратріи были въ буквальномъ смыслѣ братскими родами. Фратрія встрѣчается еще у Гомера въ качествѣ военной единицы, именно въ томъ знаменитомъ мѣстѣ, гдѣ Несторъ совѣтуетъ Агамемнону: «Разставь людей по племенамъ и фратріямъ, чтобы фратрія помогала фратріи и племя—племени». Кромѣ того фратрія имѣла право и была обязана преслѣдовать виновныхъ въ убійствѣ фратора, слѣдовательно первоначально на ней лежала обязанность кровной мести. Далѣе она имѣла общія святыни и празднества, почему и развитію всей греческой миеологіи изъ стариннаго древне-арійскаго культа природы всего болѣе содѣйствовали роды и фратріи, внутри которыхъ это развитіе и совершилось. Далѣе фратрія имѣла особаго старѣйшину (*phratriarchos*), а по мнѣнію Де-Куланжа, и собраніе постановленія котораго имѣли обязательную силу, а также судебную и административную власть. Даже утвердившееся позднѣе государство, которое игнорировало родъ, оставило за фратріей нѣкоторыя общественныя функціи.

Нѣсколько родственныхъ фратрій составляютъ племя. Въ Аттікѣ было четыре племени, заключавшихъ въ себѣ по три фратріи, изъ которыхъ каждая насчитывала по тридцати родовъ. Такое точное обозначеніе группъ предполагаетъ сознательное планомѣрное вмѣшательство въ естественно сложившійся строй. Когда, почему и какимъ образомъ произошло это вмѣшательство, объ этомъ молчитъ греческая исторія, о которой сами греки сохранили воспоминанія, идущія не далѣе героической эпохи.

Различія въ діалектѣ были менѣе развиты у грековъ, стѣсненныхъ на сравнительно небольшой территоріи, чѣмъ въ

обширныхъ американскихъ лѣсахъ; но и въ Греціи всетаки мы находимъ соединенными въ одно большее цѣлое, только племена съ однимъ и тѣмъ же главнымъ нарѣчіемъ; и даже въ маленькой Атикѣ существовало свое особое нарѣчіе, позднѣе сдѣлавшееся преобладающимъ прозаическимъ языкомъ всей Греціи.

Въ гомеровскихъ пѣсняхъ мы, по большей части, находимъ уже греческія племена соединившимися въ небольшіе народцы, внутри которыхъ однако роды, фратріи и племена вполнѣ еще сохраняютъ свою самостоятельность. Они живутъ уже въ городахъ, обнесенныхъ крѣпкими стѣнами; количество населенія увеличивается съ расширеніемъ стадъ и полевой культуры и съ появленіемъ первыхъ начатковъ ремеслъ. Въ то же время растетъ и имущественное неравенство, а вмѣстѣ съ нимъ усиливается аристократическій элементъ въ средѣ древней, естественной демократіи. Отдѣльные народцы ведутъ безпрестанныя войны изъ за обладанія лучшими пространствами земли или просто изъ за добычи; рабство военнопленныхъ является уже общепризнаннымъ учрежденіемъ.

Внутренній строй этихъ племенъ и народцевъ заключался въ слѣдующемъ:

1. Постояннымъ присутственнымъ мѣстомъ былъ *советъ* «булэ», въ который сначала входили всѣ старѣйшины родовъ, но позднѣе, когда число ихъ слишкомъ увеличилось, онъ сталъ пополняться только выборными изъ этихъ старѣйшинъ, что давало возможность образовать и усилить аристократическій элементъ. Діонисій прямо заявляетъ, что въ героическую эпоху советъ состоялъ изъ знатныхъ. Совету принадлежало окончательное рѣшеніе важныхъ дѣлъ; такъ, напримѣръ, у Эсхила ѳиванскій советъ принимаетъ для даннаго случая рѣшающую резолюцію—съ почестями похоронить Этеокла, а трупъ Полиника выбросить на сѣденіе собакамъ. Съ возникновеніемъ государства советъ переходитъ въ позднѣйшій сенатъ.

2. *Народное собраніе* (agora). Мы видѣли, что у иро-

кезовъ народъ (какъ мужчины, такъ и женщины) присутствовалъ при собраніи совѣта, установленнымъ образомъ принималъ участіе въ преніяхъ и такимъ образомъ вліялъ на рѣшенія совѣта. У гомеровскихъ же грековъ, такъ же какъ и у первобытныхъ германцевъ, это «стояніе вокругъ» («Umstand»), если мы употребимъ древнегерманскій судейскій терминъ, развилось уже въ настоящее народное собраніе. Оно созывалось совѣтомъ для рѣшенія важныхъ дѣлъ; говорить въ немъ могъ каждый. Рѣшеніе выражалось поднятіемъ рукъ (у Эсхила въ «Просящихъ защиты») или крикомъ. Собраніе имѣло верховную власть въ послѣдней инстанціи, ибо, какъ говоритъ Шёманъ (Schömann «Griechische Alterthümer»), «когда рѣчь идетъ о какомъ-нибудь дѣлѣ, для котораго необходимо содѣйствіе народа, Гомеръ не указываетъ намъ никакого средства, посредствомъ котораго можно было бы принудить народъ противъ его воли оказать это содѣйствіе». Дѣло въ томъ, что въ эту эпоху, когда каждый взрослый мужчина, принадлежавшій къ тому или другому племени, былъ воиномъ, — не существовало еще обособленной отъ народа общественной власти, которую можно было бы этому народу противопоставить. Естественная демократія находилась еще въ полномъ расцвѣтѣ, и это обстоятельство должно оставаться нашей исходной точкой при сужденіи о власти и положеніи, принадлежавшихъ какъ совѣту, такъ и базилевсу.

Мы уже видѣли, какъ обстояло дѣло съ наслѣдственностью должностей у ирокезовъ и другихъ индѣйцевъ. Всѣ должности у нихъ были избирательными, по большей части въ предѣлахъ даннаго рода, и въ этомъ смыслѣ должность для даннаго рода была наслѣдственной. Мало-по-малу для замѣщенія освободившихся должностей стали предпочтительно выбирать ближайшаго родича: брата или сестрина сына, если не было причинъ, чтобы обойти его. Поэтому, если у грековъ при господствѣ отцовскаго права должность базилевса обыкновенно переходила къ сыну или къ одному изъ сыновей, то это служить только доказательствомъ того, что на

сторонѣ сыновей была вѣроятность наслѣдованія въ силу народнаго избранія, а никакъ не того, чтобы существовало законное право наслѣдованія, не опирающееся на народное избраніе. Наблюдаемые нами здѣсь факты представляютъ и у ирокезовъ и у грековъ первую попытку къ учрежденію особыхъ благородныхъ фамилій внутри рода; у грековъ они кромѣ того представляютъ первую попытку къ основанію будущаго наслѣдственнаго предводительства, или наслѣдственной монархіи. Такимъ образомъ базилевсъ у грековъ по всей вѣроятности или избирался народомъ, или утверждался установленными органами народной власти — совѣтомъ или народнымъ собраніемъ, какъ это дѣлалось по отношенію къ римскому «царю» (rex).

Въ Иліадѣ «владыка мужей» Агамемнонъ является не верховнымъ царемъ грековъ, но верховнымъ начальникомъ осаждающаго городъ союзнаго войска. На эту роль его указываетъ Одиссей въ слѣдующемъ знаменитомъ мѣстѣ по поводу возникшаго между греками раздора: «Не хорошо многоначальничанье, пусть начальствуетъ одинъ», и т. д. (сюда же относится излюбленный стихъ о скипетрѣ, представляющій позднѣйшее добавленіе). Одиссей не читаетъ здѣсь лекціи о какой-нибудь формѣ правленія, а только требуетъ повинновенія верховному полководцу, начальствующему въ данной войнѣ. Принимая во вниманіе, что греки являются подъ Троей только какъ войско, ихъ народныя собранія носятъ довольно демократическій характеръ. Ахиллесъ, говоря о подаркахъ, т. е. о дѣлѣжѣ добычи, постоянно называетъ распредѣлителями ея не Агамемнона или какого-нибудь другого базилевса, но «сыновъ ахейцевъ» т. е. народъ. Такія опредѣленія, какъ «рожденный Зевсомъ», «вскормленный Зевсомъ», ничего не доказываютъ, такъ какъ *каждый* родъ велъ свое происхожденіе отъ какого-нибудь бога, родъ же главы племени отъ болѣе «знатнаго» бога, въ данномъ случаѣ отъ Зевса. Даже лично несвободные люди, какъ напримѣръ, свинопасъ Эвмей и другіе, называются «божественными» (*dioi* и *theioi*), притомъ въ

Одиссеѣ, слѣдовательно въ гораздо болѣе позднюю эпоху, чѣмъ та, которую изображаетъ Иліада. Въ той же Одиссеѣ названіе героя дается герольду Мулію и слѣпому пѣвцу Демодокъ. Короче говоря, слово *basileia*, которымъ греческіе писатели обозначаютъ гомеровское, такъ называемое, «царство», (потому что предводительство надъ войскомъ составляетъ его главную отличительную черту), съ существующими въ немъ совѣтомъ и народнымъ собраніемъ означаетъ только—военную демократію» (Марксъ).

Помимо военныхъ полномочій базилевсу принадлежали еще полномочія жреческія и судейскія; послѣднія не были точно опредѣлены; первыя же были предоставлены ему какъ верховному представителю племени или союза племенъ. О гражданскихъ же, или административныхъ полномочіяхъ его никогда не заходитъ рѣчь; но, повидимому, въ силу самой своей должности онъ былъ членомъ совѣта. Итакъ, съ этимологической точки зрѣнія совершенно правильно переводить названіе «базилевсъ» словомъ царь (*König*, князь), такъ какъ *König* (*Kuning*) происходитъ отъ *Kuni*, *Künne*, и обозначаетъ старѣйшину рода. Но современному значенію слова царь (*König*) древне-греческое «базилевсъ» вовсе не соотвѣтствуетъ. Фукидидъ прямо называетъ древнюю базилею (*basileia*)—*patrikê*, т. е. проистекающею изъ рода, и говоритъ, что она имѣла строго опредѣленныя, слѣдовательно ограниченныя, права. А по словамъ Аристотеля *basileia* героической эпохи заключалась въ предводительствѣ свободными, а базилевсъ былъ полководцемъ, судьей и верховнымъ жрецомъ; итакъ административной власти (*Regierungsgewalt*) въ позднѣйшемъ смыслѣ слова онъ не имѣлъ *).

*) Какъ греческаго базилевса, такъ и полководца ацтековъ приняла за царя въ современномъ значеніи слова. Морганъ впервые подвергъ исторической критикѣ свидѣтельства испанцевъ, сначала ошибочныя и преувеличенныя, а позднѣе прямо лживыя, и доказалъ, что мексиканцы находились на средней ступени варварства, но стояли выше ново-мексиканскихъ индѣйцевъ-пуэбло, и что ихъ организація, насколько ее можно выяснитъ на основаніи вышеупомянутыхъ невѣрныхъ свидѣтельствъ, представляла

Такимъ образомъ въ греческомъ строѣ героической эпохи мы видимъ родовую организацію еще полною силу, но въ то же время мы находимъ въ немъ и начало ея умиранія: отцовская власть, соединенная съ наслѣдованіемъ имущества дѣтьми, благопріятствуетъ накопленію богатствъ и дѣлаетъ изъ семьи силу, противоположную роду; имущественное неравенство оказываетъ воздѣйствіе на общественный строй въ видѣ заложенія первыхъ основъ наслѣдственного дворянства и наслѣдственной монархической власти; рабство, сначала ограничивающееся военнопленными, доходитъ однако уже до стремленія обращать въ рабовъ собственныхъ единоплеменниковъ или даже родичей; прежнія войны между племенами вырождаются въ систематическій грабежъ на морѣ и на сушѣ съ цѣлью захвата скота, невольниковъ и сокровищъ, словомъ въ настоящій источникъ дохода; короче говоря, богатство цѣнится и уважается какъ высшее благо, и старинными родовыми порядками злоупотребляютъ, чтобы оправдать насильственный захватъ имущества.

слѣдующія черты: союзъ трехъ племенъ, сдѣлавшій своими данниками нѣкоторыя другія племена и управлявшійся союзнымъ совѣтомъ и союзнымъ полководцемъ, котораго испанцы превратили въ „императора“.

V. Возникновеніе аѳинскаго государства.

Развитіе государства путемъ отчасти преобразованія родового строя, отчасти вытѣсненія ихъ новыми органами и наконецъ путемъ совершенной замѣны ихъ настоящими государственными учрежденіями — причемъ на мѣсто дѣйствительнаго «вооруженнаго народа» который самъ себя защищалъ въ своихъ родахъ, фратріяхъ и племенахъ, выступила подчиненная этимъ государственнымъ учрежденіямъ вооруженная «общественная сила», — это развитіе государства, по крайней мѣрѣ въ первой его части, мы всего лучше можемъ прослѣдить на древнихъ Аѳинахъ. Главнѣйшія внѣшнія измѣненія строя изложены Морганомъ, но вызвавшее ихъ экономическое содержаніе мнѣ придется, по большей части, добавлять самому.

Въ героическую эпоху четыре аѳинскихъ племени въ Атикѣ занимали отдѣльныя области; даже составлявшія эти племена двѣнадцать фратрій, повидимому, имѣли каждая свое особое мѣстопробываніе въ одномъ изъ двѣнадцати городовъ Кекропса. Организациа была такова, какою она описывается въ героическое время: народное собраніе, народный совѣтъ, базилевсъ. Насколько простирается въ древность писанная исторія, она свидѣтельствуетъ, что земля была уже подѣлена и перешла въ частную собственность, какъ это и должно было быть при сравнительно развитомъ производствѣ товаровъ и соотвѣтственно развитой торговлѣ, отмѣчающихъ конецъ высшей ступени варварства. Кромѣ хлѣба добывалось вино и масло; морская торговля на Эгейскомъ морѣ все болѣе и болѣе переходила изъ рукъ финикянъ въ руки атическихъ грековъ. Вслѣдствіе покупки и продажи земли, вслѣд-

ствіе усиливающегося раздѣленія труда между земледѣіемъ и ремеслами, между торговлей и мореплаваніемъ, члены различныхъ родовъ, фратрій и племенъ вскорѣ волей неволей должны были смѣшаться между собой, и въ области той или другой фратріи, того или другого племени, стали селиться люди, принадлежавшіе хотя и къ тому же самому народу, но не къ той же самой корпораціи, и бывшіе поэтому чужими въ самомъ мѣстѣ своего жительства. Каждая фратрія и каждое племя въ мирное время сами завѣдывали своими дѣлами, не обращаясь въ Аѣины къ народному совѣту или базилевсу; но кто, живя въ области, принадлежащей данному племени или фратріи, не былъ однако ихъ членомъ, тотъ не могъ, конечно, принимать участія въ управленіи дѣлами.

Все это до такой степени мѣшало правильному функціонированію органовъ родового строя, что уже въ героическую эпоху органы эти оказались недостаточными, и была введена новая организація, приписываемая Тезею. Главная внесенная ею перемѣна заключалась въ томъ, что въ Аѣинахъ было учреждено центральное управленіе, т. е. нѣкоторыя изъ дѣлъ, которыми до того самостоятельно завѣдывали отдѣльныя племена, были объявлены общими и предоставлены въ вѣдѣніе общаго совѣта, засѣдавшаго въ Аѣинахъ. Въ этомъ случаѣ аѣиняне опередили всѣ туземныя американскія племена, замѣнивъ простой союзъ сосѣднихъ племенъ сліяніемъ ихъ въ единый народъ. вмѣстѣ съ этимъ возникло всеобщее аѣинское народное право, ставшее выше обычнаго права отдѣльныхъ племенъ и родовъ; аѣинскій гражданинъ пріобрѣлъ, какъ таковой, опредѣленные права и новую юридическую защиту даже въ области чуждаго ему племени. Но это послужило въ то же время первымъ шагомъ къ подорванію родовой организаціи, такъ какъ это былъ первый шагъ къ позднѣйшему допущенію въ число гражданъ людей бывшихъ чужестранцами для всей Аттики, людей, которые совершенно не входили въ аѣинскую родовую организацію, а такъ и оставались внѣ ея. Другое учрежденіе, приписы-

ваемое Тезею, заключалось въ подраздѣленіи всего народа, независимо отъ существовавшихъ уже родовъ, фратрій и племенъ, на три класса: эвпатридовъ, или благородныхъ, геоморовъ, или земледѣльцевъ, и деміурговъ, или ремесленниковъ, и затѣмъ въ предоставленіи благороднымъ исключительнаго права на занятіе должностей. Это подраздѣленіе, впрочемъ, не имѣло никакихъ послѣдствій, кромѣ занятія должностей благородными, такъ какъ оно не создавало никакихъ другихъ правовыхъ различій между классами; но оно важно тѣмъ, что выставляетъ на видъ новые общественные элементы, незамѣтно развившіеся. Оно показываетъ, что установившееся путемъ привычки занятіе родовыхъ должностей членами опредѣленныхъ фамилій уже превратилось въ право ихъ на данныя должности, если и оспаривавшееся, то очень слабо; оно показываетъ, что эти фамиліи и помимо того уже сдѣлавшіяся могущественными благодаря своему богатству, начали соединяться внѣ своихъ родовъ въ особый привилегированный классъ, и что зарождающееся государство освятило это несправедливое стремленіе. Оно показываетъ далѣе, что раздѣленіе труда между земледѣльцами и ремесленниками настолько уже упрочилось, что стало оспаривать у прежняго дѣленія на роды и племена его первостепенное общественное значеніе. Наконецъ, оно выставляетъ на видъ непримиримое противорѣчіе между родомъ и государствомъ; первая попытка образованія государства состояла въ томъ, чтобы разорвать роды, раздѣливъ членовъ каждаго изъ нихъ на привилегированныхъ и униженныхъ, а послѣднихъ подраздѣливъ на два класса по занятію и противопоставивъ всѣ эти группы одну другой.

Дальнѣйшая политическая исторія Аѳинъ вплоть до Солона намъ недостаточно хорошо извѣстна. Должность базилевса была уничтожена; во главѣ государства стали архонты, избиравшіеся изъ благородныхъ. Владычество благородныхъ все усиливалось и, наконецъ, около 600 года до нашей эры стало невыносимымъ. Главнымъ средствомъ для подавленія

общественной свободы служили деньги и ростъ. Главнымъ мѣстопробываніемъ благородныхъ были Аѳины и ихъ окрестности, гдѣ ихъ обогащала, сосредоточивая въ ихъ рукахъ денежныя богатства, морская торговля, все еще время отъ времени соединявшаяся съ пиратствомъ. Отсюда развивающееся денежное хозяйство, подобно разѣдающей азотной кислотѣ, проникало въ неконный, основанный на натуральномъ хозяйствѣ бытъ сельскихъ общинъ. Родовая организація совершенно несовмѣстима съ денежнымъ хозяйствомъ, и мелкое крестьянское землевладѣніе рушилось въ Аттікѣ, какъ только ослабѣли поддерживавшія его родовыя скрѣпы. Съ долговой роспиской и залогомъ имѣнія (аѳиняне изобрѣли уже и ипотеку) не могли бороться ни родъ, ни фратрія; древняя родовая организація не знала ни денегъ, ни ссуды, ни денежнаго долга; поэтому по мѣрѣ того какъ все пынѣе развивалось денежное господство благородныхъ, они выработали себѣ новое обычное право имѣвшее цѣлью обезпечить займодавца со стороны должника и узаконить эксплуатацію мелкаго владѣльца капиталистомъ. На всѣхъ поляхъ Атики стояли «закладные» столбы, на которыхъ было написано, что означенное поле заложено такому-то за такую-то сумму денегъ. Поля, не отмѣченныя такими столбами, по большей части были уже проданы вслѣдствіе просрочки залога или процентовъ и перешли въ собственность благороднаго ростовщика; крестьянинъ долженъ былъ еще благодарить судьбу, если ему позволяли оставаться на своей землѣ въ качествѣ арендатора и пользоваться *шестю частями* дохода, между тѣмъ какъ *пять шестыхъ* онъ выплачивалъ новому владѣльцу въ видѣ аренды. Если-же суммы, вырученной отъ продажи земли не хватало на уплату долга, или если заемъ былъ сдѣланъ безъ обезпеченія залогомъ, то должникъ долженъ былъ продавать своихъ дѣтей въ рабство на чужую сторону, чтобы уплатить займодавцу. Продажа дѣтей отцомъ—вотъ первый плодъ отцовской власти и моногаміи! Если-же кровопійца и этимъ не удовлетворялся, то онъ могъ продать въ рабство самого должника.

Такова была для афинскаго народа пріятная заря цивилизаціи.

Въ прежнее время, когда народный бытъ соотвѣтствовалъ еще родовой организаціи, подобный переворотъ былъ невозможенъ, а здѣсь онъ совершился, хотя никто не зналъ какимъ образомъ. Вернемся на минуту къ нашимъ ирокезамъ. У нихъ немислимо было такое состояніе, какое теперь навязалось, такъ сказать, афинянамъ безъ всякаго содѣйствія съ ихъ стороны и навѣрно противъ ихъ желанія. У нихъ изъ году въ годъ остававшійся неизмѣннымъ способъ добыванія себѣ пропитанія никогда не могъ привести къ такимъ, какъ бы извнѣ навязаннымъ, столкновеніямъ, къ противоположности между богатыми и бѣдными, между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Ирокезамъ далеко еще было до того, чтобы господствовать надъ природой, но въ предѣлахъ, поставленныхъ имъ природою границъ, они господствовали надъ собственнымъ производствомъ. Если не считать тѣхъ случаевъ, когда ихъ садики давали плохой урожай, когда истощался запасъ рыбы въ ихъ рѣкахъ и озерахъ или запасъ дичи въ ихъ лѣсахъ, то ирокезы знали, къ какому результату долженъ привести ихъ способъ добыванія пропитанія. Въ результатѣ этого способа должно было получиться пропитаніе, иногда скудное, иногда обильное, но въ результатѣ его никогда не могъ получиться непредвидѣнный общественный переворотъ, разрывъ родовыхъ связей, раздѣленіе родичей и соплеменниковъ на противоположные, борющіеся между собой классы. Производство вращалось въ тѣсныхъ границахъ, но производители властвовали надъ своимъ продуктомъ. Въ этомъ заключалось огромное преимущество варварскаго производства, утраченное съ наступленіемъ цивилизаціи, и вернуть которое на почвѣ достигнутой теперь всесильной власти человѣка надъ природой и возможныхъ теперь свободныхъ ассоціацій—составить задачу грядущихъ поколѣній.

Не то было у грековъ. Установленіе частной собственности на стада и предметы роскоши привело къ обмѣну

между отдѣльными лицами, къ превращенію продукта въ товаръ. И въ этомъ заключается источникъ всего послѣдующаго переворота. Какъ только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продуктъ и стали отдавать его при обмѣнѣ, они лишились своей власти надъ нимъ. Они не знали, что съ нимъ будетъ дальше, а для другихъ являлась возможность воспользоваться этимъ продуктомъ во вредъ производителю, для его эксплуатаціи и угнетенія. Поэтому никакое общество не можетъ долго сохранять свою власть надъ собственнымъ производствомъ и контролировать социальное вліяніе процессовъ производства, если оно не устранить обмѣна между отдѣльными лицами.

А какъ быстро, съ возникновеніемъ обмѣна между отдѣльными лицами и съ превращеніемъ продукта въ товаръ, продуктъ этотъ проявляетъ свою власть надъ производителемъ, это пришлось испытать афинянамъ на самихъ себѣ. Одновременно съ товарнымъ производствомъ началась обработка земли индивидуальными лицами за собственный счетъ, а затѣмъ вскорѣ явилась и индивидуальная поземельная собственность. Далѣе явились деньги, этотъ всеобщій товаръ, на который можно было обмѣнивать всѣ другіе товары; но, избобрѣтая деньги, люди не подумали о томъ, что создаютъ новую общественную силу, единственную повсемѣстную силу, передъ которой должно было склониться все общество. Вотъ эта-то новая власть, внезапно возникшая помимо воли и вѣдома тѣхъ, которые ее создали, и дала почувствовать афинянамъ свою власть во всей своей юношеской грубости.

Что было дѣлать? Старая родовая организація не только оказалась не въ силахъ остановить побѣдоносное шествіе денегъ, но даже совершенно не могла найти въ своихъ рамкахъ мѣста чему-нибудь такому, какъ деньги, заимодавецъ и должникъ, принудительное взысканіе долговъ. Между тѣмъ новая общественная сила уже явилась, и никакія благія пожеланія, никакое страстное стремленіе вернуть доброе старое время не были въ состояніи изгнать изъ міра деньги и ростовщиче-

ство. Сверхъ того родовой организаціи былъ нанесенъ цѣлый рядъ другихъ, менѣе важныхъ ударовъ. Смѣшеніе родичей и фраторовъ во всей области Аттики, особенно же въ самомъ городѣ Аѣинахъ, съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе увеличивалось, несмотря на то, что аѣинянинъ хотя и могъ продавать чужаку землю, но не имѣлъ права продать свое жилище. Съ прогрессомъ промышленности и торговли все полнѣе стало развиваться раздѣленіе труда между различными отраслями производства: земледѣліемъ, ремеслами — которые въ свою очередь подраздѣлялись на безчисленное множество видовъ — торговлей, мореплаваніемъ и т. д. Населеніе дѣлилось теперь по своимъ занятіямъ на довольно прочныя группы, изъ которыхъ у каждой явился рядъ новыхъ общихъ интересовъ, не находившихъ себѣ мѣста въ родѣ или фратріи и потому требовавшихъ учрежденія новыхъ должностей. Количество рабовъ значительно увеличилось и, должно быть, уже значительно превосходило число свободныхъ аѣинянъ; родовая же организація первоначально не знала рабства и поэтому не знала также никакого средства, чтобы держать въ уздѣ такую массу несвободныхъ. Наконецъ, торговля привлекла въ Аѣины множество чужестранцевъ, которые селились тамъ ради легкой наживы; по древнему строю они были тамъ безправны и беззащитны, и хотя къ нимъ издревле относились съ терпимостью, они все же оставались лишнимъ и чужимъ элементомъ въ народѣ.

Словомъ, родовая организація умирала. Общество съ каждымъ днемъ все болѣе выросло изъ нея; она не могла ни задержать, ни устранить даже самыя опасныя явленія, возникавшія на ея глазахъ. Между тѣмъ государство незамѣтно уже развилось. Новыя группы населенія, созданныя раздѣленіемъ труда сначала между городомъ и деревней, а затѣмъ между различными отраслями городского производства, создали и новые органы для защиты своихъ интересовъ; были учреждены всевозможныя должности. Затѣмъ юное государство прежде всего нуждалось въ собственной военной силѣ для ве-

денія маленькихъ войнъ и для защиты своихъ торговыхъ судовъ, а такая сила, въ виду развитія мореплаванія у афинянъ, могла быть только морской силой. Съ этой цѣлью, неизвѣстно въ какое время, до Солона, были учреждены навкратіи, маленькіе округа, по двѣнадцати въ каждомъ племени. Каждая навкратія должна была выставить, снарядить и снабдить экипажемъ военный корабль; кромѣ того она выставила еще двухъ всадниковъ. Учрежденіе навкратій нанесло двоякій ударъ родовой организаціи: во-первыхъ оно создало общественную власть, которая не совпадала уже непосредственно со всей совокупностью вооруженнаго народа, во-вторыхъ оно впервые ради общественныхъ цѣлей подраздѣлило народъ на группы, руководясь при этомъ не родствомъ, а *сосѣдствомъ*. Какое значеніе это должно было имѣть, мы увидимъ дальше.

Такъ какъ родовая организація не могла помочь эксплуатируемому народу, то ему оставалось ждать помощи только отъ возникающаго государства. И послѣднее дѣйствительно пришло къ нему на помощь въ законахъ Солона, но въ то же время и само еще болѣе усилилось насчетъ прежней организаціи. Какимъ образомъ была проведена реформа Солона, относящаяся къ 594 году до нашей эры,—это насъ здѣсь не касается. Своей реформой Солонъ началъ рядъ такъ-называемыхъ политическихъ революцій, и сдѣлалъ онъ это, посягнувъ на собственность. Всѣ происходившія до сихъ поръ революціи совершались ради защиты одного какого-нибудь рода собственности отъ посягательствъ какого нибудь другого рода собственности. Революція не можетъ защитить одну собственность, не нанося ущерба другой. Великая французская революція принесла въ жертву феодальную собственность, для того чтобы спасти собственность буржуазіи; въ революціи Солона пострадала собственность кредиторовъ, для того чтобы могла сохраниться собственность должниковъ. Долги просто на просто были объявлены недействительными. Подробности ре-

формы намъ въ точности не извѣстны, но Солонъ хвастается въ своихъ стихахъ, что онъ снялъ закладные столбы съ заложенныхъ земель и вернулъ на родину тѣхъ, которые были проданы за долги или изъ-за нихъ принуждены были бѣжать. Все это не могло совершиться безъ открытаго нарушенія права собственности.

Теперь задача заключалась въ томъ, чтобы впредь не допустить подобнаго порабощенія свободныхъ афинянъ. Это было достигнуто прежде всего путемъ общихъ мѣръ, какъ на-примѣръ, путемъ запрещенія такихъ займовъ, при которыхъ залогомъ являлась личность должника. Далѣе, чтобы поставить хоть какія-нибудь границы алчному стремленію знати завладѣть крестьянскими землями, былъ установленъ максимумъ поземельной собственности, которою могло владѣть одно индивидуальное лицо. Затѣмъ были сдѣланы измѣненія въ общественномъ устройствѣ; для насъ имѣютъ наибольшую важность слѣдующія изъ нихъ:

Совѣтъ былъ сведенъ къ четыремстамъ членовъ: по сто человѣкъ изъ каждаго племени; такимъ образомъ здѣсь основной являлось еще племя; но это былъ единственный пунктъ, въ которомъ старинная организація вошла въ составъ новаго государства, такъ какъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ Солонъ раздѣлилъ гражданъ на 4 класса, смотря по количеству ихъ поземельной собственности и приносимаго ею дохода. Минимальный доходъ первыхъ трехъ классовъ равнялся 500, 300 и 150 медимнахъ хлѣба (1 медимнъ=41 литру); кто владѣлъ меньшимъ количествомъ поземельной собственности или не имѣлъ ея совсѣмъ, принадлежалъ къ четвертому классу. Право на занятіе должностей имѣли только три высшіе класса, а на занятіе важнѣйшихъ должностей только первый классъ. Четвертый классъ пользовался лишь правомъ принимать участіе въ преніяхъ и голосованіи въ народномъ собраніи; за то здѣсь избирались всѣ должностныя лица, здѣсь должны были они отдавать отчетъ въ своей дѣятельности, здѣсь издавались всѣ законы и здѣсь большинство составлялъ четвертый классъ.

Аристократическія привилегіи были отчасти возобновлены въ видѣ привилегій богатства, но рѣшающая власть осталась за народомъ. Позднѣе четыре класса, учрежденные Солономъ, послужили основой для новой военной организаціи. Первые два класса доставляли конное войско; третій долженъ былъ служить въ качествѣ тяжелой пѣхоты; четвертый—въ качествѣ легкой, безпанцyrной пѣхоты, или же онъ несъ морскую службу во флотѣ и тогда получалъ, вѣроятно, жалованье.

Здѣсь, слѣдовательно, въ общественный строй былъ введенъ совершенно новый элементъ — частная собственность. Права и обязанности гражданъ соразмѣряются съ величиной ихъ поземельной собственности, и новые имущественные классы пріобрѣтаютъ вліяніе насчетъ старинныхъ корпорацій, основанныхъ на кровномъ родствѣ; родовая организація потерпѣла тутъ новое пораженіе.

Опредѣленіе политическихъ правъ количествомъ имущества не принадлежитъ однако къ числу такихъ учрежденій, безъ которыхъ государство не можетъ существовать. Хотя оно и сыграло важную роль въ исторіи государствъ, однако очень многія государства, и притомъ именно тѣ, которыя достигли наиболѣе полнаго развитія, обошлись безъ него. Въ Аѣинахъ также роль этого учрежденія была только временной: послѣ Аристиды всѣ должности сдѣлались доступны всякому гражданину.

Въ теченіе слѣдующихъ восьмидесяти лѣтъ аѣинское государство вступило на тотъ путь, на которомъ оно и продолжало развиваться въ послѣдующія столѣтія. Безмѣрному земельному лихоимству досолоновскаго времени, такъ же какъ и неограниченной концентраціи поземельной собственности, былъ положенъ предѣлъ. Преобладающими занятіями сдѣлались: торговля, и затѣмъ ремесла и искусства, которыя пріобрѣтали все болѣе крупныя размѣры, благодаря примѣненію рабскаго труда. Распространилось просвѣщеніе, и теперь вмѣсто прежней грубой эксплуатаціи собственныхъ согражданъ стали предпочтительно эксплуатировать рабовъ и

иноземцовъ. Движимая собственность, заключающаяся въ денежномъ богатствѣ, въ рабахъ и корабляхъ, все возрастала, но теперь она не служила уже исключительно средствомъ для пріобрѣтенія земли—какъ это было въ прежнее невѣжественное время,—теперь она сама сдѣлалась цѣлью. Это съ одной стороны создало для старинной аристократіи опасную конкуренцію въ новомъ классѣ богатыхъ промышленниковъ и купцовъ, съ другой — лишило послѣдней опоры остатки родовой организаціи. Съ этого времени роды, фратріи и племена, члены которыхъ были разсыяны по всей Атикѣ и перемѣшаны между собой, сдѣлались совершенно непригодны къ роли политическихъ корпорацій; множество аѳинскихъ гражданъ не принадлежало ни къ какому роду; это были иноземцы, получившіе права гражданства, но не принятые ни въ одинъ изъ старинныхъ родовыхъ союзовъ; наряду съ ними существовало еще постоянно возраставшее число иноземныхъ переселенцевъ, находившихся только подъ покровительствомъ закона безъ всякихъ гражданскихъ правъ.

Между тѣмъ борьба партій продолжалась. Благородные пытались снова завоевать себѣ прежнія права и на короткое время одержали перевѣсъ, но вскорѣ революція Клизѳена (за 509 лѣтъ до нашей эры) низвергла ихъ, а вмѣстѣ съ ними и послѣдніе остатки родовой организаціи.

Клизѳенъ въ своей новой организаціи игнорировалъ четыре старинныхъ племени, основанныхъ на родахъ и фратріяхъ.¹ На ихъ мѣсто выступила совершенно новая организація, опиравшаяся на дѣленіе гражданъ по мѣсту ихъ осѣлости, дѣленіе, первый опытъ котораго былъ уже сдѣланъ при учрежденіи навкратій. Дѣло рѣшалось теперь не принадлежностью къ родовымъ союзамъ, а мѣстомъ жительства. Не народъ дѣлился, а дѣлилась область; жители же съ политической точки зрѣнія являлись просто принадлежностью области.

Вся Атика была подраздѣлена на сто округовъ, или демовъ, пользовавшихся самоуправленіемъ. Граждане, насе-

лявшіе каждый демъ, (демоты) выбирали начальника (демарха) и казначея, а также тридцать судей, юрисдикція которыхъ простиралась на всѣ мелкія тяжбы. Въ каждомъ демѣ былъ также собственный храмъ и покровительствующій богъ или герой, жрецовъ котораго выбирали демоты. Верховная власть въ демѣ принадлежала собранію демотовъ. По справедливому замѣчанію Моргана это устройство представляетъ прототипъ самоуправляющейся американской городской общины. Государство въ Аѣинахъ начало свое развитіе съ той же самой единицы, къ которой современное государство приходитъ въ высшій моментъ своего развитія.

Десять такихъ единицъ т. е. демовъ, составляли племя, въ отличіе отъ прежняго родового племени называвшееся территоріальнымъ племенемъ. Территоріальное племя представляло не только самоуправляющееся политическое цѣлое, но и военную корпорацію; оно избирало филарха или старшину племени, начальствовавшего надъ конницей, таксіарха, начальствовавшего надъ пѣхотой, и стратега, командовавшего всѣмъ набравшимся въ предѣлахъ даннаго племени войскомъ. Кромѣ того каждое племя выставляло пять военныхъ кораблей, снабженныхъ экипажемъ и начальникомъ. Патрономъ cadaго племени назначался какой-нибудь аттичскій герой, отъ имени котораго племя и получало свое названіе. Наконецъ, оно избирало пятьдесятъ членовъ въ аѣинскій совѣтъ.

Совокупность племенъ составляла аѣинское государство, управлявшееся совѣтомъ изъ пятисотъ выборныхъ отъ всѣхъ десяти племенъ, а въ послѣдней инстанціи народнымъ собраніемъ, доступъ къ которому съ правомъ голоса былъ открытъ всякому аѣинскому гражданину; отдѣльными отраслями управленія и судами завѣдывали архонты и другіе чиновники. Верховнаго представителя исполнительной власти въ Аѣинахъ не было.

Съ введеніемъ новой организаціи и съ допущеніемъ большого числа неполноправныхъ гражданъ частью имми-

грантовъ, частью вольноотпущенниковъ, органы родовой организаціи были вытѣснены изъ управленія общественными дѣлами и превратились просто въ частныя общества и религіозныя корпораціи. Но нравственное вліяніе, старинныя воззрѣнія и образъ мышленія древней родовой эпохи долго еще держались и вымерли только постепенно; это обнаружилось при введеніи одного дальнѣйшаго государственнаго учрежденія.

Мы видѣли, что характеристическій признакъ государства составляетъ общественная сила, обособленная отъ народной массы. Въ Аѳинахъ же было еще только народное войско и флотъ, также непосредственно поставляемый народомъ; эта сила защищала государство отъ внѣшнихъ враговъ и держала въ подчиненіи рабовъ, уже въ то время составлявшихъ значительное большинство населенія.

Сначала единственной общественной силой, противопоставленной гражданамъ была полиція. Но эта жандармерія состояла изъ рабовъ.

Насколько государство, уже сформировавшееся въ своихъ главныхъ чертахъ, соответствовало новому общественному положенію аѳинянъ, объ этомъ свидѣлствуетъ быстрый расцвѣтъ богатства, торговли и промышленности. Контрастъ между классами, на который опирались общественныя и политическія учрежденія, не былъ уже контрастомъ между благородными и простымъ народомъ, но между рабами и свободными, между полноправными и неполноправными гражданами. Въ эпоху наибольшаго процвѣтанія Аѳинъ число свободныхъ аѳинскихъ гражданъ простиралось только до 90.000 человекъ, включая сюда женщинъ и дѣтей, между тѣмъ какъ рабовъ обоюго пола было 365.000, а неполноправныхъ гражданъ—иностранцевъ и вольноотпущенниковъ—45.000. Такимъ образомъ на каждого взрослого гражданина приходилось по крайней мѣрѣ 18 рабовъ и болѣе двухъ неполноправныхъ гражданъ. Огромное количество рабовъ обусловливалось тѣмъ, что многіе изъ нихъ цѣлыми массами ра-

ботали подъ надзоромъ надсмотрщиковъ въ мануфактурахъ, или обширныхъ мастерскихъ. Но съ развитіемъ торговли и промышленности началось накопленіе и сосредоточеніе богатствъ въ немногихъ рукахъ и обѣднѣніе массы свободныхъ гражданъ, которымъ оставалось или конкуррировать своимъ ремесленнымъ трудомъ съ рабами, что считалось позорнымъ, да и не обѣщало большихъ результатовъ, или окончательно разориться. При тогдашнихъ условіяхъ они въ силу необходимости избрали послѣднее, а такъ какъ они составляли главную массу народа, то и погубили тѣмъ самымъ все аѳинское государство. Не демократія погубила Аѳины, — а рабство, навлекшее безчестіе на трудъ свободныхъ гражданъ.

Возникновеніе государства у аѳинянъ является типичнымъ образцомъ образованія государства вообще, во-первыхъ потому, что оно представляетъ совершенно чистое явленіе, совершившееся безъ всякаго вмѣшательства внѣшняго или внутренняго насилія — узурпація Пизистрата не оставила послѣ себя слѣдовъ своего кратковременнаго существованія, — во-вторыхъ, потому, что здѣсь непосредственно изъ родового общества возникло государство — очень высокой степени развитія, именно демократическая республика, и наконецъ, потому, что намъ достаточно хорошо извѣстны важнѣйшія подробности исторіи его возникновенія.

VI. Родъ и государство въ Римѣ.

Изъ сказанія объ основаніи Рима слѣдуетъ, что первое поселеніе, послужившее началомъ Риму, было основано нѣсколькими латинскими родами (по сказанію ихъ было сто), соединенными въ племя, къ которымъ вскорѣ присоединилось сабельское племя, также состоявшее изъ ста родовъ, а затѣмъ еще одно племя, состоявшее изъ различныхъ элементовъ и опять-таки будто-бы насчитывавшее сто родовъ. Изъ всего этого разсказа съ перваго же взгляда видно, что здѣсь, помимо рода, не было ничего сложившагося естественнымъ путемъ, да и самый родъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ является только отпрыскомъ какого-нибудь первоначальнаго рода, продолжавшаго свое существованіе на прежней родинѣ. Племена носятъ на себѣ печать искусственнаго образованія, хотя они по большей части составлены изъ родственныхъ элементовъ и по образцу прежнихъ естественныхъ, а не искусственныхъ племенъ; это не исключаетъ, однако, возможности того, чтобы первоначальное ядро cadaго изъ этихъ трехъ племенъ составляло древнее, настоящее племя. Средній членъ между родомъ и племенемъ, или фратрія, состоялъ изъ десяти родовъ и назывался куріей; слѣдовательно ихъ было всего тридцать.

Признано, что римскій родъ былъ учрежденіемъ, тожественнымъ греческому роду, слѣдовательно, если греческій родъ представляетъ собою дальнѣйшее развитіе той общественной единицы, первоначальную форму которой мы находимъ у американскихъ краснокожихъ, то это безъ всякихъ оговорокъ можетъ быть отнесено и къ римскому роду. Поэтому мы можемъ здѣсь изложить дѣло короче.

Устройство римскаго рода по крайней мѣрѣ въ древнѣйшую эпоху существованія города представляло слѣдующія черты:

1. Взаимное право наслѣдованія родичей; имущество остается въ предѣлахъ рода. Такъ какъ въ римскомъ родѣ, подобно тому, какъ и въ греческомъ, уже господствовало отцовское право, то потомки по женской линіи были исключены изъ права наслѣдованія. По закону двѣнадцати таблицъ, древнѣйшему извѣстному намъ писанному праву римлянъ, право наслѣдованія прежде всего принадлежало дѣтямъ, какъ кровнымъ наслѣдникамъ; при отсутствіи ихъ оно переходило къ агнатамъ (родственникамъ по *мужской* линіи), при отсутствіи послѣднихъ—къ остальнымъ родичамъ. Во всѣхъ случаяхъ имущество оставалось въ предѣлахъ рода. Мы можемъ наблюдать здѣсь постепенное вторженіе въ родовые порядки новыхъ правовыхъ установленій, вызванныхъ умноженіемъ богатства и моногаміей: первоначальное право наслѣдованія, равно принадлежавшее всѣмъ родичамъ, на практикѣ уже въ очень раннюю эпоху, какъ было упомянуто выше, переходитъ исключительно къ агнатамъ, а затѣмъ къ дѣтямъ и ихъ потомкамъ въ мужскомъ колѣнѣ; въ двѣнадцати таблицахъ это выражено, конечно, въ обратномъ порядкѣ.

2. Обладаніе общимъ кладбищемъ. Патриціанскій родъ Клавдіевъ при своемъ переселеніи изъ Региллъ въ Римъ получилъ здѣсь во владѣніе участокъ земли и при немъ мѣсто въ городѣ для общаго погребенія. Еще при Августѣ привезенная въ Римъ голова Вары, павшаго въ Тевтобургскомъ лѣсу, была погребена въ *gentilitius tumulus*; слѣдовательно родъ имѣлъ также особый могильный курганъ.

3. Общія религіозныя празднества. Эти *sacra gentilitia* извѣстны намъ.

4. Обязательства не вступать въ бракъ въ предѣлахъ рода. Правило это въ Римѣ никогда, повидимому, не сдѣлалась писаннымъ закономъ, но обычай сохранялся. Въ несмѣтномъ количествѣ дошедшихъ до насъ именъ римскихъ

супруговъ, мужу и женѣ никогда не принадлежить одно и то же родовое имя. Обычай этотъ подтверждается и правомъ наслѣдованія. Женщина, вступая въ бракъ, теряетъ тѣмъ самымъ свои агнатическія права и выходитъ изъ своего рода; ни она сама, ни дѣти ея не могутъ наслѣдовать послѣ отца или послѣ его братьевъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ наслѣдство было бы потеряно для отцовскаго рода. Все это имѣетъ смыслъ только, если допустить, что женщина не могла вступать въ бракъ со своимъ родичемъ.

5. Обладаніе общей поземельной собственностью. Последняя постоянно существовала въ первобытное время, съ тѣхъ поръ, какъ начали дѣлить землю, принадлежавшую сначала цѣлому племени. Въ эпоху господства латинскихъ племенъ мы находимъ землю частью во владѣніи племени, частью во владѣніи рода, а частью во владѣніи отдѣльных хозяйствъ, которыя врядъ ли представляли въ то время индивидуальныя семьи. По преданію, Ромуль впервые роздалъ участки земли во владѣніе индивидуальнымъ лицамъ, приблизительно по гектору (два югера) на человѣка. Но мы и позднѣе находимъ поземельную собственность въ рукахъ рода, не говоря уже объ общественныхъ земляхъ, на которыхъ вертится вся внутренняя исторія республики.

6. Обязанность родичей оказывать другъ другу помощь и защиту. Писанная исторія указываетъ намъ лишь на жалкіе остатки этого обычая; римское государство съ самаго начала приобрѣло такой перевѣсъ надъ родами, что право защиты отъ несправедливости перешло къ нему. Когда Аппій Клавдій былъ схваченъ, весь его родъ наложилъ на себя трауръ, въ томъ числѣ даже тѣ родичи, которые были его личными врагами. Во время второй пунической войны роды взяли на себя обязательство выкупить своихъ военнопленныхъ родичей; но сенатъ воспретилъ имъ это.

7. Право на ношеніе родового имени. Оно сохранилось до императорской эпохи. Вольноотпущеннымъ позволялось при-

нимать родовое имя ихъ прежняго господина, не приобретаая этимъ однако родовыхъ правъ.

8. Право принимать въ родъ постороннихъ лицъ. Это принятіе совершалось путемъ усыновленія въ семьѣ (какъ у индѣйцевъ), что влекло за собой принятіе въ родъ.

9. Право избирать и увольнять главу рода нигдѣ не упоминается. Но такъ какъ въ первое время существованія Рима всѣ должности, начиная съ царской, замѣщались посредствомъ выборовъ или народнаго назначенія, и такъ какъ жрецы курій также избирались послѣдними, то мы должны признать и для главы (*principes*) рода тотъ же способъ назначенія, хотя бы въ то время уже и установилось постоянно избраніе его изъ одной и той же фамиліи рода.

Таковы были права римскаго рода. Если не считать со вершившагося уже въ немъ перехода къ отцовскому праву, то онъ является точнымъ отраженіемъ правъ и обязанностей ирокезскаго рода; и здѣсь «несомнѣнно проглядываетъ ирокезь».

Чтобы показать, какая путаница понятій господствуетъ относительно римской родовой организаціи даже у нашихъ наиболѣе выдающихся историковъ, приведемъ здѣсь только одинъ примѣръ. Въ разсужденіи Момсена о римскихъ собственныхъ именахъ республиканской и августовской эпохъ (*Römische Forschungen, Berlin, 1864. I Band*) сказано: «Кромѣ всѣхъ мужскихъ членовъ рода, за исключеніемъ конечно рабовъ, но со включеніемъ покровительствуемыхъ лицъ и кліентовъ, родовое имя принадлежитъ также и женщинамъ... Племя (какъ Момсенъ переводитъ здѣсь *gens*) представляетъ собою... общину, имѣющую общее происхожденіе—дѣйствительное, предполагаемое или даже вымышленное—и связанную общими празднествами, общимъ мѣстомъ погребенія и общимъ правомъ наследованія. Къ этой общинѣ могутъ и должны причисляться всѣ лично свободные люди, слѣдовательно также и женщины. Затруднительнымъ является однако опредѣленіе родового имени замужней женщины. Затрудненіе это не существуетъ для насъ, пока женщина имѣетъ

право вступать въ бракъ только со своимъ родичемъ; и, какъ доказано, женщинамъ долго гораздо труднѣе было вступить въ бракъ внѣ своего рода, чѣмъ внутри его; еще въ VI вѣкѣ право на бракъ внѣ рода (*gentis enuptio*) давалось въ награду, какъ личная привилегія... Но когда случались въ древнѣйшее время подобные браки внѣ рода, жена должна была переходить въ родъ мужа. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ древнемъ религіозномъ бракѣ женщина совершенно выходила изъ своей юридической и религіозной общины и вступала въ юридическую и религіозную общину своего мужа. Кто не знаетъ, что замужняя женщина активно и пассивно лишается права наследовать послѣ своихъ родичей, и что напротивъ право взаимнаго наследованія связываетъ ее съ мужемъ, дѣтьми и со всѣми родичами мужа вообще? Если же она какъ какъ бы усыновляется своимъ мужемъ и вступаетъ въ его семью, то какъ можетъ она оставаться чуждой его роду?» (Стр. 9—11).

Момсенъ утверждаетъ такимъ образомъ, что римскія женщины, принадлежавшія къ какому-нибудь роду, могли вступать въ бракъ только внутри своего рода, что слѣдовательно римскій родъ былъ эндогаменъ, а не экзогаменъ. Это мнѣніе, совершенно противорѣчащее тому, чему учить насъ опытъ относительно другихъ народовъ, опирается главнымъ образомъ, если не исключительно на одно единственное, притомъ возбуждавшее много споровъ мѣсто у Ливія (книга XXXIX, гл. 19) гдѣ говорится, что въ 568 году отъ основанія Рима, т. е. за 186 лѣтъ до нашей эры, сенатъ постановилъ: *uti Feceniae Hispallae datio, deminutio, gentis enuptio, tutoris optio item esset quasi ei vir testamento dedisset; utique ei ingenuo nubere liceret, neu quid ei qui eam duxisset, ob id fraudi ignominiaeve esset*, т. е. что Феценія Гиспалла имѣетъ право распоряжаться своимъ имуществомъ, уменьшать его, выйти замужъ внѣ рода и избрать себѣ опекуна, совершенно такъ, какъ если бы ся (покойный) мужъ далъ ей это право въ своемъ завѣщаніи, что она можетъ выйти замужъ за полно-

правнаго гражданина, и что тому, кто на ней женится, это не будетъ вѣнчено въ предосудительный или позорный поступокъ.

Несомѣнно, что здѣсь вольноотпущенницѣ Феценіи дается право выйти замужъ внѣ рода, и также несомѣнно слѣдуетъ отсюда, что мужъ могъ путемъ завѣщанія предоставлять своей женѣ право послѣ его смерти выйти замужъ внѣ рода, но внѣ *какого* рода?

Если женщина была обязана вступать въ бракъ внутри своего рода, какъ предполагаетъ Момсенъ, то она и послѣ брака оставалась бы въ томъ же родѣ. Но во первыхъ, эта предполагаемая эндогамія рода нуждается въ доказательствѣ, а во-вторыхъ, если бракъ внутри рода былъ обязателенъ для женщины, то онъ непремѣнно былъ обязателенъ и для мужчины, такъ какъ послѣдній иначе не нашелъ бы себѣ жены. Въ такомъ случаѣ оказывается, что мужъ могъ путемъ завѣщанія предоставлять женѣ право, которымъ онъ не пользовался самъ; мы приходимъ тутъ къ юридическому противорѣчію. Момсенъ самъ чувствуетъ это, и поэтому высказываетъ слѣдующее предположеніе: «Для вступленія въ бракъ внѣ рода юридически требовалось, вѣроятно, не только дозволеніе власть имущаго, но и согласіе всѣхъ родителей (стр. 10, примѣчаніе). Но это во-первыхъ очень смѣлое предположеніе, а во-вторыхъ оно противорѣчитъ ясному смыслу текста: сенатъ даетъ Феценіи Гиспаллѣ упомянутое право *вмѣсто ея мужа*, онъ прямо предоставляетъ ей не болѣе и не менѣе того, что могъ предоставить ей мужъ; но то, что онъ ей предоставляетъ, есть абсолютное право, не подлежащее уже никакимъ другимъ ограниченіямъ; такъ что если она воспользуется этимъ правомъ, ея новый мужъ также не долженъ страдать отъ этого; сенатъ поручаетъ даже настоящимъ и будущимъ консуламъ заботиться о томъ, чтобы ей не пришлось изъ-за этого потерпѣть несправедливости. Поэтому предположеніе Момсена кажется намъ совершенно несостоятельнымъ.

Или допустимъ, что женщина вышла замужъ за мужчину,

принадлежащаго къ другому роду, но сама по прежнему принадлежитъ къ своему первоначальному роду. Тогда въ силу вышеприведеннаго текста мужъ имѣлъ бы право дозволить женѣ вступить въ бракъ внѣ ея собственнаго рода; т. е. онъ имѣлъ бы право распоряжаться дѣлами рода, къ которому самъ вовсе не принадлежитъ. Такой порядокъ былъ бы столь нелѣпъ, что о немъ нечего больше и говорить.

Остается слѣдовательно только предположеніе, что женщина въ первомъ бракѣ вышла за мужчину, принадлежащаго къ другому роду, и перешла въ родъ мужа, какъ это Момсенъ для такихъ случаевъ дѣйствительно и допускаетъ. Тогда сразу объясняется вся суть дѣла. Женщина, вслѣдствіе брака вышедшая изъ своего прежняго рода и вступившая въ родовую группу мужа, занимаетъ здѣсь совершенно особое положеніе: будучи членомъ рода, она не связана съ нимъ кровнымъ родствомъ; самый способъ ея вступленія въ родъ дѣлаетъ невозможнымъ для нея запрещеніе брака внутри этого рода, такъ какъ и вступаетъ то она въ него путемъ брака; далѣе она принята въ брачный кругъ рода, и по смерти мужа наслѣдуетъ его имущество, слѣдовательно имущество одного изъ членовъ рода. Что можетъ быть естественнѣе требованія, чтобы это имущество оставалось въ родѣ, и чтобы она слѣдовательно обязалась не выходить замужъ иначе, какъ за одного изъ родичей своего перваго мужа? Если же допускается отступленіе отъ этого правила, то кто можетъ уполномочить ее на это съ большей компетентностью, чѣмъ тотъ, кто завѣщалъ ей имущество, т. е. ея первый мужъ? Въ тотъ моментъ, когда онъ завѣщаетъ ей часть своего имущества, и въ то же время позволяетъ ей путемъ брака или вслѣдствіе его передать эту часть въ чужой родъ, въ этотъ моментъ упомянутое имущество еще принадлежитъ ему и онъ слѣдовательно въ буквальномъ смыслѣ распоряжается только своею собственностью. Что касается самой жены и ея отношеній къ роду мужа, то такъ какъ онъ самъ ввелъ ее въ этотъ родъ свободнымъ актомъ собственной воли,—путемъ

брака, то онъ вполне естественно является тѣмъ лицомъ, которое можетъ уполномочить ее на выходъ изъ рода посредствомъ вторичнаго брака. Словомъ всѣ обстоятельства дѣла объясняются простымъ и понятнымъ образомъ, какъ только мы отвергнемъ странное представленіе объ эндогамномъ римскомъ родѣ и вмѣстѣ съ Морганомъ признаемъ, что родъ этотъ первоначально былъ экзогаменъ.

Существуетъ еще одно послѣднее предположеніе, которое также нашло себѣ защитниковъ, притомъ наиболѣе многочисленныхъ. Въ силу этого предположенія изъ вышеприведеннаго текста Ливія явствуетъ только то, что «вольноотпущенницы (*libertae*) не могли безъ особаго разрѣшенія ни вступать въ бракъ внѣ рода (*e gente eubere*), ни совершать какой-либо другой актъ, который, будучи связанъ съ *capitis diminutio minima*, обусловилъ бы ихъ выходъ изъ рода». (*Lange, Römische Alterthümer, Berlin 1856, I, стр. 195*, гдѣ по поводу текста Ливія сдѣлана ссылка на Гуске. Если это предположеніе справедливо, то вышеупомянутое мѣсто ровно ничего не доказываетъ относительно правъ и обязанностей полноправныхъ римлянокъ, и на его основаніи не можетъ быть и рѣчи объ обязанности ихъ выходить замужъ внутри рода.

Выраженіе *euputio gentis* встрѣчается только въ этомъ мѣстѣ и больше нигдѣ во всей римской литературѣ; слово *eubere* (выходить замужъ на сторону) встрѣчается въ ней трижды, у того же Ливія, но безъ отношенія къ роду. Такимъ образомъ выдумка, будто бы римянки могли вступать въ бракъ только въ предѣлахъ своего рода, обязана своимъ существованіемъ исключительно этому мѣсту. Но выдумка эта совершенно не выдерживаетъ критики, такъ какъ одно изъ двухъ: или вышеприведенный текстъ имѣетъ въ виду особаго ограниченія, касавшіяся вольноотпущенницъ, и въ такомъ случаѣ онъ ровно ничего не доказываетъ для полноправныхъ гражданокъ (*ingenuae*) или же онъ имѣетъ

въ виду и послѣднихъ и тогда скорѣе доказываетъ, что римская женщина обыкновенно выходила замужъ внѣ своего рода, но путемъ брака вступала въ родъ своего мужа, что свидѣтельствуется противъ Момсена и въ пользу Моргана.

Черезъ триста лѣтъ послѣ основанія Рима родовыя связи были еще такъ прочны, что одинъ изъ патриціанскихъ родовъ, именно родъ Фабіевъ, съ разрѣшенія сената на собственный рискъ предпринималъ походъ противъ сосѣдняго города Вейевъ. По преданію 306 Фабіевъ приняли участіе въ походѣ, и всѣ поголовно были перебиты, попавъ въ засаду; въ живыхъ остался только одинъ мальчикъ, который и продолжалъ родъ.

Десять родовъ, какъ мы уже говорили, составляли фратрію, которая здѣсь называлась куріей и пользовалась болѣе важными общественными полномочіями, чѣмъ греческая фратрія. Каждая курія имѣла свои собственные религіозные обряды и святыни, и своихъ особыхъ жрецовъ; совокупность послѣднихъ составляла одну изъ римскихъ жреческихъ коллегій. Десять курій составляли племя, которое вѣроятно, какъ и остальные латинскія племена, имѣло первоначально выборнаго главу — военачальника или верховнаго жреца. Совокупность всѣхъ трехъ племенъ составляла римскій народъ, *populus romanus*.

Къ римскому народу могли слѣдовательно принадлежать только тѣ лица, которыя были членами куріи и племени. Первоначальный внутренній строй римскаго народа заключался въ слѣдующемъ. Завѣдываніе общественными дѣлами прежде всего принадлежало сенату, который какъ впервые это вѣрно замѣтилъ Нибуръ — состоялъ изъ старѣйшинъ всѣхъ трехсотъ родовъ; члены его именно поэтому, т. е. какъ родовые старѣйшины, назывались отцами, *patres*, а совокупность ихъ — сенатомъ, т. е. совѣтомъ старѣйшинъ (отъ *senex* — старый). Обычное избраніе сенаторовъ постоянно изъ одной и той же семьи даннаго рода обусловило и здѣсь возникновеніе племенной знати; эти семьи стали называться

патрицианскими и стали требовать себѣ исключительнаго права на вступленіе въ сенатъ и на занятіе другихъ должностей. То, что народъ съ теченіемъ времени согласился на это притязаніе, и оно превратилось въ дѣйствительное право, нашло себѣ выраженіе въ легендѣ, будто бы Ромулъ предоставилъ первымъ сенаторамъ и ихъ потомкамъ патриціатъ со всѣми его привилегіями. Сенатъ, подобно афинскому буле, могъ рѣшать многія дѣла, а болѣе важные изъ нихъ, напримѣръ новыя законы, только обсуждалъ: рѣшались же они народнымъ собраніемъ, которое называлось *comitia curiata* (собраніе курій). Народъ сходился, группируясь по куріямъ, а въ каждой куріи вѣроятно по родамъ и при голосованіи каждая изъ тридцати курій имѣла одинъ голосъ. Куріатное собраніе принимало или отвергало всѣ законы, избирало высшихъ должностныхъ лицъ. въ томъ числѣ гех (такъ называемаго царя), объявляло войну (миръ заключать однако сенатъ) и въ качествѣ высшаго суда рѣшало по аппеляціямъ заинтересованныхъ лицъ всѣ дѣла, въ которыхъ вопросъ касался смертнаго приговора надъ римскимъ гражданиномъ. — Наконецъ, кромѣ сената и народнаго собранія въ Римѣ былъ еще гех, вполне соотвѣтствовавшій греческому базилевсу и вовсе не являвшійся тѣмъ почти неограниченнымъ монархомъ, какимъ представляетъ его Момсенъ *). Онъ также былъ военачальникомъ, верховнымъ жрецомъ и предсѣдателемъ въ нѣкоторыхъ судахъ. Гражданскихъ полномочій или власти надъ

*) Латинское слово *gex* не что иное, какъ вельто-прандское *rih* (старѣйшина племени) и готское *reiks*; что эти слова, какъ первоначально и нѣмецкое *Fürst* (датское *förste*, англійское *first*, первый) обозначало главу племени или рода, видно изъ того, что готы уже въ четвертомъ вѣкѣ имѣли особое слово для обозначенія повѣстѣйшаго короля или царя (*König*), предводителя цѣлаго народа, именно слово *thiudans*. Въ переводѣ Библии, сдѣланномъ Ульфилой, Артаксерксъ и Продъ видѣ не называются *reiks*, но вездѣ *thiudans*, и царство императора Тиверія называется не *reiki*, а *thiudinassus*. Въ имени готскаго *тиуданса* (*Thiudans*)—или какъ мы погочно переводимъ, короля—*Тіударикеа* (*Thiudareiks*), Теодориха, или Дитриха, сливаются оба названія.

жизнью, свободой и собственностью гражданъ у него всёмъ не было, поскольку эти полномочія не вытекали изъ дисциплинарной власти военачальника или изъ исполнительной власти председателя суда. Должность рекса не была наслѣдственной; напротивъ, онъ сначала избирался куріатнымъ собраніемъ, вѣроятно по рекомендаціи своего предшественника, а затѣмъ, во вторичномъ собраніи торжественно утверждался. О томъ, что онъ могъ быть увольняемъ, свидѣлствуетъ участь Тарквинія Гордаго.

Итакъ, подобно грекамъ героической эпохи, и римляне въ эпоху такъ называемыхъ царей жили въ военной демократіи, опиравшейся на роды, фратріи и племена, и изъ нихъ развившейся. Если даже куріи и племена и были отчасти искусственными образованиями, то все же они сформировались по образцу настоящаго, естественнымъ путемъ сложившагося общества, изъ котораго они произошли и которое еще окружало ихъ со всѣхъ сторонъ. И если даже естественно возникшая патриціанская аристократія и укрѣпилась уже, а рексы стали пытаться расширить свои права, то все это тѣмъ не менѣе не мѣняло первоначальнаго, основнаго характера строя, а намъ только это и важно.

Между тѣмъ, отчасти вслѣдствіе переселеній, отчасти вслѣдствіе присоединенія жителей покоренныхъ земель, по большей части латинскихъ, увеличилось населеніе какъ самаго города Рима, такъ и всей принадлежавшей ему области, расширившейся благодаря завоеваніямъ. Всѣ эти новые подданные государства (вопросъ о кліентахъ мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ) стояли внѣ древнихъ родовъ, курій и племенъ и не входили слѣдовательно въ составъ *populus romanus*, т. е. римскаго народа въ собственномъ смыслѣ слова. Это были лично свободные люди, обязанные платить подати и нести военную службу; но они не могли ни занимать должностей, ни участвовать въ куріатныхъ собраніяхъ, ни получать доли при раздѣлѣ образовавшихся путемъ завоеванія общественныхъ земель. Они составляли плебсъ, лишенный всякихъ полити-

ческихъ правъ. Благодаря своему постоянно возрастающему числу, своему военному развитію и праву носить оружіе, они сдѣлались грозной силой, опасной для древняго *populus*, замкнувшагося теперь отъ всякаго прироста извнѣ. Притомъ, надо замѣтить, что поземельная собственность была довольно равномерно распределѣна между *populus*'омъ и плебсомъ, а торговля и промышленныя богатства, хотя, конечно, не особенно значительныя, даже главнымъ образомъ сосредоточивались въ рукахъ плебса.

При томъ глубокомъ мракѣ, которымъ окутана древнѣйшая, легендарная исторія Рима,—мракѣ, который еще болѣе усилился благодаря раціоналистически-прагматическимъ попыткамъ истолкованія и свидѣтельствамъ позднѣйшихъ писателей-юристовъ, составившихъ дошедшіе до насъ источники—невозможно сказать ничего опредѣленнаго относительно того, когда и какъ произошла и какимъ поводомъ была вызвана революція, положившая конецъ старой родовой организаціи. Достоверно только то, что причиной ея была борьба между *populus*'омъ и плебсомъ. Новая организація, приписываемая рексу Сервію Туллію и опирающаяся на греческіе образцы, именно на законы Солона, создала новое пародное собраніе, безъ различія включавшее или исключавшее какъ римскихъ гражданъ (*populus*), такъ и плебеевъ, смотря по тому, несли они военную службу или нѣтъ. Все способное носить оружіе населеніе было раздѣлено на шесть классовъ по имуществу. Минимальное имущество въ первыхъ пяти классахъ равнялось: въ I классѣ—100,000 ассовъ; во II классѣ—75,000; въ III классѣ—50,000; въ IV классѣ—25,000; въ V классѣ—11,000; по Дюро-де-ла-Малль, это составляетъ приблизительно 14,000, 16,500, 7,000, 3,600 и 1,570 марокъ (около 7,000, 5,250, 3,500, 1,800 и 785 рублей). Шестой классъ, классъ пролетаріевъ, состоялъ изъ лицъ, обладавшихъ меньшимъ имуществомъ и освобожденныхъ отъ уплаты податей и отъ военной службы. Въ новыхъ народныхъ собраніяхъ центуриатныхъ (*comitia cen-*

turiata), граждане имѣли военную организацію: они распределялись на центурии по сто человекъ въ каждой, причемъ каждой центурии принадлежалъ одинъ голосъ. Надо замѣтить, однако, что первый классъ выставлялъ 80 центурій, между тѣмъ какъ второй—22, третій 20, четвертый—22, пятый—30; шестой классъ приличія ради также выставлялъ 1 центурию. Кромѣ того, набравшіеся еще 18 центурій, составляли изъ богатѣйшихъ гражданъ всадники, такъ что всѣхъ центурій было 193, а большинство голосовъ равнялось 97. Между тѣмъ одни всадники съ первымъ классомъ имѣли уже 98 голосовъ, т. е. необходимое большинство; поэтому, если они были согласны между собою, принятое ими рѣшеніе было дѣйствительно, мнѣнія остальныхъ классовъ даже и не спрашивали.

Къ этому новому центуриатному собранію перепили всѣ политическія права прежняго куриатнаго собранія, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ номинальныхъ, вслѣдствіе чего курии и составлявшіе ихъ роды, какъ и въ Афинахъ, превратились просто въ частныя и религіозныя корпораціи и еще долго прозябали въ качествѣ таковыхъ, между тѣмъ какъ куриатное собраніе скоро лишилось всякаго значенія. Чтобы вытѣснить изъ государства и три старинныхъ родовыхъ племени, были учреждены и снабжены извѣстными политическими правами четыре территоріальныя племени, изъ которыхъ каждое населяло одну изъ четвертей города.

Такимъ образомъ въ Римѣ еще до уничтоженія такъ называемой царской власти былъ разрушенъ старинный общественный строй, опиравшійся на личныя кровныя узы и вмѣсто него была введена настоящая государственная организація, основанная на территоріальномъ дѣленіи и на имущественныхъ различіяхъ. Общественную силу новаго государства, направленную не только противъ рабовъ, но и противъ исключенныхъ изъ военной службы и лишенныхъ права носить оружіе такъ называемыхъ пролетаріевъ, составляли всѣ обязанные нести военную службу граждане.

Внутри этого новаго строя, дальнѣйшему развитію котораго только еще способствовало изгнаніе послѣдняго рекса, Тарквинія Гордаго, присвоившаго себѣ дѣйствительно царскую власть, и замѣна рекса двумя восначальниками (консулами) съ одинаковой властью (какъ у прокесовъ), — внутри этого новаго строя протекаетъ вся исторія римской республики съ борьбой между патриціями и плебеями за доступъ къ должностямъ и за участіе въ общественныхъ земляхъ, и съ ея конечнымъ поглощеніемъ патриціальной знати новымъ классомъ крупныхъ поземельныхъ и денежныхъ собственниковъ, которые мало-по-мало завладѣли всѣми землями разорившихся отъ военной службы крестьянъ, стали обрабатывать свои огромныя возникшія такимъ путемъ имѣнія рабами, обезлюдили Италію и благодаря этому открыли дверь не только императорской власти, но и ея пріемникамъ — германскимъ варварамъ.

VII. Родъ у кельтовъ и у германцевъ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ здѣсь заняться разсмотрѣніемъ родовыхъ учрежденій, еще въ настоящее время въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ существующихъ у самыхъ различныхъ дикихъ и варварскихъ народовъ, или разсмотрѣніемъ слѣдовъ ихъ, сохранившихся въ древнѣйшей исторіи культурныхъ азіатскихъ народовъ. Или самыя учрежденія, или слѣды ихъ можно встрѣтить повсюду. Приведемъ только нѣсколько примѣровъ: еще раньше, чѣмъ существованіе рода было признано, человѣкъ, который прилагалъ все стараніе, чтобы не понять этого учрежденія, именно Макъ-Леннанъ, указалъ и въ общемъ правильно описалъ его у калмыковъ, черкесовъ, самоѣдовъ и у трехъ индусскихъ племенъ: вараловъ, магаровъ и муснипуровъ. Недавно же М. Ковалевскій открылъ и описалъ родовую организацію у пшавовъ, хевсуровъ, сванетовъ и другихъ кавказскихъ племенъ. Теперь сдѣлаемъ только нѣсколько короткихъ замѣчаній о существованіи рода у кельтовъ и у германцевъ.

Древнѣйшіе изъ сохранившихся кельтскихъ законовъ показываютъ намъ родовую организацію еще полною силъ; въ Ирландіи, послѣ того какъ англичане насильственно разрушили ее, она, въ видѣ инстинкта по крайней мѣрѣ, живетъ еще до-нынѣ въ сознаніи народа; въ Шотландіи она находилась еще въ полномъ расцвѣтѣ въ серединѣ прошлаго столѣтія и уступила здѣсь также лишь англійскому оружію, законодательству и судопроизводству.

Древневаллійскіе законы, записанные за много столѣтій до англійскаго завоеванія и во всякомъ случаѣ не позже одиннадцатаго вѣка, указываютъ намъ на совмѣстную обработку земли цѣлыми деревнями, хотя и представляющую лишь

редко встречающийся остатокъ прежняго повсемѣстнаго обычая; каждая семья обладала нѣсколькими акрами земли, которые воздѣлывала самостоятельно, а нѣкоторое пространство земли кромѣ того обрабатывалось сообща, и доходъ съ него дѣлился. Аналогія этихъ порядковъ съ ирландскими и шотландскими устраняетъ всякія сомнѣнія въ томъ, что эти сельскія общины представляютъ собою роды или подраздѣленія родовъ, хотя бы даже новая проверка валлійскихъ законовъ, на которую у меня теперь не хватаетъ времени (мои выписки относятся къ 1869 году), и не подтвердила этого непосредственно. Что валлійскіе законы, а вмѣстѣ съ ними и ирландскіе, прямо доказываютъ, такъ это то, что въ одиннадцатомъ вѣкѣ парный бракъ у кельтовъ еще не былъ вытѣсненъ моногаміей. Въ Валлисѣ бракъ былъ не расторгимъ или вѣрнѣе не подлежалъ отказу только по прошествіи семи лѣтъ. Если до семи лѣтъ не хватало еще хотя бы трехъ ночей, супруги могли разойтись. Тогда происходилъ дѣлежъ имущества: жена дѣлила его, мужъ выбиралъ свою часть. Домашняя обстановка дѣлилась по опредѣленнымъ, очень коmicнымъ правиламъ. Если бракъ расторгался мужемъ, то послѣдній долженъ былъ возвратитъ женѣ ея приданое и дать ей еще нѣкоторую долю имущества на придачу; если жена расторгала бракъ, то она получала менѣе. Изъ дѣтей двоихъ получалъ мужъ, одного — жена, именно средняго. Если жена послѣ развода выходила замужъ за другого, а первый мужъ снова требовалъ ее, то она должна была слѣдовать за нимъ, хотя бы ступила уже *одной* ногой на новую супружескую постель. Но если она прожила съ новымъ мужемъ семь лѣтъ, то бракъ ихъ считался дѣйствительнымъ и безъ предварительнаго формальнаго вѣнчанія. Цѣломудріе дѣвушки до брака вовсе строго не требовалось и не соблюдалось; относящіяся сюда постановленія отличаются крайне вольнымъ характеромъ и нисколько не соответствуютъ буржуазной морали. Если жена совершила прелюбодѣяніе, мужъ могъ побить ее (одинъ изъ трехъ случаевъ, въ которыхъ это ему позволялось; въ

остальныхъ онъ подлежалъ за это наказанію), но тогда не могъ уже требовать никакого дальнѣйшаго удовлетворенія, такъ какъ «за одинъ и тотъ же проступокъ полагается или искупленіе или мечь, но не то и другое вмѣстѣ» Причины, на основаніи которыхъ жена могла требовать развода, ничего не теряя изъ своихъ правъ при раздѣлѣ, отличались очень широкимъ характеромъ: достаточно было дурного дыханія мужа. Выкупъ начальнику племени или королю за право ночи (*gobg merch*, откуда средневѣковое названіе *marchet*, французское *marquette*) играетъ важную роль въ сводѣ законовъ. Женщины имѣли право голоса въ народныхъ собраніяхъ. Если мы прибавимъ къ этому, что въ Ирландіи доказано существованіе подобныхъ же отношеній, что тамъ также были очень обыкновеннымъ явленіемъ временные браки, и жена при разводѣ также пользовалась важными и строго установленными преимуществами, получала даже вознагражденіе за оказанныя ею въ домѣ услуги, что рядомъ съ другими женами тамъ встрѣчается первая жена, и что при дѣлѣжѣ наслѣдства не дѣлаютъ различія между законными и незаконными дѣтьми, — то мы получимъ картину парнаго брака, въ сравненіи съ которой господствующая въ сѣверной Америкѣ форма его покажется намъ строгой, но которая не должна удивлять насъ у народа, еще во времена Цезаря жившаго въ групповомъ бракѣ.

Ирландскій родъ (*sept*, племя называлось *clainne*, *clan*) засвидѣтельствованъ и описанъ не только древними сводами законовъ, но и англійскими юристами XVII вѣка, вѣдавшими переходъ земель клановъ въ домены англійскаго короля. До этого времени земля была общей собственностью рода или клана, поскольку она не была уже превращена вождями клановъ въ свое частное владѣніе. Если умиралъ одинъ изъ членовъ рода, слѣдовательно, исчезало одно хозяйство, то старшина (*caput cognationis*, какъ называли его англійскіе юристы) предпринималъ новый раздѣлъ всей принадлежавшей роду земли между остальными хозяйствами. Раз-

дѣль этотъ въ общихъ чертахъ происходилъ, вѣроятно, по тѣмъ же правиламъ, какъ и въ Германіи. Еще и теперь нѣкоторыя деревни (а лѣтъ сорокъ - пятьдесятъ тому назадъ ихъ было очень много) имѣютъ свои поля въ такъ называемомъ «*gundale*». Крестьяне, индивидуальныя арендаторы земли, прежде находившейся въ общемъ владѣніи рода, а потомъ отнятой англійскими завоевателями, выплачиваютъ каждый аренду за свой кусокъ земли, но затѣмъ соединяютъ въ одно все пашни и луга, дѣлятъ ихъ по мѣстоположенію и качеству на участки, «*Gewanne*», какъ говорятъ на Мозелѣ, и даютъ каждому надѣль въ каждомъ участкѣ; пастбищемъ и болотомъ пользуются сообща. Еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ время отъ времени, иногда ежегодно происходили передѣлы. Карта полей такой *gundale'*ной деревни имѣетъ совершенно тотъ же видъ, какъ и поля какого-нибудь нѣмецкаго «*Gehöferschaft*» (поселенія) на Мозелѣ или въ Гохвальдѣ. Факціи, «*factions*», также представляютъ остатокъ родовой организаціи. Ирландскіе крестьяне часто раздѣляются на партіи, которыя, повидимому, опираются на совершенно нелѣпыя и бессмысленныя различія, рѣшительно непонятныя для англичанъ, и съ виду не имѣютъ другой цѣли, кромѣ излюбленныхъ основательныхъ побоищъ между двумя партіями. Все это — искусственное возобновленіе, позднѣйшая замѣна уничтоженныхъ родовъ, въ своемъ родѣ доказывающая сохраненіе въ народѣ родовыхъ инстинктовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ члены рода живутъ еще, впрочемъ приблизительно, въ своей прежней области; такъ еще тридцать лѣтъ тому назадъ большая часть обитателей графства Монаганъ носила только четыре фамильных прозвища, т. е. происходила отъ четырехъ родовъ или клановъ *).

*) Къ четвертому изданію. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною въ Ирландіи, мнѣ снова ярко бросилось въ глаза, до какой степени крестьянскій народъ живетъ тамъ еще среди представителей родовой эпохи. Помѣщикъ, у котораго крестьянинъ арендуетъ землю, все еще представляется ему чѣмъ-то въ родѣ начальника клана, который обязанъ распорядиться

Въ Шотландіи паденіе родового строя относится ко времени усмиренія возстанія 1745 года. Какое звено родовой организаціи представляетъ шотландскій кланъ — остается еще изслѣдовать; но несомнѣнно, что онъ былъ однимъ изъ ея звеньевъ. Въ романахъ Вальтеръ-Скотта какъ живой выступаетъ передъ нами такой верхнешотландскій кланъ. Кланъ, говоритъ Морганъ, «по своей организаціи и своему духу служитъ прекраснымъ образцомъ рода, поразительнымъ примѣромъ господства родовой жизни надъ членами рода... Въ междоусобицахъ, въ ихъ кровной мести, въ дѣленіи земли по кланамъ и въ общинномъ пользованіи ею, въ вѣрности членовъ клана своему вождю, а также другъ другу, во всемъ этомъ находимъ мы повсюду повторяющіяся черты родового общества... Происхожденіе считалось по отцу, такъ что дѣти мужскихъ членовъ клана оставались въ немъ, а дѣти женскихъ членовъ его переходили въ кланъ своихъ отцовъ». Но раньше въ Шотландіи господствовало материнское право; это доказывается тѣмъ, что по словамъ Бэды въ королевской фамиліи Пиктовъ престолонаслѣдіе велось по женской линіи. Даже остатокъ нуналуальной семьи сохранялся еще въ средніе вѣка какъ у валлійцевъ, такъ и у скоттовъ, именно въ правѣ пер-

землей въ интересахъ всѣхъ, которому крестьянинъ платитъ дань въ формѣ арендной платы, но который и долженъ за то оказывать ему поддержку въ случаѣ нужды. Точно также всякій болѣе состоятельный крестьянинъ считается у нихъ обязаннымъ помогать своимъ бѣднѣйшимъ сосѣдямъ, когда они терпятъ нужду. Такая помощь — не милостыня, это то, что по праву слѣдуетъ болѣе бѣднымъ членамъ клана со стороны ихъ болѣе богатыхъ родичей или вожда. Намъ становится понятной жалоба политико-экономовъ и юристовъ на невозможность ввести ирландскому крестьянину современное буржуазное понятіе о собственности. Ирландецъ рѣшительно не въ состояніи представить себѣ собственность, которая имѣетъ только права и никакихъ обязанностей. Но легко понять также, что эти самые ирландцы, внезапно очутившись со своими наивными родовыми понятіями въ болѣе англійскомъ или американскомъ городѣ, среди населенія съ совершенно другими нравственными и правовыми воззрѣніями, совершенно сбиваются съ толку относительно того, что надо считать правомъ и нравственностью, теряютъ всякую точку опоры и перѣдко деморализуются цѣлыми массами.

вой почти, которымъ вождь клана или король, въ качествѣ послѣднихъ представителей прежнихъ общихъ мужей, могли пользоваться по отношенію къ каждой невѣстѣ, если это право не выкупалось у нихъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что германцы до великаго переселенія народовъ были организованы въ роды. Они могли заселить область между Дунаемъ, Рейномъ, Вислой и Сѣвернымъ моремъ только за немного столѣтій до нашей эры; кимвры и тевтоны находились въ это время еще въ полномъ броженіи, а свевы лишь въ эпоху Цезаря нашли себѣ прочную осѣдлость. У нихъ Цезарь прямо говоритъ, что они разсѣлились родами по кровному родству (*gentibus cognationibusque*), а въ устахъ римлянина изъ рода Юліевъ слово *gentibus* имѣетъ точное значеніе, котораго нельзя устранить никакими доводами. То, что Цезарь говоритъ о свевахъ, можно сказать о всѣхъ германцахъ; даже на завоеванныхъ у римлянъ областяхъ разселеніе происходило, повидимому, родами. Аллеманское народное право свидѣтельствуетъ, что въ завоеванной къ югу отъ Дуная области народъ селился родами (*genealogiae*); слово *genealogia* употреблено здѣсь совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ позднѣе употреблялись слова марка или деревенская община. Недавно Ковалевскій высказалъ мнѣніе, что эти *genealogiae* представляютъ не что иное, какъ тѣ крупныя домашнія общины, между которыми дѣлилась земля и изъ которыхъ позднѣе развились деревенскія общины. Въ такомъ случаѣ то же самое должно бы быть справедливо и относительно фага, выраженіе, которое у бургундовъ и лонгобардовъ — слѣдовательно у готскаго и у германскаго, или верхненѣмецкаго племени — обозначало приблизительно то же, что выражено словомъ *genealogia* въ аллеманскомъ сводѣ законовъ. Остается подробнѣе изслѣдовать, съ чѣмъ мы имѣемъ здѣсь дѣло въ дѣйствительности: съ родомъ или съ домашней общиной (*Hausgenossenschaft*).

Памятники языка оставляютъ насъ въ сомнѣніи относи-

тельно того, было ли у всѣхъ германцевъ одно общее названіе для рода, и если было, то какое именно. Этимологически греческому *genos* и латинскому *gens* соответствует готское *kunī* — средне-германское *künne*, — которое и употреблялось въ томъ же смыслѣ. На времена материнскаго права указываетъ то, что названіе жены происходитъ отъ того же корня, какъ и названіе рода: по гречески *gyné*, по славянски жена, по готски *qvinō*, и на древнегерманскомъ языкѣ — *kona*, *kupa*. У лонгобардовъ и бургундовъ находимъ мы, какъ уже сказано, слово *faqa*, которое Гриммъ производитъ отъ гипотетическаго корня *fisap* — производить. Я предпочелъ бы объясненіе этого слова болѣе явственнымъ происхожденіемъ его отъ *faqan* — ѣхать, странствовать, и пониманіе подъ нимъ отдѣльной прочной группы переселяющагося народа, состоящей, какъ это почти само собою разумѣется, изъ родственниковъ. Имѣвшее такое значеніе слово *faqa* въ теченіе многовѣковыхъ переселеній сначала на востокъ, потомъ на западъ, постепенно было перенесено и на самую родовую общину. Далѣе существуетъ еще готское слово *sibja*, англосакское *sib*, староверхнегерманское — *sippia*, *sippa* (*Sippe*). На древненорманскомъ языкѣ употребляется только множественное число *sifjar* — родственники; единственное же число встрѣчается только какъ имя богини *Sif*. Наконецъ еще одно выраженіе встрѣчается въ пѣснѣ о Гильдебрандѣ (*Hildebrandslied*), гдѣ Гильдебрандъ спрашиваетъ у Гадубранда: «кто твой отецъ между мужами народа... или какого ты рода (*eddo huelihhes cnuosles du sis*)?» Если только существовало общее германское названіе для рода, то это было вѣроятно готское *kunī*; это подтверждается не только тождествомъ его съ соответствующими выраженіями родственныхъ языковъ, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что отъ него выводится слово *kuning* (*könig*, князь), первоначально обозначавшее родового или племенного главу. *Sibja* (*Sippe*), повидимому, совсѣмъ не можетъ быть принято въ соображеніе, по крайней мѣрѣ на древнегерманскомъ языкѣ *sifjar* означаетъ не только кровныхъ

родственниковъ, но и свойственниковъ, слѣдовательно охватываетъ членовъ по меньшей мѣрѣ двухъ родовъ; такимъ образомъ слово *sif* не значитъ даже «родъ».

Какъ въ мексиканскомъ и греческомъ, такъ и въ германскомъ боевомъ строѣ и конница, и клиновидная колонна пѣхоты расчленялись на родовыя общины. Когда Тацитъ говоритъ: «по семьямъ и родству», неопредѣленность этого выраженія объясняется тѣмъ, что во времена Тацита родъ въ Римѣ давно уже пересталъ быть живымъ союзомъ.

Рѣшающее значеніе имѣетъ одно мѣсто у Тацита, гдѣ сказано: братъ матери смотритъ на племянника, какъ на своего сына; нѣкоторые считаютъ даже кровную связь между дядей съ материнской стороны и племянникомъ священнѣе и тѣснѣе, чѣмъ связь между отцомъ и сыномъ, такъ что когда требуются заложники, сынъ сестры того человѣка, котораго хотятъ обязать къ чему нибудь, считается болѣе вѣрнымъ обезпеченіемъ, чѣмъ его собственный сынъ. Здѣсь мы имѣемъ живой образчикъ патриархальнаго, слѣдовательно первобытнаго строя, притомъ какъ чего-то, особенно характеристическаго для германцевъ *). Если членъ такой родовой общины отдавалъ своего сына въ залогъ вѣрности данной имъ клятвѣ, и если заложникъ становился жертвой нарушенія клятвы его отцомъ, то послѣдній отвѣчалъ за это только передъ судомъ

*) Тѣсная связь между дядей съ материнской стороны и племянникомъ, происходящая изъ эпохи материнскаго права и встрѣчающаяся у многихъ народовъ, была извѣстна грекамъ только въ области мифологіи героической эпохи. По словамъ Діодора (IV, 34) Мелеагръ убиваетъ сыновей Фестія, братьевъ своей матери Алтеи. Послѣдняя видитъ въ этомъ столь ужасное, незагладимое преступленіе, что проклинаетъ убійцу, собственнаго своего сына и призываетъ на него смерть. «Боги, какъ разсказываютъ, вняли ея желаніямъ и положили конецъ жизни Мелеагра». По тому же Діодору (VI, 44) аргонавты, приставъ подъ начальствомъ Геракла во Фракіи, узнаютъ тамъ, что Финей по наущеніямъ своей новой жены позорно притѣсняетъ двухъ своихъ сыновей, рожденных отъ брака съ первой его женой Клеопатрой, отвергнутой имъ теперь. Но между аргонавтами также находятся братья Клеопатры, слѣдовательно дяди пострадавшихъ съ материнской стороны. Они сейчасъ же вступаются за племянниковъ, освобождаютъ ихъ и убиваютъ сторожей.

своей совѣсти. Но если жертвой его измѣны становился сынъ родной сестры, то священнѣйшее родовое право было нарушено. Вина въ его смерти падала на ближайшаго кровнаго родственника, преимущественно передъ всѣми прочими обязаннаго заботиться объ этомъ мальчикѣ или юношѣ; послѣдняго нельзя было дѣлать заложникомъ или надо было соблюдать данное слово. Если бы мы не нашли никакого другого слѣда родовой организаціи у германцевъ, то одного этого мѣста у Тацита было бы достаточно, чтобы доказать ея существованіе.

Еще болѣе рѣшающимъ—именно потому, что оно относится къ эпохѣ, на 800 лѣтъ позднѣйшей,—является одно мѣсто въ древнесѣверной пѣсни о гибели боговъ (Götterdämmerung) и міра, Völuspâ. Въ этомъ произведеніи (Gesicht der Seherin) — гдѣ, какъ доказали теперь Бангъ (Bang) и Бугге (Bugge), вилетены также и христіанскіе элементы, говорится при описаніи времени всеобщаго вырожденія и порчи, которое будетъ предшествовать великой катастрофѣ:

Brædhr munu berjask ok at bönum verdask,
munu systrungar sifjum spilla,

т. е. «братья будутъ враждовать между собой и сдѣлаются убійцами другъ друга; *дѣти сестеръ* нарушать родство». Sysrungr означаетъ сына сестры матери; то, что дѣти отрекутся отъ своего кровнаго родства кажется, поэтому, еще большимъ преступленіемъ, чѣмъ братоубійство. Усиленіе заключается здѣсь въ словѣ systrungar, подчеркивающимъ родство съ материнской стороны. Если бъ вмѣсто него стояло syskina-börn, т. е. дѣти братьевъ и сестеръ, или syskina-synir, т. е. сыновья братьевъ и сестеръ, то вторая строчка по отношенію къ первой представляла бы не усиленіе, а ослабленіе. Слѣдовательно даже въ эпоху викинговъ, къ которой относится Völuspâ, воспоминаніе о материнскомъ правѣ еще не изгладилось въ Скандинавіи.

Вообще же материнское право во времена Тацита, по

крайней мѣрѣ у болѣе извѣстныхъ ему германскихъ племенъ, уже уступило отцовскому праву: имущество отца наследовали дѣти; если же дѣтей не было, то—братья и дяди со стороны какъ отца, такъ и матери. Допущеніе къ наследованію брата матери связано съ сохраненіемъ упомянутого выше обычая и свидѣлствуетъ въ то же время, насколько ясно было еще отцовское право у германцевъ. Остатки материнскаго права простираются въ самую глубь среднихъ вѣковъ. Въ то время происхожденію съ отцовской стороны не особенно довѣряли, особенно когда дѣло касалось крѣпостныхъ; такъ что когда какой-нибудь феодалъный владѣтель требовалъ отъ города выдачи ему бѣжавшаго крѣпостного, то—напр. въ Базелѣ, Аугсбургѣ и Кайзерслаутернѣ—крѣпостное состояніе обвиняемаго должно было быть засвидѣтельствовано подъ присягой шестью ближайшими его кровными родственниками, притомъ исключительно съ материнской стороны (Mauger, Städtewf. I. S. 381).

Дальнѣйшимъ пережиткомъ начавшаго вымирать материнскаго права является почти непонятное для римлянъ уваженіе германцевъ къ женскому полу. Молодые дѣвушки изъ благородныхъ фамилій считались надежнѣйшими заложницами при договорахъ съ германцами; послѣднимъ страшна мысль о томъ, что жены и дочери ихъ могутъ попасть въ плѣнъ или въ рабство, и это больше всего подстрекаетъ ихъ мужество въ бою. Что-то священное и пророческое видятъ они въ женщинѣ и слушаютъ ея совѣта даже въ самыхъ важныхъ дѣлахъ; такъ Веледа, бруктерійская жрица на рѣкѣ Липпе, была душой всего батавскаго возстанія, въ которомъ Цивилисъ во главѣ германцевъ и бельгійцевъ поколебалъ господство римлянъ во всей Галліи. Власть женщины въ домѣ повидимому никѣмъ не оспаривается; но правда и то, что она, старики, да дѣти исполняютъ всѣ домашнія работы, между тѣмъ какъ мужчины охотятся, пьютъ или бездѣлничаютъ. Такъ говоритъ Тацитъ; но такъ какъ онъ не говоритъ

кто воздѣлываетъ поля, и въ то-же время рѣшительно заявляетъ, что рабы платятъ только оброкъ, но не несутъ барщины, то вѣроятно на массѣ взрослыхъ мужчинъ лежала та немногая работа, которой требовало тогдашнее земледѣліе.

Форма брака у германцевъ представляла, какъ уже было сказано выше, постепенно приближающійся къ моногаміи парный бракъ. Это не была строгая моногамія, такъ какъ допускалось многоженство знатныхъ. Въ общемъ строго соблюдалось цѣломудріе дѣвушекъ (въ противоположность кельтамъ); Тацитъ съ особеннымъ сочувствіемъ говоритъ о ненарушимости брачнаго союза у германцевъ. Только прелюбодѣяніе жены можетъ служить, по его словамъ, поводомъ къ расторженію брака. Но въ этомъ случаѣ его повѣствованіе отличается нѣкоторой неполнотою и кромѣ того слишкомъ явно обнаруживаетъ его намѣреніе показать развратнымъ римлянамъ зеркало добродѣтелей. Достоверно по крайней мѣрѣ то, что если германцы въ своихъ лѣсахъ и были такими исключительными рыцарями добродѣтели, то достаточно было малѣйшаго соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, чтобы свести ихъ на уровень средняго большинства остальныхъ европейцевъ; послѣдній остатокъ строгости нравовъ исчезъ среди римскаго міра еще быстрее, чѣмъ германскій языкъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно почитать Григорія Турскаго. Само собою разумѣется, что въ германскихъ первобытныхъ лѣсахъ не могла господствовать утонченная роскошь чувственныхъ наслажденій, какъ это было въ Римѣ; поэтому германцы въ этомъ отношеніи и такъ уже имѣли преимущество передъ римлянами, и намъ нечего приписывать имъ еще небывалое у нихъ воздержаніе въ плотскихъ вещахъ, которое никогда и нигдѣ не господствовало въ цѣломъ народѣ.

Изъ родового строя вытекло обязательство наследовать отъ отца или родныхъ, какъ дружескія, такъ и враждебныя отношенія ихъ къ другимъ лицамъ; по наследству передавалось также право на полученіе виры или штрафа, вмѣсто права кровной мести, за убійство или оскорбленіе. Эта вира,

еще поколѣніе тому назадъ считавшаяся специфически германскимъ учрежденіемъ, открыта теперь у цѣлой массы народовъ, какъ обычная форма смягченія кровной мести, вытекающей изъ родовой организаціи. Мы находимъ ее такъ-же, какъ и обязанность гостепріимства, между прочимъ у американскихъ индѣйцевъ. Тацитово описаніе гостепріимства у германцевъ (*Germania*, гл. 21) почти до мелочей совпадаетъ съ тѣмъ, что Морганъ рассказываетъ по этому поводу объ индѣйцахъ.

Жаркіе и безконечные споры о томъ, подѣлили-ли уже германцы времянъ Тацита окончательно между собой пахотную землю или нѣтъ, и какъ толковать относящіеся къ этому вопросу мѣста, отошли уже теперь въ область минувшаго. Объ этомъ больше нечего говорить съ тѣхъ поръ, какъ было засвидѣтельствовано почти у всѣхъ народовъ первоначальное совмѣстное воздѣлываніе земли родомъ, а позднѣе коммунистическими семейными общинами (на которыя Цезарь указываетъ у свевовъ), и слѣдующее за нимъ распределеніе земли между отдѣльными семьями съ періодическими передѣлами, и съ тѣхъ поръ какъ дознано, что подобные періодическіе передѣлы земли въ самой Германіи мѣстами сохранились до нашего времени. Если германцы отъ совмѣстной обработки земли, которую Цезарь прямо приписываетъ свевамъ (по его словамъ у нихъ совсѣмъ не было отдѣльныхъ, или частныхъ полей), въ теченіе 150 лѣтъ, протекшихъ до Тацита, перешли къ индивидуальной обработкѣ съ ежегодными передѣлами земли, то это поистинѣ былъ достаточный прогрессъ. Переходъ отъ первой ступени къ полной частной собственности на землю въ теченіе такого короткаго промежутка и безъ всякаго чужого вмѣшательства былъ прямо невозможенъ. Поэтому я читаю въ Тацитѣ только то, что онъ ясно говоритъ: они мѣняють (или передѣляютъ) ежегодно обрабатываемую землю, и при этомъ остается еще много общей земли. Эта ступень земледѣлія и землевладѣнія вполнѣ соответствуетъ тогдашней родовой организаціи германцевъ.

Только что изложенный параграфъ я оставилъ въ такомъ видѣ, какъ онъ былъ помѣщенъ въ прежнихъ изданіяхъ. Но вопросъ между тѣмъ принялъ другой оборотъ. Съ тѣхъ поръ какъ Ковалевскій (ср. стр. 44) доказалъ, что въ очень многихъ мѣстахъ, если не повсемѣстно, патріархальная домашняя община была переходной ступенью между патріархальной коммунистической и современной изолированной семьями, вопросъ ставится уже не относительно общей или частной собственности на землю, о которой спорили Мауреръ (Maurer) и Вайцъ (Waiz), а относительно *формы* общей собственности. Не подлежитъ сомнѣнію, что во времена Цезаря у свевовъ существовала не только общая собственность, но и совмѣстная обработка земли за общій счетъ. Но представляла-ли хозяйственная единица родъ или домашнюю общину, или промежуточную между ними коммунистическую группу родственниковъ, и не встрѣчались-ли всѣ три группы въ зависимости отъ различныхъ условій мѣстности, — объ этомъ еще долго будутъ спорить. Что-же касается Ковалевскаго, то онъ утверждаетъ, что изображенное Тацитомъ состояніе предполагаетъ существованіе не марки или деревенской общины, но домашней общины, изъ которой лишь гораздо позднѣе вслѣдствіе увеличенія народонаселенія развилась деревенская община.

Въ такомъ случаѣ поселенія, занятыя германцами во времена римлянъ, а также основанныя ими позднѣе въ отнятой у римлянъ области, должны были состоять не изъ деревень, а изъ крупныхъ семейныхъ общинъ, изъ которыхъ каждая охватывала нѣсколько поколѣній, и обрабатывала соразмѣрное пространство земли, а окружающими пустырями пользовались сообща съ сосѣдями. Слова Тацита о смѣнѣ полей надо тогда дѣйствительно понимать въ агрономическомъ смыслѣ, т. е., что община ежегодно запахивала новое пространство земли, а прошлогоднее поле оставляла подъ паръ или предоставляла ему снова совершенно загдохнуть. При тогдашнемъ рѣдкомъ населеніи все еще оставалось достаточно свободной земли,

чтобы дѣлать излишними всякіе споры за обладаніе землею. Лишь нѣсколько столѣтій спустя, когда число душъ, составлявшихъ общину, настолько увеличилось, что совмѣстное хозяйство при тогдашнихъ условіяхъ производства сдѣлалось невозможнымъ, общины распались, и до того находившіеся въ совмѣстномъ пользованіи луга и поля извѣстнымъ уже образомъ были подѣлены сначала временно, а позднѣе раз навсегда между возникающими индивидуальными хозяйствами, въ то время какъ лѣса, пастбища и воды оставались въ общемъ владѣніи.

Для Россіи такой ходъ развитія, повидному, вполне доказанъ исторически. Что касается Германіи, а затѣмъ и другихъ германскихъ земель, то нельзя отрицать, что предположеніе Ковалевскаго во многихъ отношеніяхъ лучше объясняетъ источники и съ большей легкостью разрѣшаетъ затрудненія, чѣмъ предыдущее предположеніе, возводившее деревенскую общину до временъ Тацита. Древнѣйшіе документы, какъ напр.: *Codex Laureshamensis* въ общемъ гораздо лучше объясняются при помощи домашней общины, чѣмъ при помощи деревенской марки. Но съ другой стороны это предположеніе открываетъ новыя затрудненія и ставитъ новые вопросы, рѣшить которые могутъ лишь дальнѣйшія изслѣдованія. Я не могу однако отрицать, что существованіе и въ Германіи, Скандинавіи и Англіи домашней общины въ качествѣ промежуточной ступени имѣетъ за себя большую вѣроятность.

Между тѣмъ какъ въ описаніи Цезаря только часть германцевъ пришла къ прочной осѣлости, а другая еще искала себѣ мѣстъ для поселенія, въ эпоху Тацита они имѣютъ за собой уже цѣлое столѣтіе осѣдой жизни: въ соответствии съ этимъ находится и прогрессъ ихъ въ производствѣ средствъ къ жизни. Они живутъ въ бревенчатыхъ домахъ; одежда ихъ носитъ еще первобытный лѣсной характеръ; грубые шерстяные плащи, звѣриныя шкуры; у женщинъ и знатныхъ плотняная нижняя одежда. Пищу ихъ составляютъ: молоко, мясо, дикіе плоды и — какъ прибавляетъ Плиній — овсяная

каша (и теперь еще кельтское національное кушанье въ Ирландіи и Шотландіи). Имущество ихъ заключается въ скотѣ; но скотъ этотъ плохой породы: быки и коровы малы, невзрачны, безъ рогъ; лошади — маленькіе пони и плохо бѣгаютъ. Деньги употребляются рѣдко, въ маломъ количествѣ, притомъ только римскія. Золота и серебра германцы не обрабатывали и не дорожили имъ; желѣзо встрѣчалось рѣдко и повидимому оно почти исключительно ввозилось, а не добывалось, по крайней мѣрѣ у племенъ, жившихъ по Рейну и по Дунаю. Руническія письма (подражавшія греческому или латинскому шрифту) были извѣстны только какъ тайное письмо и употреблялись лишь для религіознаго волхвованія. Человѣческія жертвы были еще въ ходу. Словомъ, мы имѣемъ здѣсь передъ собой народъ, который только что еще поднялся со средней ступени варварства на высшую. Но между тѣмъ какъ у племенъ, непосредственно граничившихъ съ римлянами, облегченный ввозъ продуктовъ римской индустріи препятствовалъ развитію самостоятельной металлообрабатывающей и ткацкой промышленности, послѣдняя несомнѣнно развилась на сѣверо-востокѣ, по берегамъ Балтійскаго моря. Найденныя въ плезвигскихъ болотахъ вмѣстѣ съ римскими монетами конца II вѣка принадлежности вооруженія — длинный желѣзный мечъ, кольчуга, серебряный шлемъ и т. под., а также распространившіяся вслѣдствіе переселенія народовъ германскія металлическія издѣлія являютъ совершенно особый типъ довольно совершенной выработки, даже когда они опираются на первоначальные римскіе образцы. Вліяніе классической цивилизаціи вездѣ, за исключеніемъ Англіи, уничтожило эту родную промышленность. Какъ единообразно возникла и развилась эта промышленность, видно, напримѣръ, по бронзовымъ запястьямъ; запястья, найденныя въ Бургундіи, Румыніи и по берегамъ Азовскаго моря, замѣчательно схожи съ англійскими и шведскими запястьями; это потому, что всѣ они несомнѣнно германскаго происхожденія.

Высшей ступени варварства соотвѣтствуетъ и общественный строй. По Тациту повсюду существовалъ совѣтъ старшинъ (principes), рѣшавшій менѣе важныя дѣла и подготовлявшій важнѣйшія для рѣшенія ихъ въ народномъ собраніи (послѣднее на низшей ступени варварства, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ мы его знаемъ—у индѣйцевъ, существуетъ лишь для каждаго рода, но еще не для цѣлаго племени или союза племенъ). Старшины (principes) еще рѣзко отличаются отъ военныхъ вождей (duces), совершенно какъ у ирокезовъ. Первые живутъ уже отчасти на почетные дары, въ видѣ хлѣба, скота и т. под., приносимые членами племени; какъ и въ Америкѣ они по большей части избираются изъ одной и той же семьи; переходъ къ отцовскому праву, также какъ въ Греціи и Римѣ, способствуетъ постепенному превращенію избираемости въ наслѣдственность и возникновенію благодаря этому аристократической семьи въ каждомъ родѣ. Эта древняя, такъ называемая племенная аристократія по большей части погибла во время великаго переселенія народовъ или вскорѣ послѣ него. При избраніи военныхъ предводителей, происхожденіе не принималось во вниманіе, а только способности. Власть ихъ была не велика, и они должны были дѣйствовать примѣромъ; собственно же дисциплинарную власть надъ войскомъ Тацитъ прямо приписываетъ жрецамъ. Главная власть принадлежала народному собранію. Король, или старшина племени, предсѣдательствовалъ въ немъ, а народъ рѣшалъ дѣла: «нѣтъ» выражалось ропотомъ, «да» — крикомъ и шумомъ оружія. Народное собраніе было вмѣстѣ и судомъ; сюда приносились жалобы и здѣсь постановлялись рѣшенія по нимъ; здѣсь же произносились смертные приговоры, причемъ такое наказаніе полагалось только за трусость, народную измѣну и противоестественный развратъ. Въ родахъ и другихъ подраздѣленіяхъ также судило все общество подъ предсѣдательствомъ старшины, который, какъ и во всѣхъ первобытныхъ германскихъ судахъ, могъ только руководить

преніями и ставить вопросы; приговоры же искони и повсюду постановлялись у германцевъ всѣмъ обществомъ.

Со временъ Цезаря успѣли образоваться союзы племенъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ были уже короли; верховный военачальникъ, какъ и у грековъ и римлянъ, стремился уже къ тиранніи и иногда достигалъ ея. Такіе счастливые узурпаторы никоимъ образомъ не были однако неограниченными властителями; но они начинали уже разрывать узы родовой организаціи. Между тѣмъ какъ прежде вольноотпущенные рабы занимали подчиненное положеніе, такъ какъ не могли принадлежать ни къ одному изъ родовъ, при новыхъ короляхъ такіе любимцы часто стали достигать высокаго званія, богатства и почета. То же самое произошло послѣ завоеванія римской имперіи германскими вождями, сдѣлавшимися теперь королями обширныхъ странъ. У франковъ королевскіе рабы и вольноотпущенники играли большую роль сначала при дворѣ, а затѣмъ и въ государствѣ; отъ нихъ по большей части и происходитъ новая аристократія.

Учрежденіемъ, способствовавшимъ развитію королевской власти, была дружина. Уже у американскихъ краснокожихъ видѣли мы, какъ при существованіи родовой организаціи образуются частныя общества для веденія войнъ на собственный рискъ. У германцевъ такія частныя общества сдѣлались уже постоянными. Предводитель, завоевавшій себѣ нѣкоторую извѣстность, собиралъ вокругъ себя жадныхъ къ добычѣ молодыхъ людей, связавъ ихъ съ собою обязательствомъ взаимной личной вѣрности. Онъ продовольствовалъ и одарялъ ихъ, и организовалъ ихъ іерархически: для небольшихъ походовъ служила гвардія тѣлохранителей и всегда находившійся на готовѣ отрядъ, для болѣе крупныхъ предпріятій — готовый корпусъ офицеровъ. Какъ ни слабы должны были быть эти дружины — а слабость ихъ обнаружилась, напримѣръ, позднѣе, во времена Одоакра въ Италіи, — онѣ все-таки послужили зародышемъ упадка старинной народной свободы, что онѣ и доказали во время и послѣ великаго переселенія на-

родовъ. Во-первыхъ, онѣ способствовали развитію королевской власти; во-вторыхъ, какъ замѣчаетъ уже Тацитъ, ихъ можно было держать въ порядкѣ только при помощи постоянныхъ войнъ и хищническихъ набѣговъ. Хищничество стало цѣлью. Если предводителю дружины нечего было дѣлать по близости, то онъ отправлялся къ другимъ народамъ, у которыхъ въ это время происходила война и можно было поживиться добычей. Германскія вспомогательныя войска, цѣлыми массами сражавшіяся подъ римскими знаменами даже противъ германцевъ же, отчасти были составлены изъ такихъ дружинъ. Ландскнехты, позоръ и проклятіе Германіи, были уже здѣсь на лицо въ своемъ первоначальномъ видѣ. Послѣ завоеванія римской имперіи эти королевскіе дружинники вмѣстѣ съ несвободными составили главный контингентъ позднѣйшей знати.

Такимъ образомъ въ общемъ у соединенныхъ въ народы германскихъ племенъ господствовала та же организація, какая существовала у грековъ героическаго періода и у римлянъ такъ называемой эпохи царей: народное собраніе, со- вѣтъ родовыхъ старшинъ и военный предводитель, стремящійся уже къ настоящей королевской власти. Это былъ самый совершенный строй, какой только могъ развиваться при родовой организаціи: это былъ образцовый строй высшей ступени варварства. При первой попыткѣ общества перейти границы, внутри которыхъ этотъ строй являлся удовлетворительнымъ, родовой организаціи наступилъ конецъ: она была расторгнута, и на ея мѣсто выступило государство.

VIII. Образование государства у германцев.

По свидѣтельству Тацита германцы были очень многочисленнымъ народомъ. Приблизительное представленіе о численности отдѣльныхъ германскихъ народностей даетъ намъ Цезарь. Онъ опредѣляетъ численность появившихся на лѣвомъ берегу Рейна усипетовъ и тенктеровъ въ 180.000 человѣкъ, включая сюда женщинъ и дѣтей. Такимъ образомъ на отдѣльную народность приходится около 100.000 человѣкъ*), что представляетъ уже гораздо болѣе значительную цифру, чѣмъ та, которой достигала совокупность прокезовъ въ эпоху ихъ процвѣтанія, когда они. въ числѣ около 20.000 человѣкъ, были грозою всей страны отъ великихъ озеръ до рѣкъ Огіо и Потомака. Если мы попытаемся на основаніи имѣющихся у насъ свидѣтельствъ сгруппировать по мѣстамъ ихъ жительства болѣе извѣстныя намъ народности, жившія по близости Рейна, то увидимъ, что въ среднемъ выводѣ отдѣльная народность занимаетъ на картѣ пространство приблизительно равное прусскому административному округу, т. е. около 10.000 кв. километровъ или около 182 географическихъ миль.

Великая же Германія (*Germania magna*) римлянъ, простираясь до Вислы, охватываетъ круглымъ числомъ 500.000 кв. километровъ. При средней численности отдѣльныхъ народностей въ 100.000 человѣкъ, все населеніе великой Германіи должно

*) Принимаемое здѣсь число подтверждается однимъ мѣстомъ у Діодора относительно галльскихъ кельтовъ: „Въ Галліи живетъ много народностей различной численности. Въ наиболѣе многочисленныхъ изъ нихъ число душъ достигаетъ около 200.000, въ самыхъ же значительныхъ оно достигаетъ около 50.000“ (*Diodorus Siculus*, V, 25). Среднее число равняется такимъ образомъ 125.000 человѣкъ; галльскія же народности при ихъ болѣе высокомъ состояніи развитія безусловно должны были нѣсколько превосходить численностью германскія.

было достигать 5 миллионъ,—цифра, весьма значительная для варварской группы народовъ, но крайне малая для нашихъ условій: 10 человекъ на квадратный километръ или 550 на географическую квадратную милю. По этимъ однако вовсе еще не исчерпывается число жившихъ въ то время германцевъ. Мы знаемъ, что вдоль Карпатъ и внизъ до самого устья Дуная жили германскія народности готскаго племени: бастарны, невкны и др., столь многочисленныя, что Плиній считалъ ихъ пятымъ главнымъ племенемъ германцевъ, и что еще въ первые годы царствованія Августа народности эти, которыя за 180 лѣтъ до нашей эры состояли уже на службѣ македонскаго царя Персея, проникли до самыхъ окрестностей Адрианополя. Если мы даже будемъ считать численность ихъ только въ 1 миллионъ, то найдемъ, что общее вѣроятное число германцевъ въ началѣ нашего лѣтосчисленія равнялось по крайней мѣрѣ шести миллионамъ.

Вслѣдъ за осыдлымъ расселеніемъ число германцевъ должно было увеличиваться съ возрастающей быстротой; это доказываютъ одни уже упомянутые выше успѣхи промышленности. Находки въ шлезвигскихъ болотахъ, судя по находившимся въ ихъ числѣ римскимъ монетамъ, относятся къ третьему вѣку. Въ эту эпоху на берегахъ Балтійскаго моря уже господствовала, слѣдовательно, довольно развитая металлообрабатывающая и ткацкая промышленность при оживленныхъ сношеніяхъ съ римской имперіей и при существованіи извѣстной роскоши въ средѣ богатыхъ людей,—все это признаки болѣе густого населенія. Въ это время начинается также всеобщая наступательная война германцевъ по всей линіи вдоль Рейна, римской пограничной стѣны и Дуная, на разстояніи отъ Балтійскаго и до Чернаго моря, что служить прямымъ доказательствомъ все увеличивающагося и стремящагося выйти изъ своихъ границъ населенія. Триста лѣтъ продолжалась борьба, во время которой все главное племя готскихъ народностей (за исключеніемъ скандинавскихъ готовъ и бургундовъ) передвинулось на юго-востокъ и обра-

зовало лѣвое крыло огромной наступательной линіи, въ центрѣ которой, по верхнему теченію Дуная, находились верхнегерманцы (гермионы), а на правомъ крылѣ, у Рейна, пробились впередъ исевоны, называемые теперь франками; завоеваніе Британіи выпало на долю ингевоновъ. Въ концѣ V вѣка путь въ обезсиленную, истекшую кровью и безпомощную римскую имперію былъ открытъ наступавшимъ германцамъ.

Выше мы видѣли колыбель древней греческой и римской цивилизаціи; теперь мы стоимъ у гроба ея. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій по всѣмъ странамъ, лежащимъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря, проходилъ нивелирующий стругъ римскаго всемірнаго владычества. Всѣ національные языки, кромѣ греческаго, должны были уступить свое мѣсто испорченному латинскому; не было больше національныхъ различій; не было больше галловъ, иберовъ, лигуровъ, нориковъ: всѣ сдѣлались римлянами. Римская администрація и римское право повсюду расторгли древніе родовые союзы и этимъ уничтожили послѣдній остатокъ мѣстной и національной самостоятельной общественной дѣятельности. Свѣжеиспеченное римское гражданство не вознаграждало за эту потерю: оно выражало не національность, а отсутствіе національности. Элементы для образованія новыхъ націй повсюду имѣлись на лицо: латинскіе діалекты различныхъ провинцій все болѣе различались между собой; естественныя границы, пѣ-когда сдѣлавшія Италію, Испанію, Галлію и Африку самостоятельными областями, продолжали существовать и все еще давали себя чувствовать. Но нигдѣ не было силы, которая могла бы образовать изъ этихъ элементовъ новыя націи; нигдѣ не оставалось и слѣда способности къ развитію, силы сопротивленія, не говоря уже о творческой силѣ.

Для всей этой огромной массы людей, занимавшей огромное пространство, единственной соединительной связью было римское государство, съ теченіемъ времени ставшее ея худшимъ врагомъ и притѣснителемъ. Провинціи уничтожили Римъ;

Римъ самъ сдѣлался такимъ же провинціальнымъ городомъ, какъ и всѣ другіе, правда, городомъ привилегированнымъ, но не господствующимъ уже, не представляющимъ уже средоточія всемірной имперіи, не являющимся даже резиденціей императоровъ и ихъ соправителей, которые стали жить въ Константинополь, Трирѣ, Миланѣ. Римское государство сдѣлалось гигантской, сложной машиной, исключительно приспособленной для высасыванія подданныхъ. Всякаго рода подати и государственныя повинности погружали массу населенія во все болѣе глубокую нищету; грабительство намѣстниковъ, сборщиковъ податей и солдатъ дѣлало гнетъ невыносимымъ. Вотъ до чего дошло римское государство со своимъ всемірнымъ владычествомъ: свое право на существованіе оно основывало на томъ, что поддерживало внутренній порядокъ и защищало отъ нападенія варваровъ извнѣ; но его порядокъ былъ хуже сильнѣйшаго безпорядка, а граждане его, которыхъ оно якобы защищало отъ варваровъ, ожидали этихъ варваровъ, какъ своихъ избавителей.

Состояніе общества было не менѣе безнадежнымъ. Уже въ послѣднее время существованія республики римское правительство вступило на путь безжалостной эксплуатаціи завоеванныхъ провинцій; императорская власть не прекратила, а напротивъ урегулировала эту эксплуатацію. Чѣмъ болѣе государство приходило въ упадокъ, тѣмъ выше подымались подати и повинности, тѣмъ безсовѣстнѣе грабили и вымогали чиновники. Торговля и промышленность никогда не были дѣломъ владычествующихъ надъ народами римлянъ; только въ ростовщичество превзошли они всѣ народы, бывшіе до и послѣ нихъ. Существовавшая раньше и сохранявшаяся еще торговля погибла вслѣдствіе грабительства чиновниковъ; все, что отъ нея осталось, сосредоточилось въ восточной, греческой части имперіи, не входящей въ нашъ теперешній обзоръ. Всеобщее обѣднѣніе, регрессъ торговли, ремесла, искусствъ, уменьшеніе народонаселенія, упадокъ городовъ, возвращеніе земледѣлія къ

болѣе низшей ступени развитія — таковы были конечные результаты мірового владычества римлянъ.

Земледѣліе, которое во всемъ древнемъ мірѣ составляло главную отрасль производства, теперь снова сдѣлалось ею въ большей степени, чѣмъ когда-либо. Въ Италіи огромныя составныя имѣнія, латифундіи, съ конца республики занимавшія почти все пространство страны, эксплуатировались двоякимъ способомъ: или въ качествѣ пастбищъ для скота, гдѣ населеніе было замѣнено овцами и быками, требовавшими ухода лишь немногихъ рабовъ, или въ качествѣ виллъ, гдѣ при помощи массы рабовъ велось садоводство въ широкихъ размѣрахъ, отчасти для удовлетворенія стремленія къ роскоши владѣльца, отчасти для доставки продуктовъ на городскіе рынки. Огромныя пастбища сохранялись и даже расширялись; виллы же съ ихъ садоводствомъ пришли въ упадокъ съ обѣднѣніемъ ихъ владѣльцевъ и съ разореніемъ городовъ. Опиравшееся на рабскій трудъ хозяйство латифундій перестало приносить доходъ; между тѣмъ оно представляло единственную возможную въ то время форму крупнаго земледѣлія. Мелкое хозяйство снова сдѣлалось единственной выгодной формой земледѣлія. Виллы одна за другою стали дробиться на небольшіе участки, которые раздавались наслѣдственнымъ арендаторамъ, платившимъ опредѣленную сумму, или же парціаріямъ (*partiarum*), скорѣе управляющимъ, чѣмъ арендаторамъ, получавшимъ за свой трудъ лишь шестую или даже девятую часть годового продукта. Но преимущественно эти мелкіе участки земли отдавались колонамъ, которые платили опредѣленный ежегодный взносъ, были прикрѣплены къ землѣ и могли быть продаваемы вмѣстѣ съ ихъ участками; они не были, правда, рабами, но не были и свободными; они не могли вступать въ бракъ со свободными людьми, а на браки ихъ между собой не смотрѣли какъ на вполне дѣйствительные, но, подобно бракамъ между рабами, они считались простымъ сожителемъ (*contubernium*). Колоны эти были предшественниками средневѣковыхъ крѣпостныхъ.

Древнее рабство пережило себя. Ни въ крупномъ сельскомъ хозяйствѣ, ни въ городскихъ мануфактурахъ оно не приносило уже сколько-нибудь заслуживающаго вниманія дохода,—для его продуктовъ не стало рынка. Въ мелкомъ же земледѣліи и мелкой промышленности, къ которымъ было сведено гигантское производство цвѣтущаго періода государства, не было мѣста большому числу рабовъ. Въ обществѣ оставалось мѣсто для рабовъ, только въ качествѣ домашнихъ слугъ и предметовъ роскоши. Но вымпрающаго рабства хватало еще на то, чтобы заставить считать всякій производительный трудъ дѣломъ рабовъ, недостойнымъ свободнаго римлянина, которымъ вѣдь былъ теперь всякій. Отсюда съ одной стороны вытекало возрастающее число отпусковъ на волю излишнихъ, ставшихъ въ тягость рабовъ, съ другой—увеличеніе числа колоновъ и разорившихся свободныхъ (напоминающихъ «бѣдныхъ бѣлыхъ», *poor whites*, прежнихъ невольничьихъ штатовъ Америки).

Рабство вымерло, потому что оно не окупалось болѣе. Но умирая, оно оставило свое ядовитое жало въ видѣ презрѣнія къ производительному труду свободныхъ. Въ этомъ заключался безвыходный гупой переулочъ, въ которомъ застрялъ римскій міръ: рабство было экономически невозможно, свободный трудъ былъ морально унизителенъ. Первое не могло уже быть основной формой общественнаго производства; второй еще не могъ сдѣлаться ею. Помочь здѣсь могла только полная революція.

Не лучше было положеніе вещей въ провинціяхъ; больше всего мы имѣемъ извѣстій о немъ изъ Галліи. Тамъ, кромѣ колоновъ, были еще свободные мелкіе земледѣльцы. Послѣдніе, чтобы спастись отъ насилій чиновниковъ, судей и ростовщиковъ, нерѣдко отдавались подъ защиту, подъ патронатъ какого-нибудь могущественнаго лица, и такъ поступали не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя общины, такъ что въ IV вѣкѣ императоры неоднократно издавали запрещенія противъ такого образа дѣйствій. Но помогъ ли патронатъ искавшимъ защиты?

Патронъ выставялъ условіемъ, чтобы они передали свои участки земли въ его собственность, взаѣмъ чего онъ брался обезпечить имъ пожизненное пользованіе этими участками. Эту уловку приняла себѣ къ свѣдѣнію церковь, и въ IX и X вѣкѣ широко примѣнила ее для увеличенія царства Божія и собственныхъ поземельныхъ владѣній. Правда, въ разсматриваемую нами эпоху, около 475 года, марсельскій епископъ Сальвіанъ еще возставалъ съ негодованіемъ противъ такихъ хищеній и рассказываетъ, что вслѣдствіе невыносимаго гнета римскихъ чиновниковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ многіе «римляне» бѣжали въ области, уже занятые варварами, а поселившіеся тамъ римскіе граждане ничего не боялись такъ сильно, какъ снова попасть подъ римскую власть. Тотъ фактъ, что родители въ то время вслѣдствіе нищеты часто выпущены были продавать своихъ дѣтей въ рабство, подтверждается изданнымъ противъ этого закономъ.

Германскіе варвары, за то, что они освободили римлянъ отъ ихъ собственнаго государства, взяли себѣ двѣ трети всей ихъ земли и подѣлили ее между собою. Дѣлежъ происходилъ на основахъ родовой организаціи; и при сравнительно небольшомъ числѣ завоевателей обширныя пространства земли остались неподѣленными, частью составляя владѣніе всего народа, частью владѣніе отдѣльныхъ племенъ и родовъ. Въ каждомъ родѣ пахотныя земли и луга были розданы по жребію въ видѣ равныхъ участковъ индивидуальнымъ хозяйствамъ. Происходили ли затѣмъ время отъ времени передѣлы земли — этого мы не знаемъ, во всякомъ случаѣ они, если и были, то скоро вышли изъ употребленія въ римскихъ провинціяхъ, и индивидуальныя участки сдѣлались отчуждаемою частной собственностью, алодомъ. Лѣса и пастбища не были подѣлены и остались въ общемъ пользованіи; способъ этого пользованія, такъ же какъ и способъ обработки подѣленной земли регулировался на основаніи древняго обычая и согласно съ постановленіемъ общества. Чѣмъ дольше сидѣлъ родъ въ своей деревнѣ и чѣмъ болѣе сливались германцы съ римлянами, тѣмъ болѣе отсту-

палъ на задній планъ родственный характеръ союза передъ его территоріальнымъ характеромъ; родъ исчезъ въ общинѣ-маркѣ, въ которой, впрочемъ, часто еще замѣтны слѣды ея происхожденія изъ родства между ея членами. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ странахъ, гдѣ сохранилась марка—въ сѣверной Франціи, въ Англіи, Германіи и Скандинавіи—родовая организація незамѣтно перешла въ территоріальную и благодаря этому приобрѣла возможность приладиться къ государству.

Если кровная связь между членами рода такимъ образомъ скоро потерялась, то это было слѣдствіемъ того, что и въ племени, и во всемъ народѣ органы родового строя выродились вслѣдствіе завоеванія. Мы знаемъ, что господство надъ покоренными несовмѣстимо съ родовой организаціей. Здѣсь мы видимъ это въ большемъ масштабѣ. Германскіе народы, слѣлавшись властителями римскихъ провинцій, должны были организовать завоеванную страну. Но она не могла ни включать массу римлянъ въ свои родовыя группы, ни властвовать надъ ними при помощи этихъ группъ. Во главѣ римскихъ мѣстныхъ органовъ администраціи, которые сначала по большей части были сохранены, надо было поставить что-нибудь взамѣнъ римскаго государства, а замѣнить его ничто не могло, кромѣ другого государства. Такимъ образомъ органы родового строя должны были превратиться въ государственные органы, и подъ давленіемъ обстоятельствъ это должно было совершиться очень быстро. Между тѣмъ главнымъ представителемъ народа завоевателей былъ военный предводитель; защита завоеванной области внутри и извнѣ требовала усиленія его власти; наступилъ моментъ для превращенія власти военачальника въ королевскую власть, и превращеніе это совершилось.

Возьмемъ, на примѣръ, франкское государство. Здѣсь побѣдоносному салическому народу достались въ полное владѣніе не только римскія общественныя земли, но и всѣ огром-

ныя пространства земли, которыя не были еще подѣлены между крупными и мелкими марками и деревенскими общинами, именно всѣ обширныя лѣсныя пространства. Первымъ дѣломъ франкскаго короля, изъ простаго высшаго военачальника ставшаго дѣйствительнымъ государемъ страны, было превратить эту собственность народа въ королевское владѣніе, украсть ее у народа и раздарить ее или раздать заимообразно своимъ приближеннымъ. Кругъ этихъ приближенныхъ, первоначально заключавшій въ себѣ только его личную военную дружину и остальныхъ, низшихъ военачальниковъ, вскорѣ сталъ пополняться не только римлянами, т. е. романизованными галлами, которые сдѣлались необходимы королю по своей грамотности, образованію и знанію мѣстнаго романскаго и латинскаго литературнаго языка, такъ же какъ и мѣстныхъ законовъ, но и рабами, крѣпостными и вольноотпущенниками, которые составляли его дворъ и между которыми онъ выбиралъ своихъ фаворитовъ. Всѣмъ этимъ людямъ раздавались части общественной земли, сначала обыкновенно въ видѣ полнаго дара, позднѣе въ формѣ бенефіцій, которыя первоначально по большей части отдавались въ пользованіе на все время царствованія даннаго короля; такимъ образомъ на счетъ народа была положена основа новой знати.

Но это еще не все. Вслѣдствіе обширности государства имъ нельзя было управлять средствами древняго родового строя; советъ старѣйшинъ, если онъ не вышелъ давно изъ употребленія, не могъ больше собираться и вскорѣ былъ замѣненъ постоянными приближенными короля. Прежнее народное собраніе съ виду продолжало существовать, но съ теченіемъ времени оно все болѣе и болѣе становилось просто собраніемъ низшихъ военачальниковъ и вновь появившихся аристократовъ. Свободныхъ, владѣвшихъ землею крестьянъ, составлявшихъ главную массу франкскаго народа, вѣчныя гражданскія и завоевательныя войны—послѣднія особенно въ царствованіе Карла Великаго—довели до совершенно такого же исто-

щенія и разоренія, въ какомъ находились римскіе крестьяне, въ послѣдніе годы республики. Крестьяне эти, первоначально составлявшіе все войско, а послѣ завоеванія Франціи—главное ядро его, въ началѣ IX вѣка были до такой степени обѣднѣвши, что изъ каждаго пяти человѣка могъ нести военную службу только одинъ. При преемникахъ Карла Великаго разореніе крестьянскаго сословія франковъ было довершено внутренними войнами, слабостью королевской власти и соотвѣствующими захватами знатныхъ, къ которымъ присоединились еще учрежденные Карломъ Великимъ гауграфы (предсѣдатели областныхъ судовъ), добивавшіеся наслѣдственности своей должности, и наконецъ нападеніями нормановъ. Пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ смерти Карла Великаго франкское государство лежало у ногъ нормановъ столь же безпомощно, какъ за четыреста лѣтъ передъ тѣмъ римское государство лежало у ногъ франковъ. И не только по внѣшнему безсилію, но и по внутреннему общественному порядку, или вѣрнѣе безпорядку, французское государство почти совершенно уподобилось римской имперіи временъ упадка. Свободные франкскіе крестьяне пришли въ такое же положеніе, въ какомъ находились ихъ предшественники, римскіе колоны. Разоряемые войнами и грабежами, они были вынуждены отдаться подъ покровительство вновь возникшей знати или подъ покровительство церкви, такъ какъ королевская власть не въ силахъ была защитить ихъ; но это покровительство досталось имъ дорогою цѣною. Подобно тому какъ нѣкогда галльскіе крестьяне, и они должны были передать право собственности на свои участки своему покровителю и получали отъ него эти участки обратно въ различнаго рода пользованіе, формы котораго мѣнялись, но всегда не иначе какъ взамѣнъ извѣстныхъ повинностей или оброка; разъ попавъ въ такой видъ зависимости, крестьяне мало-по-малу лишились и личной свободы, нѣсколько поколѣній спустя, они были уже по большей части крѣпостными. Какъ быстро погибло свободное крестьянское сословіе,

видно изъ приписной поземельной книги сентъ-жерменскаго аббатства (Saint-Germain des Prés), находившагося въ то время близъ Парижа, а теперь находящагося въ самомъ Парижѣ. На обширныхъ, разбросанныхъ въ окрестностяхъ имѣніяхъ этого аббатства жило въ то время,—это было еще при жизни Карла Великаго,—2788 семействъ, почти исключительно франковъ съ германскими именами. Между ними было 2080 колоновъ, 35 литовъ, 220 рабовъ и только 8 свободныхъ поселенцевъ! Образъ дѣйствія, который Сальвіанъ называлъ безбожнымъ и который заключался въ присвоеніи себѣ покровителемъ земельного участка крестьянина и въ выдачѣ его ему лишь въ пожизненное пользованіе, повсюду сталъ теперь практиковаться церковью по отношенію къ крестьянамъ. Прототипомъ для барщины, которая все болѣе входитъ теперь въ употребленіе, послужили какъ римскія ангаріи, или государственныя повинности, такъ и принудительный трудъ членовъ германской марки при проведеніи дорогъ и мостовъ и другихъ общественныхъ работахъ. Такимъ образомъ черезъ четыреста лѣтъ вся масса населенія съ виду снова вернулась къ своей исходной точкѣ.

Но это доказываетъ только двѣ вещи: во-первыхъ, что дѣленіе общества на классы и распределеніе собственности, господствовавшія въ римской имперіи временъ упадка, вполне соотвѣтствовали тогдашней ступени земледѣльческаго и промышленнаго производства, слѣдовательно были неизбежны; и во-вторыхъ, что эта ступень производства въ теченіе послѣдующихъ четырехсотъ лѣтъ не прогрессировала, не регрессировала, и поэтому съ прежнею необходимостью снова вызвала появленіе того же распределенія собственности и тѣхъ же общественныхъ классовъ. Въ послѣдніе вѣка существованія римской имперіи городъ лишился своего господства надъ деревней, и онъ не вернулъ его себѣ въ первые вѣка германскаго владычества. Это предполагаетъ низкую ступень развитія, какъ земледѣлія, такъ и промышленности. Въ своей совокупности такое положеніе вещей не-

обходимо создаетъ крупныхъ властвующихъ помѣщиковъ и зависящихъ отъ нихъ мелкихъ земледѣльцевъ. Какъ мало было возможно навязать такому обществу, съ одной стороны, римское хозяйство латифундій съ ихъ рабскимъ трудомъ, съ другой—новѣйшую крупную культуру, опирающуюся на барщину,—это доказываютъ грандіозные, но почти не оставившіе по себѣ слѣда, опыты Карла Великаго съ знаменитыми императорскими виллами. Опыты эти продолжались позднѣе только монастырями и у нихъ только и имѣли успѣхъ; но монастыри были ненормальными корпораціями, основанными на безбрачїи; они могли достигать исключительныхъ результатовъ, но въ силу этого самаго и должны были оставаться исключеніями.

И все-таки, въ теченіе этихъ четырехсотъ лѣтъ, совершился нѣкоторый прогрессъ. Если мы и въ концѣ этого періода находимъ почти тѣ же общественные классы, что и въ началѣ, то все-таки люди, составлявшіе эти классы, стали другими. Исчезло античное рабство, исчезли жалкіе свободные бѣдняки, презиравшіе трудъ, какъ дѣло рабовъ. Римскаго колона отдѣляли отъ новаго крѣпостного свободный франкскій крестьянинъ. «Безполезныя напоминанія и тщетная борьба» гибнущаго римскаго гражданства были погребены и забыты. Общественные классы IX вѣка развились не изъ разложенія старой гибнувшей цивилизаціи, но изъ родовыхъ мукъ новой. Новое поколѣніе, какъ господъ, такъ и слугъ въ сравненіи со своими римскими предшественниками, было поколѣніемъ мужей. Отношеніе могущественныхъ помѣщиковъ къ зависящимъ отъ нихъ крестьянамъ, приведшее древній міръ къ безысходной гибели, послужило теперь исходной точкой новаго развитія. Далѣе, какъ ни кажутся намъ непроеизводительны эти четыреста лѣтъ, они все же оставили послѣ себя важный результатъ: современныя національности, преобразование и новое распредѣленіе западно-вропейскихъ народностей для грядущей исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, германцы снова оживили Европу, и потому разложеніе государствъ въ

германскій періодъ привело не къ нормано-сарацинскому игу, а къ дальнѣйшему развитію феодализма изъ бенефіцій и коммendaцій (отдачи подъ покровительство) и къ такому быстрому увеличенію народонаселенія, что черезъ какія-нибудь двѣсти лѣтъ усиленные кровопусканія крестовыхъ походовъ были перенесены безъ особеннаго вреда.

Но въ чемъ же заключалось таинственное магическое средство, при помощи котораго германцы вдохнули въ умирившую Европу новую жизненную силу? Была ли это особая, присущая германскому племени чудодѣйственная сила, какъ увѣряетъ наша шовинистская исторіографія? Вовсе нѣтъ. Германцы были, особенно въ то время, высокоодареннымъ аріискимъ племенемъ, находившимся въ полномъ разгарѣ своего жизненнаго развитія. Но не ихъ специфическія національныя качества вернули юность Европѣ, а просто ихъ варварство, ихъ родовой строй.

Ихъ личная мощь и храбрость, ихъ любовь къ свободѣ и демократическій инстинктъ, во всякомъ общественномъ дѣлѣ заставлявшій ихъ видѣть свое личное дѣло, словомъ, всѣ тѣ качества, которыхъ лишились римляне и которыя одни только были въ состояніи образовать новыя государства и вырастить новыя національности изъ тины римскаго міра,—что представляли они собою, какъ не характеристическія черты высшей ступени варварства—плоды родовой организаціи?

Если германцы преобразовали античную форму моногаміи, смягчили власть мужа въ семьѣ, дали женщинѣ болѣе высокое положеніе, чѣмъ то, которое когда-либо зналъ классическій міръ,—что сдѣлало ихъ способными къ совершенію всего этого, какъ не ихъ варварство, ихъ родовыя привычки, живое еще наслѣдіе временъ материнскаго права!

Если опи, по крайней мѣрѣ въ трехъ важнѣйшихъ странахъ: Германіи, Сѣверной Франціи и Англіи, въ самомъ феодальномъ государствѣ, сохранили остатокъ истиннаго родового строя въ видѣ общины-марки, и тѣмъ самымъ дали угнетенному классу, крестьянамъ, даже при самомъ тяжкомъ средне-

вѣковомъ крѣпостномъ состояніи мѣстное единеніе и средство къ сопротивленію, котораго не было у античныхъ рабовъ и нѣтъ у современныхъ пролетаріевъ, то чему были они обязаны этимъ, какъ не своему варварству, своему исключительно присущему варварству способу селиться родами?

И, наконецъ, если они усовершенствовали существовавшую уже на ихъ родинѣ болѣе мягкую форму зависимости, въ которую все болѣе переходило рабство и въ римской имперіи, и сдѣлали исключительной эту форму, которая, какъ впервые указалъ Фурье, дастъ поработленнымъ средства къ постепенному освобожденію цѣлымъ классомъ (*fournit aux cultivateurs des moyens d'affranchissement collectif et progressif*) и которая тѣмъ самымъ стоитъ выше рабства, допускающаго лишь возможность немедленного полного индивидуального освобожденія безъ всякаго переходного состоянія (отмѣна рабства вслѣдствіе побѣдоноснаго возстанія неизвѣстна древности), между тѣмъ какъ средневѣковые крѣпостные въ самомъ дѣлѣ добились своего постепеннаго освобожденія, какъ цѣлый классъ, — чему обязаны мы всѣмъ этимъ, если не варварскому состоянію германцевъ, благодаря которому они не дошли еще до совершеннаго рабства ни въ формѣ античнаго рабства труда, ни въ формѣ восточнаго домашняго рабства?

Все живительное и плодотворное, что внесли германцы въ римскій міръ, заключалось въ варварскомъ строѣ. Въ самомъ дѣлѣ одни лишь варвары способны обновить міръ, томимый въ умирающей цивилизаціи. А высшая ступень варварства, на которую поднялись германцы передъ переселеніемъ народовъ, какъ разъ была самой благопріятной для этого процесса. Этимъ объясняется все.

IX. Варварство и цивилизація.

Мы прослѣдили теперь разрушеніе родового строя на трехъ крупныхъ примѣрахъ—грековъ, римлянъ и германцевъ. Изслѣдуемъ въ заключеніе общія экономическія условія, которыя уже на высшей ступени варварства подорвали родовую организацію общества, а съ наступленіемъ цивилизаціи совершенно устранили ее.

Возникнувъ на средней ступени дикаго состоянія и продолжая развиваться на высшей его ступени, родъ, насколько позволяютъ судить имѣющіеся у насъ источники, достигаетъ наибольшаго расцвѣта на низшей ступени варварства. Съ этого момента его развитія мы и начнемъ.

На этой ступени, на которой примѣромъ намъ должны служить американскіе краснокожіе, мы находимъ родовую организацію вполне выработавшеюся. Племя расчленилось на роды, по большей части на два; съ увеличеніемъ населенія эти первоначальные роды въ свою очередь распадаются на нѣсколько подчиненныхъ родовъ (*tochtergentes*), по отношенію къ которымъ они являются фратріями; самое племя дѣлится на нѣсколько племенъ, въ каждомъ изъ которыхъ мы по большей части узнаемъ прежній родъ. Нѣсколько родственныхъ племенъ, по крайней мѣрѣ въ единичныхъ случаяхъ, образуютъ союзъ. Эта простая организація вполне удовлетворяетъ условіямъ того общественнаго состоянія, изъ котораго она возникла; она представляетъ собою не что иное, какъ ихъ самостоятельную, естественную группировку; она въ состояніи сгладить всѣ конфликты, возникающіе въ средѣ организованнаго такимъ образомъ общества. Внѣшніе конфликты разрѣшаются войной, которая можетъ кончиться истребленіемъ племени, но никогда—его порабощеніемъ. Величіе,

но и ограниченность родовой организаціи составляет то, что въ ней нѣтъ мѣста господамъ и холопамъ. Внутри общества не существуетъ еще различія между правами и обязанностями; вопросъ о томъ, представляютъ-ли участіе въ общественныхъ дѣлахъ и кровная месть или искупленіе ея права или обязанность, не существуетъ для индѣйца; онъ показался-бы ему столь-же нелѣпымъ, какъ вопросъ о томъ, правомъ или обязанности являются питаніе, сонъ и охота. Въ такой-же степени невозможно и дѣленіе племени или рода на различные классы, а это обстоятельство ведетъ насъ къ изслѣдованію экономической основы положенія.

Населеніе крайне рѣдко; оно нѣсколько сгущается лишь въ мѣстѣ жительства племени, вокругъ котораго далеко простирается сначала область охоты, а дальше нейтральный пограничный лѣсъ, отдѣляющій данное племя отъ другихъ племенъ. Раздѣленіе труда носитъ еще чисто естественный характеръ: оно существуетъ только для различныхъ половъ. Мужчина сражается, охотится, ловить рыбу, доставляетъ сырой матеріалъ для пищи и необходимыя для добыванія его орудія. Женщина занимается домашнимъ хозяйствомъ, приготовляетъ пищу и одежду, стряпаетъ, шьетъ, ткетъ. Каждый изъ нихъ господианъ въ своей собственной области; мужчина въ лѣсу, женщина въ домѣ. Каждый является собственникомъ имъ самимъ изготовленныхъ и употребляемыхъ орудій: мужчина владѣетъ оружіемъ, охотничьими и рыболовными снарядами; женщина—домашнею утварью. Хозяйство ведется коммунистически нѣсколькими, часто многими семьями *). То, надъ чѣмъ сообща работаютъ и чѣмъ сообща пользуются, составляетъ и общую собственность, какъ напримѣръ: домъ, садъ, челнокъ. Такимъ образомъ здѣсь, и только еще здѣсь, существуетъ въ

*) Особенно на сѣверозападномъ берегу Америки (см. у Банкрофта). У племени гайдаховъ на островѣ королевы Шарлотты подъ одной кровлей живутъ иногда хозяйства, въ составъ которыхъ входитъ до семи сотъ человѣкъ. У нотковъ жили цѣлыя племена въ общемъ домо-хозяйствѣ.

дѣйствительности выдуманная юристами и экономистами цивилизованнаго общества «собственность, добытая личнымъ трудомъ», послѣдній лживый призракъ права, на который еще опирается современная капиталистическая собственность.

Но люди не вездѣ остановились на этой ступени. Въ Азіи они нашли животныхъ, которыхъ можно было приручать и затѣмъ разводить въ прирученномъ состояніи. За дикой самкой буйвола надо было охотиться, прирученная же приносила ежегодно теленка, да кромѣ того давала молоко. Для нѣкоторыхъ передовыхъ народовъ—арійцевъ, семитовъ, а можетъ быть и туранцевъ—главной отраслью труда сдѣлалось сначала прирученіе животныхъ, а затѣмъ ужъ только разведение скота и уходъ за нимъ. Пастушескія племена отдѣлились отъ остальной массы варваровъ: *первое крупное общественное раздѣленіе труда*. Пастушескія племена производили жизненные припасы не только въ большемъ количествѣ, но и болѣе разнообразныя, чѣмъ остальные варвары. У нихъ не только было больше молока, молочныхъ продуктовъ и мяса, но у нихъ были кромѣ того шкуры, овечья и козья шерсть, разная пряжа и ткани, количество которыхъ увеличивалось съ умноженіемъ сырого матеріала. Это впервые сдѣлало возможнымъ правильнѣе обмѣнъ. На низшихъ ступеняхъ развитія обмѣнъ могъ происходить лишь въ особыхъ случаяхъ; на примѣръ, когда особенная ловкость въ изготовленіи оружія и инструментовъ приводила къ временному раздѣленію труда; такъ, во многихъ мѣстахъ найдены несомнѣнные остатки мастерскихъ для изготовленія каменныхъ орудій, относящіеся къ позднѣйшему періоду каменнаго вѣка; мастера, совершенствовавшіеся здѣсь въ своемъ искусствѣ, работали вѣроятно, какъ теперешніе постоянные ремесленники индѣйскихъ родовыхъ общинъ, за счетъ общества. На этой ступени обмѣнъ могъ возникнуть не иначе, какъ внутри племени, да и то долженъ былъ оставаться исключительнымъ явленіемъ. Напротивъ, послѣ выдѣленія пастушескихъ племенъ, мы находимъ на лицо всѣ условія, необходимыя для возникновенія обмѣна между членами

различныхъ племенъ и для развитія и укрѣпленія его, какъ правильнаго учрежденія. Сначала цѣлое племя обмѣнивалось съ другимъ племенемъ черезъ посредство родовыхъ старѣйшинъ обѣихъ сторонъ; но по мѣрѣ того какъ стада переходили въ частную собственность, индивидуальный обмѣнъ становился преобладающимъ — и наконецъ остался единственной формой обмѣна. Главнымъ предметомъ, который пастушескія племена отдавали при обмѣнѣ своимъ сосѣдямъ, былъ скотъ; скотъ сдѣлался товаромъ, на который оцѣнивались всѣ другіе товары, и который вездѣ охотно принимался въ обмѣнъ за послѣдніе; словомъ, скотъ приобрѣлъ значеніе денегъ и уже на этой ступени сталъ исполнять ихъ роль. Съ такой-то быстротой и неизбежностью, уже въ самомъ началѣ существованія обмѣна, развилась потребность въ денежномъ товарѣ.

Садоводство, неизвѣстное вѣроятно азіатскимъ племенамъ на низшей ступени варварства, появилось у нихъ не позднѣе, какъ на средней ступени этого состоянія, и предшествовало полеводству. Климатъ туранскаго плоскогорья дѣлаетъ пастушескую жизнь невозможной безъ запасовъ корма на долгую и суровую зиму; поэтому луговое хозяйство и разведеніе хлѣбныхъ растений являлись здѣсь необходимостью. То же самое можно сказать и о степяхъ, простирающихся къ сѣверу отъ Чернаго моря. Но вскорѣ послѣ того какъ хлѣбныя растенія стали воздѣлываться для корма скоту, они стали служить пищей и человѣку. Обработанная земля оставалась еще собственностью племени, и была предоставлена сначала въ пользованіе родамъ, а позднѣе въ свою очередь передана ими въ пользованіе семейнымъ общинамъ и наконецъ индивидуальнымъ лицамъ; всѣ они имѣли на нее извѣстное право владѣнія, но не болѣе того.

Изъ индустріальныхъ приобретеній этой эпохи особенно важны два: ткацкій станокъ и плавленіе руды, сдѣлавшее возможнымъ обработку металловъ. Изъ послѣднихъ въ значительной мѣрѣ важнѣе всѣхъ прочихъ были мѣдь и олово и составляющаяся изъ нихъ бронза. Бронза доставляла при-

годные для употребленія инструменты и оружіе, но не могла вытѣснить каменныхъ орудій; вытѣснить ихъ было только въ состояніи желѣзо, котораго въ то время еще не умѣли добывать. Золото и серебро начинали уже примѣняться въ качествѣ украшеній и драгоценностей и, должно быть, цѣнились уже очень высоко сравнительно съ мѣдью и бронзой.

Усиленіе производства во всѣхъ его отрасляхъ—скотоводствѣ, земледѣліи, домашнихъ ремеслахъ—дало возможность рабочей силѣ человѣка производить большее количество продукта, чѣмъ какое было необходимо для поддержанія этой силы. Въ то же время оно увеличило количество ежедневнаго труда, приходившееся на долю каждаго члена рода, семейной общины или индивидуальной семьи. Сдѣлалось желательнымъ введеніе новыхъ рабочихъ силъ. Ихъ доставила война: военнопленные были обращены въ рабовъ. Первое крупное общественное раздѣленіе труда, увеличивъ производительность труда, а слѣдовательно и богатство, и расширивъ область производства, при совокупности данныхъ историческихъ условій неизбѣжно повлекло за собой рабство. Изъ перваго крупнаго общественнаго раздѣленія труда вытекло и первое крупное дѣленіе общества на два класса: господъ и рабовъ, эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ.

Когда и какимъ образомъ стада перешли изъ общей собственности племени или рода въ собственность индивидуальныхъ главъ семьи, — объ этомъ мы до сихъ поръ ничего не знаемъ; но вѣроятно въ своихъ существенныхъ чертахъ переходъ этотъ совершился на разсматриваемой нами ступени. Съ приобрѣтеніемъ стадъ и другихъ новыхъ богатствъ въ семьѣ произошла революція. Приобрѣтеніе всегда было дѣломъ мужчины, средства къ приобрѣтенію производились имъ и составляли его собственность. Стада являлись новыми средствами къ приобрѣтенію; первоначальное прирученіе ихъ и позднѣйшій уходъ за ними были дѣломъ мужчины. Поэтому и скотъ, и полученные въ обмѣнъ за него товары и рабы принадлежали мужчинамъ; весь нажитый излишекъ до-

ставался ему; женщина также пользовалась имъ, но она не раздѣляла права собственности на него. «Дикій» воинъ и охотникъ довольствовался въ домѣ вторымъ мѣстомъ, уступая первое жепѣ; «болѣе кроткій» настухъ, гордясь своимъ богатствомъ выбрался на первое мѣсто, оттѣснивъ жену на второе. И она не могла жаловаться на это, такъ какъ распределение имущества между мужемъ и женою регулировалось раздѣленіемъ труда въ семьѣ, которое оставалось прежнимъ; и все-таки оно перевернуло вверхъ дномъ прежнія домашнія отношенія единственно потому, что раздѣленіе труда въ семьѣ измѣнилось. Та же причина, которая раньше обезпечивала женщинѣ господство въ домѣ, именно то, что ея трудъ ограничивался домашними работами,—эта же самая причина гарантировала теперь господство въ домѣ мужа: домашнія работы жены потеряли всякое значеніе въ сравненіи съ приобрѣтательнымъ трудомъ мужа: его трудъ былъ всѣмъ, трудъ жены — ничтожной прибавкой. Отсюда видно уже, что освобожденіе женщины и уравниеніе ея въ правахъ съ мужчиной невозможно, пока женщина остается исключенной изъ собственного производительнаго труда и вынуждена ограничиваться частнымъ домашнимъ трудомъ. Освобожденіе женщины сдѣлается возможнымъ лишь тогда, когда она въ обширной степени, какъ членъ общества, приметъ участіе въ производствѣ и когда ей можно будетъ лишь немного заботъ посвящать дому. А это сдѣлалось возможнымъ лишь благодаря современной крупной промышленности, которая не только допускаетъ женскій трудъ въ широкихъ размѣрахъ, но даже прямо требуетъ его, и которая все болѣе стремится превратить частный домашній трудъ въ отрасль общественнаго производства.

Съ водвореніемъ въ семьѣ фактическаго господства мужчины, пала послѣдняя преграда его единовластію. Это единовластіе было затѣмъ утверждено и увѣковѣчено паденіемъ материнскаго права, введеніемъ права отцовскаго и постепеннымъ переходомъ отъ парнаго брака къ моногаміи. Этимъ,

однако, былъ нанесенъ ударъ старинному родовому строю: индивидуальная семья сдѣлалась силой и стала угрожать самому существованію рода.

Слѣдующій шагъ ведетъ насъ на высшую ступень варварства—періодъ, въ теченіе котораго всѣ культурные народы пережили свою героическую эпоху: эпоху желѣзнаго меча, но и желѣзнаго плуга и топора. Человѣкъ научился пользоваться желѣзомъ, послѣднимъ и важнѣйшимъ изъ всѣхъ сырыхъ матеріаловъ, производившихъ переворотъ въ исторіи человѣчества, послѣднимъ изъ нихъ, если не считать картофеля. Желѣзо сдѣлало возможнымъ полеводство въ широкихъ размѣрахъ, обработку обширныхъ лѣсныхъ пространствъ; оно дало ремесленнику орудіе такой твердости и остроты, что ему не могъ противостоять ни камень, ни какой-либо изъ остальныхъ извѣстныхъ тогда металловъ. Но все совершилось постепенно; первое желѣзо было часто еще мягче бронзы. Каменное оружіе исчезло лишь мало-по-малу; каменными топорами сражаются еще не только въ пѣснѣ о Гильдебрандѣ, но и при Гастингсѣ въ 1066 г. Но прогрессъ продолжался теперь неустанно, съ меньшими перерывами и шель быстрѣе. Городъ, охватывавшій своими каменными стѣнами, башнями и зубцами каменные же или кирпичные дома, сдѣлался главнымъ средоточіемъ племени или союза племенъ, что свидѣтельствуетъ объ огромномъ успѣхѣ въ строительномъ искусствѣ, но въ то же время и объ увеличившейся опасности и потребности въ защитѣ. Богатство росло быстро, но это было богатство индивидуальное; тканье, обработка металловъ и другія все болѣе обособлявшіяся ремесла обнаруживали растущее разнообразіе и совершенство производства; земледѣліе доставляло теперь кромѣ хлѣба, стручковъ и плодовъ, также масло и вино, приготовленію которыхъ люди уже научились. Всей это разнообразной дѣятельностью не могло уже заниматься теперь одно лицо; наступило *второе крупное раздѣленіе труда*: ремесло отдѣлилось отъ земледѣлія. Постоянное расширеніе производства

а вмѣстѣ съ нимъ и увеличеніе производительности труда возвысило цѣну рабочей силы человѣка; рабство, которое на предыдущей ступени только еще возникало и было явленіемъ спорадическимъ, становится теперь существенною частью общественнаго строя; рабы перестаютъ быть простыми помощниками, они дюжинами сгоняются на работу въ поле или мастерскіе. Съ распаденіемъ производства на двѣ главныя отрасли его, земледѣліе и ремесло, начинается производство съ непосредственной цѣлью обмѣна, производство товарное; въ то же время возникаетъ и торговля не только внутренняя и пограничная, но и заморская; роль денегъ повсемѣстно начинаютъ играть преимущественно благородные металлы, но они еще не чеканятся и оцѣниваются непосредственно по вѣсу.

Наряду съ различіемъ между свободными и рабами выступаетъ различіе между богатыми и бѣдными: новое раздѣленіе труда сопровождается новымъ дѣленіемъ общества на классы. Имущественныя различія между главами индивидуальных семей расторгаютъ старинную коммунистическую семейную общину тамъ, гдѣ она еще сохранилась до того времени; вмѣстѣ съ нею рушится и совмѣстная обработка земли за счетъ общины. Поля отдаются въ пользованіе индивидуальнымъ семьямъ, сначала временно, позднѣе — развѣ навсегда; переходъ ихъ въ полную частную собственность совершается постепенно, параллельно съ переходомъ отъ парнаго брака къ моногаміи. Индивидуальная семья мало-помалу становится экономической единицей общества.

Теперь мы пришли къ порогу цивилизаціи. Общество вступаетъ въ нее посредствомъ новаго шага впередъ въ раздѣленіи труда. На низшей ступени развитія люди производили лишь необходимое для удовлетворенія собственныхъ потребностей; случаи обмѣна были единичны и касались лишь случайно образовавшагося излишка. На средней ступени варварства мы находимъ уже у пастушескихъ народовъ, въ видѣ скота, имущество, которое при извѣстной величинѣ стадъ

даетъ правильно повторяющійся излишекъ сверхъ удовлетворенія собственныхъ потребностей; въ то же время здѣсь происходитъ раздѣленіе труда между пастушескими народами и отсталыми племенами, не имѣющими стадъ, бокъ о бокъ являются двѣ различныя ступени производства и, благодаря этому, создаются необходимыя условія для обмѣна. На высшей ступени варварства происходитъ дальнѣйшее раздѣленіе труда между земледѣіемъ и ремесломъ, вмѣстѣ съ тѣмъ все большая часть продуктовъ труда начинаетъ производиться непосредственно съ цѣлью обмѣна, который сначала имѣлъ значеніе лишь для отдѣльныхъ лицъ, а теперь сдѣлался жизненною потребностью всего общества. Заставъ уже всѣ эти виды раздѣленія труда, цивилизація еще болѣе закрѣпляетъ и усиливаетъ ихъ—именно увеличеніемъ противоположности между городомъ и деревней (причемъ то городъ въ экономическомъ отношеніи господствуетъ надъ деревней, какъ это было въ древности, то деревня надъ городомъ, какъ въ средніе вѣка), и присоединяетъ къ нимъ еще третій, исключительно ей свойственный и имѣющій наиболѣе важное значеніе видъ раздѣленія труда: именно она создаетъ классъ, занимающійся уже не производствомъ, а лишь обмѣномъ товаровъ,—классъ *купцовъ*. Всѣ предыдущіе случаи образованія классовъ касались еще исключительно производства: они дѣлили участвовавшихъ въ производствѣ людей на руководителей и исполнителей или на крупныхъ и мелкихъ производителей. Теперь же впервые выступаетъ на сцену классъ, который, не принимая никакого участія въ производствѣ, присваиваетъ себѣ въ немъ, однако, главную руководящую роль, экономически подчиняетъ себѣ производителей, беретъ на себя роль неизбѣжнаго посредника между каждыми двумя производителями и обоихъ ихъ эксплуатируетъ. Якобы съ цѣлью избавить производителей отъ труда и риска обмѣна, распространить сбытъ ихъ продуктовъ на самые отдаленныя рынки и стать, такимъ образомъ, полезнѣйшимъ классомъ населенія,—образуется классъ паразитовъ, настоящихъ чужеед-

ныхъ животныхъ въ обществѣ, которыя, въ вознагражденіе за свои ничтожныя дѣйствительныя услуги, снимаютъ сливки какъ съ чужого, такъ и съ родного производства, быстро приобрѣтаютъ себѣ огромныя богатства и соответствующее общественное вліяніе, а въ силу этого въ теченіе всего періода цивилизаціи достигаютъ все большихъ почестей и большей власти надъ производствомъ, пока, наконецъ, не производятъ свой собственный продуктъ — періодическіе торговые кризисы.

На разсматриваемой нами ступени развитія юное купечество, конечно, даже не подозреваетъ еще великой предстоящей ему роли. Но оно формируется и добивается того, что становится необходимымъ; этого достаточно. Вмѣстѣ съ нимъ появляются и *металлическія деньги*, чеканная монета, а вмѣстѣ съ металлическими деньгами и новое средство для господства непронизводителя надъ производителемъ и надъ его производствомъ. Найденъ былъ главный товаръ, въ скрытомъ видѣ заключающій въ себѣ всѣ остальные, открыто волшебное средство, по желанію превращающееся въ какую угодно привлекательную и желаемую вещь. Кто обладалъ имъ, могъ властвовать надъ производительнымъ міромъ, а кто обладалъ имъ въ наибольшей степени, какъ не купецъ? Въ его рукахъ культъ денегъ былъ въ безопасности; онъ заботился о томъ, чтобы всѣмъ стало ясно, съ какимъ благоговѣніемъ и товары, и производители товаровъ должны повергаться въ прахъ передъ деньгами. Онъ на практикѣ доказывалъ, насколько всѣ другіе виды богатства являются однимъ лишь призракомъ его въ сравненіи съ деньгами, какъ съ настоящимъ воплощеніемъ богатства. Никогда впоследствии могущество денегъ не выступало въ такой первобытной грубости и силѣ, какъ въ этотъ періодъ ихъ юности. Вслѣдъ за покупкой товаровъ на деньги явилась ссуда денегъ, а съ нею проценты и ростовщичество. И никакое позднѣйшее законодательство не предастъ должника такъ безпо-

щадно и безнадежно во власть ростовщика, какъ законодательства древне-афинское и древне-римское, которыя, однако же, возникли самопроизвольно, какъ обычное право, безъ всякаго внѣшняго давленія, кромѣ давленія экономическаго.

Наряду съ богатствомъ, заключающимся въ товарахъ и рабахъ, и съ богатствомъ денежнымъ появляется теперь и поземельное богатство. Право индивидуальных лицъ на владѣніе розданными имъ первоначально родомъ или племенемъ участками земли настолько утвердилось, что эти участки составляли уже ихъ наследственное владѣніе. За послѣднее же время эти владѣльцы земли больше всего добивались того, чтобы было уничтожено связывавшее ихъ право собственности родовой общины на ихъ участки. Отъ этой помѣхи они избавились, но вскорѣ затѣмъ избавились и отъ своей новой поземельной собственности. Полное и неограниченное право собственности на землю означало вѣдь не только возможность вполне владѣть ею, но и возможность отчуждать ее. Пока земля оставалась родовымъ имуществомъ, возможность эта не существовала. Когда же новый собственникъ земли окончательно сбросилъ тяготѣвшія на его участкѣ оковы верховнаго владѣнія рода и племени, онъ тѣмъ самымъ порвалъ связь, до сихъ поръ неразрывно соединявшую его съ землей. Значеніе этого обстоятельства выяснилось для него, когда одновременно съ частной поземельной собственностью появились деньги. Землю можно было превратить въ товаръ, который продается и закладывается.

Съ расширеніемъ торговли, съ появленіемъ денегъ и денежнаго роста, поземельной собственности и ипотеки, быстро пошла впередъ концентрація и централизація богатствъ въ рукахъ немногочисленнаго класса, а въ то же время стало увеличиваться обѣднѣніе массъ и стала расти масса бѣдныхъ. Новая имущественная аристократія въ концѣ концовъ совершенно оттѣснила на задній планъ старинную племенную аристократію (въ Афинахъ, въ Римѣ, у германцевъ), поскольку она не совпала съ ней съ самаго начала. А наряду съ этимъ

раздѣленіемъ свободныхъ на классы по имуществу происходило особенно въ Греціи необычайно быстрое увеличеніе числа рабовъ *), принудительный трудъ которыхъ составлялъ основаніе, поддерживавшее на себѣ все общество.

Посмотримъ теперь, что сталося съ родовой организаціей подѣ влияніемъ этого общественнаго переворота? Она была безсильна по отношенію къ новымъ элементамъ, которые развились безъ всякаго ея содѣйствія. Необходимое условіе ея существованія заключалось въ томъ, чтобы члены одного и того же рода или по крайней мѣрѣ одного и того же племени жили вмѣстѣ въ определенной области и одни заселяли ее. Между тѣмъ это давно прекратилось. Повсюду роды и племена были перемѣшаны, повсюду между свободными гражданами жили рабы, покровительствуемые, чужестранцы. Установившееся лишь къ концу средней ступени варварства осѣдлое состояніе, постоянно снова нарушалось вслѣдствіе подвижности и перемѣнъ мѣстожителства, обусловленныхъ торговлей, перемѣной занятій, приобрѣтеніемъ и отчужденіемъ земельной собственности. Члены родовыхъ союзовъ не могли уже собираться для заведыванія своими собственными общими дѣлами; лишь неважныя дѣла, какъ напримѣръ религіозныя празднества, кое-какъ отправлялись еще. Рядомъ съ потребностями и интересами, вѣдать которые родовые союзы были призваны и къ вѣдѣнію которыхъ они были способны, изъ переворота, постигнаго условія приобрѣтенія, и изъ послѣдовавшаго за нимъ измѣненія въ составѣ общества вытекли новыя потребности и интересы, которые не только были чужды старинной родовой организаціи, но даже во всѣхъ отношеніяхъ противорѣчили ей. Интересы возникшихъ вслѣдствіе раздѣленія труда ремесленныхъ группъ, особыя потребности

*) Относительно числа ихъ въ Аеянахъ см. выше стр. 136. Въ Коринѣ въ эпоху процвѣтанія города ихъ было 460.000, въ Эгинѣ 470.000; въ обоихъ случаяхъ число ихъ въ десять разъ превышало количество свободныхъ гражданъ.

города, противоположныя потребностямъ деревни, — все это дѣлало необходимыми учрежденіе новыхъ органовъ управленія. Въ то же время каждая изъ этихъ общественныхъ группъ состояла изъ членовъ различныхъ родовъ, фратрій и племенъ и заключала въ себѣ даже чужестранцевъ; поэтому новые органы должны были образоваться внѣ родовой организаціи, рядомъ съ ней, и въ силу этого самаго должны были противорѣчить ей. Съ другой стороны въ каждой родовой группѣ сказывался подобный конфликтъ интересовъ, достигавшій своего апогея вслѣдствіе соединенія богатыхъ и бѣдныхъ, кредиторовъ и должниковъ въ одномъ и томъ же родѣ, въ одномъ и томъ же племени. Въ довершеніе всего появилась еще масса новаго населенія, ничѣмъ не связаннаго съ родовыми общинами, населенія, которое, подобно тому, какъ это было въ Римѣ, могло стать силой въ странѣ, и при этомъ по своей многочисленности не могло быть постепенно включено въ кровные роды и племена. По отношенію къ этой массѣ родовыя общины приняли форму замкнутыхъ, привилегированныхъ корпорацій; первоначальная естественная демократія превратилась въ ненавистную аристократію. — Въ концѣ концовъ родовая организація выросла вѣдь изъ общества, не знавшаго внутреннихъ противорѣчій, и только для такого общества и годилась. Въ ея рукахъ не было никакого принудительнаго средства, кромѣ общественнаго мнѣнія. Теперь же возникло общество, которое всѣми своими экономическими условіями существованія вынуждено было раздѣлиться на свободныхъ и рабовъ, эксплуатирующихъ богачей и эксплуатируемыхъ бѣдняковъ, и которое не только не могло примирить этихъ противорѣчій, но еще все болѣе усиливало ихъ. Такое общество могло существовать лишь подъ условіемъ постоянной открытой борьбы между противоположными классами, или же подъ условіемъ господства третьей власти, которая, съ виду возвышаясь надъ борющимися классами, подавляла бы открытый конфликтъ между ними и давала бы классовой борьбѣ разыгрываться лишь въ экономической

области, въ такъ называемой легальной формѣ. Родовая организація отжила свой вѣкъ. Она была разрушена раздѣленіемъ труда и, слѣдствіемъ его, дѣленіемъ общества на классы. На смѣну ей явилось государство.

Мы уже рассмотрѣли въ отдѣльности каждую изъ тѣхъ трехъ главныхъ формъ, въ которыхъ государство возникаетъ на развалинахъ родового строя. Чистѣйшую и наиболѣе классическую форму его представляютъ Афины: здѣсь государство непосредственно и преимущественно вытекаетъ изъ классовыхъ противоположностей, развивающихся въ средѣ самого родового общества. Въ Римѣ родовое общество становится замкнутой аристократіей среди многочисленнаго плебса, стоящаго внѣ ея, безправнаго, но несущаго на себѣ нѣкоторыя государственныя обязанности; побѣда плебса разрушаетъ старинную родовую организацію и на развалинахъ ея воздвигаетъ государство, въ которомъ вскорѣ исчезаетъ и родовая аристократія и плебсъ. Наконецъ, у германскихъ завоевателей римской имперіи государство является прямымъ послѣдствіемъ покоренія обширныхъ чужихъ областей, для управленія которыми родовая организація не даетъ никакихъ средствъ. Но такъ какъ покореніе этихъ областей не связано ни съ серьезной борьбой противъ ихъ прежняго населенія, ни съ особенно развитой системой раздѣленія труда, и такъ какъ завоеватели и покоренные стоятъ почти на одинаковой ступени экономического развитія, почему экономическая основа общества и остается прежней, то родовой организаціи удается въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій удержаться здѣсь въ измѣненной, территоріальной формѣ, въ видѣ марковой организаціи, и даже на нѣкоторое время она обновляется въ болѣе слабой формѣ въ позднѣйшихъ благородныхъ и патриціанскихъ родахъ, а иногда и въ крестьянскихъ, какъ на примѣръ, въ дитмаршенскихъ родахъ *).

*) Первымъ историкомъ, имѣвшимъ хотя приблизительное понятіе о сущности рода, былъ Нибуръ, и этимъ—но также и заимствованными имъ прямо отсюда заблужденіями—онъ обязанъ своему знакомству съ дитмаршенскими родами.

Итакъ, государство никоимъ образомъ не представляетъ собою власти, навязанной обществу извнѣ; столь же мало представляетъ оно и «реальность нравственной идеи», «образъ и реальность разума», какъ утверждаетъ Гегель. Оно является продуктомъ общества, дошедшаго до извѣстной ступени развитія; въ немъ выражается признаніе того, что это общество запуталось въ неразрѣшимомъ противорѣчій съ самимъ собою, что въ немъ развились непримиримыя противоположности, устранить которыя оно не въ состояніи. Для того же, чтобы эти противоположные элементы, эти классы съ противоположными экономическими интересами, не истощали въ безплодной борьбѣ собственныя силы и силы общества, понадобилась власть, будто бы стоящая надъ обществомъ, власть, которая подавляла бы классовую борьбу и сдерживала бы ее въ границахъ «порядка»; (этой властью, которая получаетъ свое начало отъ общества, но ставитъ себя выше его и все болѣе отъ него отчуждается, было государство).

Отъ старинной родовой организаціи государство прежде всего отличается тѣмъ, что оно подраздѣляетъ своихъ подданныхъ *по мѣсту жительства*. Прежнія родовыя общины, возникшія изъ кровныхъ узъ и связанные ими, сдѣлались — какъ мы уже видѣли — несостоятельными, главнымъ образомъ потому, что онѣ предполагали неразрывную связь между членами родовой организаціи и определенной областью, а связь эта давно уже прекратилась. Территорія осталась, но люди стали передвигаться. Теперь территоріальное подраздѣленіе было принято за исходную точку, и общественныя права и обязанности были предоставлены гражданамъ тамъ, гдѣ они селились; родъ же и племя не принимались въ соображеніе. Такая организація подданныхъ по мѣсту жительства обща всѣмъ государствамъ; поэтому намъ она кажется естественной; мы видѣли однако, какая долгая и упорная борьба понадобилась въ Аѳинахъ и въ Римѣ, чтобы поставить ее на мѣсто прежней организаціи по родамъ.

Второе отличіе государства отъ родового строя заключается въ учрежденіи *общественной силы*, которая не совпадаетъ уже непосредственно со всѣмъ народомъ, какъ съ самоорганизующейся вооруженной силой. Потребность въ такой особой общественной силѣ обуславливается невозможностью самостоятельной военной организациіи всего населенія со времени раздѣленія его на классы. Рабы также принадлежатъ къ населенію; 90.000 афинскихъ гражданъ составляютъ лишь привилегированный классъ въ сравненіи съ 365.000 рабовъ. Національное войско афинской демократіи представляло аристократическую общественную силу по отношенію къ рабамъ, которыхъ оно держало въ подчиненіи, но для подчиненія самихъ гражданъ, въ свою очередь, нужна была жандармерія какъ уже было сказано выше. Такая общественная сила существуетъ въ каждомъ государствѣ; она состоитъ не только изъ вооруженныхъ людей, но изъ разныхъ вещественныхъ прибавленій: тюремъ и всякаго рода исправительныхъ учреждений, о которыхъ ничего не знало родовое общество. Эта общественная сила можетъ оставаться очень незначительной, почти незамѣтной въ обществѣ съ неразвившимися еще классовыми противорѣчіями и въ уединенныхъ областяхъ,—какъ это замѣчается въ нѣкоторые періоды и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ Америки; но она усиливается по мѣрѣ того, какъ обостряются внутри государства классовыя противоположности и становятся обширнѣе и населеннѣе сосѣднія государства.

Сверхъ того, въ большинствѣ извѣстныхъ исторіи государствъ предоставленныя гражданамъ права распределяются по степенямъ сообразно съ количествомъ имущества. Это мы видимъ уже въ афинскихъ и римскихъ имущественныхъ классахъ, въ средневѣковомъ феодальномъ государствѣ, гдѣ политическая власть соразмѣрялась съ поземельной собственностью, и въ избирательномъ цензѣ современныхъ представительныхъ государствъ. Между тѣмъ такое политическое признаніе имущественныхъ различій вовсе не является необходимымъ; на-

противъ, оно знаменуетъ низкую ступень государственнаго развитія. Демократическая республика, которая при нашихъ современныхъ соціальныхъ отношеніяхъ становится все болѣе неизбѣжной, эта форма государства оффиціально не признаетъ уже никакихъ имущественныхъ различій.

Изъ предыдущаго видно, что цивилизація представляетъ собою такую ступень развитія общества, на которой раздѣленіе труда, вытекающій изъ него обмѣнъ между отдѣльными лицами и являющееся ихъ общимъ результатомъ производство товаровъ достигаютъ полнаго развитія и производятъ совершенный переворотъ въ прежнемъ обществѣ.

На всѣхъ болѣе раннихъ ступеняхъ общественнаго развитія производство по существу своему носило коммунистическій характеръ, и потребление происходило путемъ непосредственнаго дѣлежа продуктовъ внутри крупныхъ и мелкихъ коммунистическихъ общинъ. Эта общность производства ограничивалась самыми тѣсными рамками, но она влекла за собой господство производителя надъ процессомъ производства и надъ продуктомъ. Производители знали, что будетъ съ ихъ продуктомъ: они сами употребляли его, онъ не выходилъ изъ ихъ рукъ. До тѣхъ поръ, пока производство ведется на такихъ основахъ, оно не можетъ пріобрѣсть власть надъ производителями, и не можетъ также противопоставить ему роковыя силы, какъ это обязательно и неизбѣжно бываетъ при цивилизаціи.

Но вотъ въ этотъ процессъ производства медленно проникаетъ раздѣленіе труда. Оно подрываетъ общность производства и присвоенія, дѣлаетъ преобладающимъ явленіемъ присвоеніе продуктовъ отдѣльными лицами и тѣмъ самымъ порождаетъ обмѣнъ между ними, — какимъ способомъ, мы уже разсмотрѣли выше. Постепенно господствующей формой производства становится производство товарное.

Съ появленіемъ товарнаго производства не для собственнаго потребленія, а для обмѣна, продуктъ необходимо долженъ переходить въ чужія руки. Производитель отдаетъ при

обмѣнъ свой продуктъ и не знаетъ, что съ нимъ будетъ дальше. Когда посредниками между производителями становятся деньги, а съ ними и купецъ,—процессъ обмѣна становится еще болѣе запутаннымъ, а конечная участь продукта еще болѣе проблематической. Купцовъ много, и ни одинъ изъ нихъ не знаетъ, что дѣлать другой. Товары переходятъ теперь уже не только изъ рукъ въ руки, но и съ одного рынка на другой; производители лишены власти надъ всею совокупностью своего производства, а купцы этой властью не завладѣли. Продукты и производство предоставляются на волю случая.

Но случай есть только одинъ изъ полюсовъ общаго хода дѣлъ, другой полюсъ котораго называется необходимостью. Въ природѣ въ которой также съ виду господствуетъ случай, мы давно уже для каждой отдѣльной области ея доказали внутреннюю необходимость и закономерность, проявляющіяся въ этомъ случаѣ. То же, что въ природѣ, существуетъ и въ обществѣ. Чѣмъ болѣе какая-нибудь общественная дѣятельность, рядъ общественныхъ процессовъ, становятся недоступными сознательному человѣческому контролю, перестаютъ повиноваться человѣку, чѣмъ болѣе они кажутся предоставленными случаю, тѣмъ вѣрнѣе—какъ бы съ естественной необходимостью—осуществляются посредствомъ этого случая особенные присущіе обществу законы. Такіе законы управляютъ также случайностями производства и обмѣна товаровъ. По отношенію къ отдѣльному производителю или участнику обмѣна они являются посторонними, сначала даже непризнанными силами, природу которыхъ надо еще изслѣдовать, что требуетъ немалого труда. Экономическіе законы товарнаго производства измѣняются по мѣрѣ того, какъ эта форма производства проходитъ различныя ступени развитія; но, вообще говоря, весь періодъ цивилизаціи находится подъ ихъ властью. И въ наше время продуктъ господствуетъ надъ производителемъ, и въ наше время все совокупное производство общества регулируется не сообща обдуманымъ планомъ.

а слѣпыми законами, дѣйствующими со стихійной силой и въ послѣдней инстанціи проявляющимися въ грозныхъ періодическихъ торговыхъ кризисахъ.

Мы видѣли выше, что уже на довольно ранней ступени производства для рабочей силы человѣка сдѣлалось возможнымъ производить гораздо большее количество продукта, чѣмъ то, которое нужно для удовлетворенія собственныхъ потребностей производителя, и что эта ступень была въ сущности той самой, на которой появилось раздѣленіе труда и обмѣнъ между индивидуальными лицами. Послѣ этого немного времени понадобилось, чтобы была открыта та великая «истина», что и человѣкъ можетъ быть обращенъ въ товаръ, что и человѣческую силу можно сдѣлать предметомъ обмѣна и пользованія, превративъ человѣка въ раба. Едва люди стали заниматься обмѣномъ, какъ уже и сами сдѣлались предметомъ его. Нравилось это имъ или нѣтъ, активный элементъ сдѣлался пассивнымъ.

Съ появленіемъ рабства, которое въ эпоху цивилизаціи достигло наибольшаго развитія, произошло и первое главное дѣленіе общества.
